

Александра Лисина

Не выходите замуж на спор

Кому и суккуб — невеста!

Annotation

Вышла замуж на спор? Твой муж – тиран, не знающий жалости? Ничего страшного: любого мужчину можно покорить и сломать... Так думала Хель, соглашаясь на условия одного дурацкого спора. Но кто же знал, что на Князя тьмы не действуют любовные чары?! Теперь у Хель нет иного выхода, кроме как попытаться влюбить в себя сильнейшего демона Преисподней без помощи магии. Скажете, безумие? Возможно. Но суккубы без боя не сдаются!

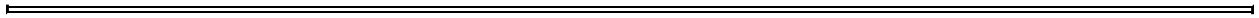
- [Александра Лисина](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)

◦ 2

Александра Лисина
Не выходите замуж на спор

Пролог

– Н-на тебе туз червей!

– Н-на тебе в ответ даму крести! И еще десяточку! И вальта! Что, съел?

– Да мне твою даму перекрыть – раз плюнуть! Так что... н-на тебе короля! Н-на! И еще раз н-на!

На отломанную сидушку от табуретки, брошенную прямо на пол, одна за другой посыпались замусоленные карты.

Я с досадой стукнула кулаком по колену. Лики Преисподней! Да что сегодня за день?! Зачет по ведьмовству не сдала, доставшему меня бесу рыло не начистила, а теперь еще проиграю какому-то укушавшемуся мухоморовки фею?!

В карты мы резались уже давно, азартно, яростно торгуясь за каждый ход. А что еще прикажете делать студентам накануне отбоя? У нас тут, как обычно, вся группа собралась и даже не помышляет расходиться, хотя времени до полуночи осталось немного. Еще бы! Последняя партия... Оборотень с ангелом благополучно выбыли, оракула мы по понятным причинам в игру не взяли, и против нас с баньши остался только мелкий фей с пьяно блестящими глазами. Каких-то полчаса назад мы были близки к триумфу. А сейчас у меня на руках остались только двойка, семерка и пара шестерок, тогда как у Шмуля наверняка еще полколоды заныкано... Ну не гадство, а?

– Хелька, имей в виду, – дрожащим голосом вдруг сообщила сидящая рядом баньши. – Ты меня в это втянула, так что, если он выиграет обещанное желание, я тебе этого не прощу-у...

Я пихнула мелкую плаксу локтем, чтобы не вздумала портить пол. А то потом или паркет опять вздуется, или канализация протечет, или кто из соседей к утру ненароком преставится – умеет, поганка, смерть насылат, когда захочет. Лучше бы гаденьша-фея так оплакивала, чем нашу уплывающую победу.

– Шмуть, давай! – подпрыгнул раскрасневшийся от волнения оракул, отчего доски под ним жалобно скрипнули и опасно прогнулись. Комнаты в общежитии маленькие, поэтому кровати двухъярусные, узкие. А этот раздобревший на университетских харчах предатель оккупировал верхнюю койку еще в начале игры, потому что, понимаете ли, оттуда лучше видно. – Щас ты их завалишь! Улька уже слилась!

Я мрачно зыркнула на толстяка.

– Слышь, Зыряныч, ты со мной за одной партой больше не сидишь! И на мои лечебные зелья не претендуешь. Понял?

– Хель, да ты чего? – отпрянул толстяк, осознав реальность угрозы. Даже плюшку изо рта выронил, обсыпав сахарной пудрой постель. – Побойся Создателя! Это же игра!

– А то, что нам сейчас поражение накаркал, нормально? – прошипела я.

Баньши, выбыв из игры под злорадный хохот фея, тут же завывала дурным голосом:

– А-а-а! Хе-э-эль! Спасай нас обе-э-их! Я больше не хочу наряжаться привидением и пугать прохожих! В прошлый раз еле ноги от стражи унесли-и-и! А в позапрошлый он нас еще и выкупать из тюрьмы отказывался-а-а!

Я окончательно рассвирепела:

– Видал, что наделал, предсказатель придурочный?!

– Я не каркал, – донесся сверху испуганный голос, и где-то там подозрительно хрустнула доска. – У меня предвидение было.

– Значит, больше в будущее не смотри! – рявкнула я, решительно выкладывая на табуретку свои последние козыри. – А то Улька тебя сейчас оплачет!

Баньши от удивления даже прекратила рыдать и, убрав с лица длинную черную челку, в священном ужасе уставилась на жестокую меня. А потом, безжалостно паля нас обеих, вытаращилась на двух невест откуда взявшихся в игре тузов. Но я и глазом не моргнула, мухлевать так мухлевать. В данной ситуации победа дороже чести.

Кстати, да, забыла представиться: Хельриана Арей Нор Валлара, для своих – просто Хель. Студентка третьего курса УННУНа – Университета нетрадиционных наук и уникальных нововведений. А еще – суккуб с крайне запутанными, в том числе ангельскими, корнями.

– Хелечка, ты тоже выбываешь! – На конопатом лице Шмуля внезапно расплылась мерзопакостная улыбочка, и поверх моих тузов легло два невест откуда взявшихся джокера.

Я буквально окаменела. Да что там! Меня чуть удар не хватил от мысли, что этот мелкий поганец всю игру умудрялся водить нас за нос. Не могло быть у него сразу двух джокеров! Не могло! Но как, мама моя суккубская, и главное, где этот гадский фей, что ростом от горшка два вершка, прятал карты, если на нем даже рубашки не было? И если все это время его голые руки, да и ноги тоже, находились у меня перед глазами?

Баньши стремительно спала с лица.

– Хеля, мы пропали!

А недоделанный оракул тихонько пробормотал:

– Я же говорил...

Глядя на то, как разбойничья физиономия сиреневокрылого фея расплывается в гнусной ухмылке, моя рука начала сама собой подниматься. Народ, предвидя катастрофу, поспешно отпрянул в стороны, а сидевший дальше всех оборотень торопливо юркнул под стол.

– Правильно. Благослови его, Хель! – подал голос уныло сидящий на единственном стуле ангел. Не чистокровный, конечно. Примерно на четверть человек. Тощий, нескладный, занудный до отвращения, без присущих нормальным ангелам крыльев, зато с забавными кудряшками и одухотворенным взглядом огромных голубых глаз. – Нечисть должна быть наказана!

– Ты на что это намекаешь, пернатый? – мгновенно оскалился Шмуль, пряча под тощий зад небольшие копытца. А когда Марти обвинительно ткнул в него пальцем, гневно жужжащей мухой взвился под самый потолок.

– Ты смухлевал!

– Ничего подобного!

– Мухлевал! Я знаю!

– Докажи!

Ангел сник; поймать за руку ушлого фея было практически невозможно. Сейчас нам с баньши не помогло бы и коронное мартиновское «покайся!», после которого даже у меня порой не выдерживали нервы. С фея все было как с гуся вода. Потому и морда всегда довольная.

– Ладно, – раздраженно бросила я, поднимаясь на ноги. – Проигрыш так проигрыш. Ульяна, не реви – твоё желание я возьму на себя.

– Что? – встрепелась уже собравшаяся испортить нам пол баньши. Растрепанная, как обычно, тощая донельзя, бледная как поганка, с потекшей тушью и синими кругами под глазами – хоть сейчас мертвологам на пособие отдавай.

Я повернулась к жужжащему под самым потолком фею.

– Что ты хочешь?

– Мм... Да я, собственно, еще не решил, – тут же изобразил задумчивость Шмуль. Но в глазах уже появился знакомый блеск. Наверняка врал, поганец. И желание заранее придумал, иначе не поднял бы ставки. – Хотя знаешь, наверное, Мартин прав. Благослови-ка меня!

Я с искренним недоумением воззрилась на самоубийцу.

– Шмуть, ты спятил? В тебе же темная кровь!
– Ну и что? – упрямо выпятил нижнюю губу фей и сердито затрепетал крылышками.

Я покрутила пальцем у виска.

– Если я это сделаю, ты сдохнешь.

– Тебе-то что?

– Иди к демонам, мелкий, – фыркнула я, не понимая, чего он уперся. – Мне маменька запретила убивать разумных темных до совершеннолетия. Но, даже если я ее не послушаю, Старая Жаба с треском вышибет меня из УННУНа, и вот тогда меня точно больше нигде не возьмут.

– Я спишу тебе одно желание! Улькино! – торопливо выкрикнул Шмуть, когда я решительно двинулась к выходу. – И следующая партия тоже твоя. Нет, две! Ладно, три отдам... и еще желание сверху!

Я отмахнулась от блаженного дурачка.

– Ступай проспись. Потом свое желание скажешь.

– Но ты обещала!

– Да я лучше совру, чем потом буду отплясывать на твоих похоронах, – фыркнула я, и на лице взбешенного фея вдруг проступили черные вены. – Я пока, знаешь ли, не готова к такому празднику жизни. Да и платья для поминок у меня нет. Покупать его дорого, шить долго. Проще за Темного Князя выйти, там даже готовиться не надо. Пришла, предложила – и все, ты уже счастлива.

– Да тебе слабо! – вдруг вякнул из-под стола оборотень.

– Вася, не зли меня, – пригрозила я, и он послушно затих. – Я от своих слов никогда не отказываюсь.

– Тогда пусть оно так и будет! – каким-то жутковатым голосом вдруг возвестил Шмуть, превратившись в неопрятный черный сгусток с темно-фиолетовыми крыльями. Ни лица, ни глаз, только рот до ушей с сотней острых зубов, короткий хвост с кисточкой и виднеющиеся снизу козлиные копыта. – Ты сегодня же выйдешь замуж за Темного Князя! Сроку тебе – час. Откажешься – исполняешь желание. А исполнишь и сумеешь вернуться... так и быть, прощу.

Мы все оторопели. Не столько оттого, что в фее наконец проснулась чья-та поганенькая кровь, поймавшая меня на слове, а скорее от полнейшего абсурда происходящего. Мои благословения, даже слабенькие, для темных крайне бесполезны. Даже демонам становится некомфортно, если я разозлюсь. Так что придурковатый фей понятия не имел, о чем просит. А главное, не знал, на кого нарвался.

Наверное, это все мухоморовка виновата, раз я не послала его сразу

и не забыла все как дурной сон. Но меня вдруг такая злость взяла, что я, взглянув на преобразившегося фея, упрямо вскинула голову и четко произнесла:

– Я, Хельриана Арей Нор Валлара, здесь и сейчас клянусь сегодня же выйти замуж за любого из Темных Князей. И пусть Тьма будет мне свидетелем!

Не ожидавший такой подлянки Шмуль отшатнулся, стремительно возвращаясь в привычный облик, а меня под испуганный крик одноклассников мгновенно окутало плотное черное облако и с устрашающим ревом закинуло прямиком в Преисподнюю.

Глава 1

Говорят, когда Бог создавал миры, для каждого он использовал определенный сорт глины. Какие-то из них заселились потом людьми, где-то смогла развиваться магия, где-то жили оборотни, в некоторых обосновались эльфы и крылатые феи. Все миры были разными, и в каждом из них существовали всевозможные, абсолютно на любой вкус, школы и академии.

Каждое из этих заведений скрупулезно отбирало учеников по строго определенным признакам. Одним нужны были умные и красивые, другим – одаренные и гениальные, третьим – мохнатые и клыкастые. Даже для кикимор и мавок существовал какой-то уголок, где они постигали премудрости болотной жизни.

Но иногда студенты попадались такие, что никто не мог понять, к какому виду их отнести. И ни одна из академий не брала на себя ответственность за таких бедолаг.

Куда, например, податься молодому ангелу, если его отец сошелся со смертной женщиной, а родившееся от их связи дитя не получило дара благословлять и летать? Что делать фею, у которого в предках мелькнула демонесса, и теперь природное умение создавать хаос, помноженное на мерзкий характер, стало грозить неприятностями Зачарованному лесу? Что делать оборотню, потерявшему врожденное свойство оборачиваться? Или оракулу, утратившему способность вовремя предвидеть?

Для таких бедолаг существовало лишь одно место, где от них никто не отказывался. Последнее пристанище для неудачников – УННУН. Единственный университет, откуда было практически невозможно вылететь.

В сущности, ничего уникального в нем не было, кроме, пожалуй, расположения – УННУН оказался не привязан ни к одному известному миру. И находился на куцем огрызке пространства, которое Бог, вероятно, слепил из разноцветных кусков глины, оставшихся после сотворения миров. Ущербный мир, состоящий из моря, скал, тщательно оберегаемого леса и одного-единственного города. Смесь причудливого ландшафта с исковерканными законами мироздания. Здесь не работало нормально ни одно известное заклинание и не слушалась по-настоящему ни одна стихия. Вывернутый наизнанку Мир, который так теперь и называли. Единственный пяточок суши, откуда можно попасть в любую

из существующих вселенных.

Именно это обстоятельство вывело Мир за пределы системы. И именно поэтому в УННУН были сосланы все мы – люди и нелюди, ангелы и демоны, эльфы и гномы, оборотни и маги. Здесь собрались все оказавшиеся бесполезными или опасными в своих мирах создания. Ошибки природы. Плоды самых невероятных связей, каким-то чудом получившие жизнь. А три года назад к ним присоединилась и я – неопытная суккуба с крайне сомнительным происхождением.

Вообще-то в будние дни нам не позволялось покидать универ без специального разрешения. Но на магические клятвы это ограничение не распространялось, поэтому-то меня и вышвырнуло с такой легкостью в Преисподнюю. Причем не абы как – клятва, подтвержденная Тьмой, требовала точности. Поэтому меня отправили в замок ближайшего Темного Князя и демонстративно вытряхнули прямо ему под нос. Если точнее, на огромный пиршественный стол, за которым собралась целая армия демонов.

Под веселый звон разбившихся бокалов и грохот опрокинувшейся посуды я чувствительно приземлилась пятой точкой прямо на черную скатерть и ошеломленно воззрилась на оказавшегося передо мной демона.

Довольно мелкий, то есть как раз с меня, чернокожий, с гладким лицом, оранжевыми, как морковь, глазами и выступающими над кучерявыми волосами аккуратными рожками. Сравнительно молодой – мелькнувшие в разинутой пасти клыки еще не сточились – и неопытный, поскольку вместо того, чтобы сразу напасть или, напротив, отшатнуться, он изумленно замер, так и не донеся до рта вилку с наколотой на нее вишенкой.

Чуть дальше, за тянувшимся через весь немаленький зал столом, нашлись и другие местные обитатели всех мастей – черные и красные, рогатые и хвостатые, просто клыкастые и совсем уж страшные, похожие на людей и вообще не похожие ни на что. Видимо, вечеринка у них назрела. Или праздник какой отмечали, мрачно жуя недожаренное мясо и запивая его – я принялась к разлившейся неподалеку луже – весьма неплохим вином.

Суровая маменькина школа даром не прошла, так что после жесткого приземления я почти не растерялась. Для начала грациозным движением спустила со стола длинные ноги, которые, благодаря провокационным разрезам юбки, обалдевший демон мог видеть во всей красе. Уверенно и властно обхватила ими торс застывшей жертвы, вынуждая ее нагнуться вперед. Соблазнительно изогнувшись, поправила волосы. А затем подалась

вперед, чтобы незнакомец мог заглянуть в глубокий вырез моей рубахи, и аккуратно, одними губами, сняла с его вилки вишенку, выразительно при этом облизнувшись.

Надо признать, в своем обычном состоянии мы, суккубы, довольно невзрачны – ни ног от ушей, ни груди величиной с арбуз, ни чего-то такого фантастического. Обычные девчонки, которых везде пруд пруди. Однако природная магия делала нас желанными для намеченного в жертву мужчины, поэтому сейчас прибалдевший демон видел перед собой не встрепанную девицу в запыленной одежде – перед ним сидела богиня. Невероятно привлекательная самка, которая даже в дерюге выглядела бы сногшибательно. Правда, ради этого мне пришлось осветлить кожу, стать ниже ростом, чуточку тоньше в талии и гораздо полнее в груди, да и цвет волос сменить с русого на иссиня-черный.

Оказывается, эта особь предпочитала белокожих брюнеток.

– Доброй ночи, милый, – промурлыкала я, проведя по подбородку демона мгновенно отросшими и окрасившимися в кроваво-алый цвет ноготками. – Скажи, где твой Князь?

Рогатый, не отрывая от меня затуманенного взгляда, ткнул пальцем куда-то в сторону.

– Хороший мальчик, – прошептала я, наклонившись к самому его уху и заставив жертву шумно сглотнуть. После чего так же медленно отклонилась, подтянула колени к груди, умышленно толкнув тяжело задыхавшего демона, и одним гибким движением поднялась на ноги. А затем выпростала из специальных разрезов платья мягкие, похожие на прозрачный шелк крылья (не спрашивайте, с кем согрешила моя прабабка ради улучшения породы) и, стряхнув на изумленно вскинувшихся демонов золотистую пыльцу, величественно взмыла под самый потолок.

– Апчихи! – звучно чихнула моя первая жертва, вдохнув любовную отраву.

– Пчихи! – через секунду поддержала ее вторая.

– А-апчихи! – моментально разнеслось вдоль стола.

– Апчихи! Чхи! Чхи-и-и!

– Апчихи! Да что ж такое... – Кто-то торопливо зажал нос, надеясь спастись, но моя пыльца – оружие массового поражения, воздействующее на жертв как любовный дурман. Правда, для темных она почти безобидна, но я и не собиралась никого совращать. Пусть займут себя на часок, этого вполне достаточно.

Темный Князь нашелся во главе стола; без особого интереса он следил за тем, как я бессовестно травлю его подданных. Единственный

светлокожий представитель темного племени, который выделялся среди обычных демонов, как выделяется могучий лев среди стаи гиен.

В Преисподней нелегко добраться до вершины, поэтому каждый Князь всходил на трон в буквальном смысле по трупам своих врагов и сторонников. За долгие столетия он многое пережил, научился видеть людей и нелюдей насквозь и по одному взгляду определял подбирающегося к нему убийцу. Он видел все, что только могла ему предложить насыщенная событиями жизнь. Все испытал, включая разнообразные излишества и нехорошие пристрастия, которые со временем тоже потеряли остроту. А теперь ему было скучно. Неимоверно, безумно, мучительно скучно. Настолько, что даже мое эффектное появление не смогло его расшевелить.

Но мне-то его на женитьбу уговорить нужно. Причем всего за час, пока не прочихаются остальные.

Основная трудность заключалась в том, что у Князя не имелось предпочтений относительно противоположного пола. Всех, кого было можно и нельзя, он за свою жизнь уже перепробовал и давно пресытился. А теперь ему стало без разницы, на кого смотреть и с кем, вероятно, спать. Настолько безразлично, что даже моя природная магия не смогла найти, что ему предложить, и, растерянno отступив, вернула мою внешность к исходному облику.

– Мое почтение, ваше темнейшество! – Я грациозной птицей опустилась прямо перед троном, где со скучающим видом сидел худощавый, длинноволосый, одетый во все черное и крайне хмурый тип неопределенного возраста. – Прошу прощения за столь неожиданный визит, но у меня к вам серьезное деловое предложение.

Он даже не пошевелился.

– Какое?

– Вам случайно жена не нужна? – с очаровательной улыбкой осведомилась я, рассматривая его непроницаемое, но не лишенное своеобразной, какой-то хищной привлекательности лицо. – Жена что надо: неверная, непослушная, нелюбящая и совсем не красивая. Подарок судьбы, одним словом. Возьмете?

– На меня не действуют твои чары, суккуба, – равнодушно сообщил он, глядя куда-то мимо. – Меня не приворожишь.

– Так я и говорю – сугубо деловое предложение. Взаимовыгодный обмен на равноценных условиях.

Князь наконец повернул голову и смерил меня презрительным взглядом.

– И что я получу? Тебя? Думаешь, что сможешь поразить меня в постели?

– А кто говорит про постель? – искренне удивилась я, по-прежнему игнорируя его беспрестанно кашляющее и чихающее окружение. – Там я и без вас прекрасно обойдусь. Давайте меняться: вы мне – брачные браслеты, я вам – избавление от скуки. Вам же скучно, мой Князь? – вкрадчиво поинтересовалась я. – О-очень скучно. А я помогу вам вернуть остроту жизни.

В его глазах мелькнул и пропал ма-а-ахонький огонек.

– А если я тебя убью?

– Будете в своем праве, – без колебаний признала я. – Но тогда вам опять станет скучно. И снова придется ждать, пока кто-то развеет вашу тоску. Разве это разумно?

– У меня было десять жен, суккуба, – безразлично отозвался Князь. – Одна хотела власти, вторая – денег, три других – детей, а остальные – моей смерти. Что нужно от меня тебе?

– Ничего, – бодро отозвалась я, и вот тогда он чуть приподнял брови. – Ничего, кроме самого факта замужества. Даже еды и воды не потребую – я не капризная. Если пожелаете, вы меня больше не увидите, но при этом отсутствие скуки я готова гарантировать надолго.

Князь помолчал, а потом едва заметно нахмурился.

– Зачем тебе это?

Я пожала плечами.

– Обычный спор.

– Кхм... Что?

О, кажется, мне-таки удалось его зацепить.

– Ну да, просто дурацкий спор, который требует от меня выйти за вас замуж.

Он снова помолчал, а потом небрежно махнул изящной кистью, в которой тем не менее чувствовалась огромная сила, и скупно бросил:

– Не интересуется.

– Жаль, – не стала настаивать я. – Тогда можно я тут осмотрюсь? Кто знает, вдруг другую жертв... то есть жениха замечу?

И, не дожидаясь ответа, снова поднялась в воздух.

На этот раз, кроме громкого чиха, меня сопровождали и ругательства. Правда, с проклятиями никто баловаться не рискнул, но один из рогатых гостей, которого я на пробу задела крылом, все-таки не выдержал и запустил мне вслед огненный шар. Маленький такой, слабенький, только чтобы прибить зудящего над ухом комара.

И сразу как-то стало веселее. Невесомая пыльца, которая успела наводнить весь зал, моментально вспыхнула и привнесла в унылый серо-черный интерьер долгожданное разнообразие. От прокатившейся по залу взрывной волны бронзовые люстры одновременно качнулись, роняя с зажженных свеч расплавленный воск прямо на головы рыкнувших от неожиданности гостей. А осевшая на их одежде пыльца мгновенно воспламенила ее вплоть до нижнего белья.

В считанные секунды унылое застолье превратилось в шумный и радостный праздник. Кто-то из демонов взревел, ожесточенно сдирая с себя пылающий камзол, кто-то с грохотом выскочил из-за стола, неловко зацепившись за горящую скатерть. С протяжным звоном запрыгали по каменному полу опрокинутые блюда и уставленные деликатесами подносы. Разбились бокалы. Свалились торты. Выплеснулось на чьи-то коленки вино...

Кто-то из числа самых вспыльчивых гостей снова попытался швырнуть в меня сгустком огня, нерационально запалив его посильнее, но ожидаемо промахнулся и зацепил раздраженно озирающегося, наполовину оголившегося соседа. Тому это не понравилось (сгорающие на груди волосы – это, наверное, больно), поэтому незадачливый метатель был тут же превращен в плоский блин и бесформенной грудой осел у противоположной стены. Само собой, пока он туда летел, умудрился по дороге сбить еще кого-то, отбросив на одно из кресел. Там тоже кто-то пострадал и, соответственно, пожелал выразить свое возмущение...

Безусловно, иметь в родне фей – выгодно и полезно. В другое время демоны сохранили бы надменное молчание. Не осмелились бы потревожить покой своего повелителя, однако в присутствии истинного носителя Хаоса градус агрессивности среди присутствующих резко подскочил вверх.

Чтобы оживить начавшееся веселье, я совершила еще пару кругов под потолком, выхватывая взглядом сиротливо разбросанные столовые приборы и тихонько бормоча:

– Благословляю вас, дети мои, на войну...

Попавшие под действие моего коварства вилки тут же превратились в рогатых металлических тараканов, которые с ходу взяли разбег и впились кто куда достал. У ложек раздвоились ручки, превратились в колющие усики и острыми пиками воткнулись в оказавшихся рядом врагов. Ножи с гудением поднялись в воздух, начав охоту на без того заведенных демонов. Ну а я, с умилением следя за их подвигами, летала над всем этим безобразием и раз за разом шептала:

– Благословляю... благословляю... благословляю...

Оружие светлых в темных руках – страшная сила. Снизу снова раздался яростный рев. Кого-то ловко подсекли, кто-то обзавелся неожиданным паразитом, кто-то, споткнувшись, полетел напрямик в костер. И все это – на фоне бушующего в зале торнадо и красивого зарева беспощадно сгорающих картин.

– Какие-то они у вас нервные, ваше темнейшество, – заметила я, приземляясь на спинку черного трона и с любопытством следя за стремительно набирающим силу хаосом. – Вы бы их воспитывали, что ли? А то вон чего творится – сейчас боевые ипостаси из-под контроля выпустят.

Я как сглазила – сразу двое обозлившихся демонов, утратив над собой контроль, обернулись прямо у нас на глазах и немедленно вцепились друг другу в глотки. Чуть дальше еще двое с остервенением били кого-то ногами. А один внезапно заметил меня и, не раздумывая, метнул еще один огненный шар. О том, что он прилетит точнехонько в сидящего рядом со мной повелителя, демон конечно же не подумал. А вот Князю происходящее не понравилось. Заметив несущееся ему в лицо ревящее пламя, он сузил глаза и, погасив его одним щелчком пальцев, неожиданно рывкнул:

– Довольно!

Причем рывкнул так, что меня едва не сбросило с трона.

Прокатившаяся по залу волна силы оказалась настолько мощной, что на демонов это подействовало как ушат холодной волны. Хотя, скорее, целый ледяной водопад. Или смерч. А может, и все сразу. Остервенело сражающихся гостей с легкостью раскидало в разные стороны, затем снова собрало воедино, небрежно скомкало, не считаясь со сломанными конечностями и выбитыми клыками, и смяло в один большой шар. После чего с раздражением выкинуло вон, с грохотом захлопнув напоследок двери.

«Силен, – с уважением подумала я, когда в зале стало тихо, а его темнейшество поднялся и медленно повернулся ко мне. – Так легко избавить кого-то от воздействия моей пыльцы – это надо уметь».

– Ты мне надоела, – глухо уронил Князь, посмотрев на меня, как дракон на вошь.

Ух, мать моя герцогиня! Каким же он будет, если по-настоящему разозлится?

– Вы так могучи, мой Князь! – с придыханием прошептала я, когда он подошел и без церемоний взял меня за глотку. – Вы так великолепны

и чудовищны... так многоуважаемы и безнадежно желанны... что я прямо сейчас помру от благоговения перед вашим умением быстро очищать пространство от дураков.

От моего резко изменившегося к концу тирады тона в глазах повелителя, до этого поблескивающих, как поверхность бездонного озера, за клубилась первородная Тьма. Завораживающе медленно она выплыла из его глазниц, окутав его страшноватым ореолом власти. Затем так же медленно стекла по его рукам и холодным языком лизнула мне кожу. Задумчиво покачалась у меня перед лицом, словно змея перед опустевшим гнездом, а потом так же медленно уползла обратно.

Повертев меня так и этак, будто забавную зверушку, повелитель негромко спросил:

– Что ты хотела, суккуба, раз это потребовало избавиться от свидетелей?

Я опустила глаза.

Умен, зараза. Но мне теперь нельзя ошибиться, иначе, если меня не убьет он, буквально через несколько часов это сделает магическая клятва. С Тьмой не шутят, когда клянутся ее именем. И ей не лгут, потому что наказание будет страшным.

– Вы правы, мой Князь, я не все вам сказала, – смиренно просипела я, чувствуя, как сильные пальцы задумчиво перебирают хрящи на моей глотке. – И не все аргументы привела, чтобы получить ваше согласие на брак.

– Что ты скрыла?

– Вот *это*, мой Князь, – вздохнула я и поспешно зажмурилась, чтобы не ослепнуть.

Чистейший белоснежный свет хлынул из меня в прокопченный зал, заливая его не виданной здесь благодатью. Грудь обожгло. Из глаз едва не брызнули слезы, в живот будто лавы плеснули... Увы, быть носителем Света и Тьмы – тяжелое бремя, и оно не предназначено для слабого человеческого тела. Но я не позволила себе даже всхлипа, когда призывала светлую ипостась. И не пролила ни слезинки, когда моя темная половина скорчилась от боли, заживо сгорая в очищающем огне.

Увы. Маменька сделала большую глупость, когда решила добавить в свою коллекцию трофеев чистокровного ангела. А расплачиваться за ее грехи приходилось мне. Но даже боль от перехода от одной сущности к другой не могла умалить моего восторга от созерцания преобразившихся крыльев – прекрасных, сияющих, словно сотканных из лунного серебра, то самое папочкино наследство, о котором мечтал неспособный к полетам

Марти.

Ударившие от меня лучи не пощадили и Князя – темные, особенно высшие, плохо переносят Свет. Однако он ничего не сказал, когда жестокий огонь опалил ему руки. И не поморщился, когда пламя так же быстро изуродовало его красивое лицо.

Повелитель отпустил меня почти сразу, как только понял, что происходит, и благоразумно отступил на пару шагов. Несколько минут, пока шла регенерация, оценивая меня рассматривал и внимательно изучал. Как только кожа на его лице восстановилась, снова бесстрашно протянул руку, внимательно глядя, как сгорает на ней плоть до самых костей. Опустил ее. Проследил, как в тени плоть нарастает вновь. И только тогда коротко бросил:

– Я согласен.

Полный безумного облегчения вздох не вырвался из моей груди только потому, что я боялась дышать, чтобы не разорвать сгустившуюся тишину собственным криком. Но малу-помалу безумный огонь угас, болезненно яркий свет перестал струиться сквозь мои руки. А льющаяся с крыльев благодать исчезла, позволив недовольно шепчущейся тьме вернуться в давно облюбованные углы.

В тот же миг мои запястья обожгло невероятным холодом, и на них, нещадно сдавив кожу, с металлическим лязгом защелкнулись тяжелые, матово-черные, связанные толстой цепью браслеты, которые то и дело вспыхивали алыми всполохами рунических знаков и были подозрительно похожи на кандалы. Одновременно такие же, только без цепи, «украшения» защелкнулись на запястьях Князя, и почти сразу где-то грянул гром, подтверждающий заключение сделки. А потом мой новоявленный муж усмехнулся и, развернувшись к выходу, властно бросил:

– Идем!

Пока я стояла, шатаясь под тяжестью оков, и пыталась отделаться от ощущения непоправимой ошибки, какая-то неумолимая сила подхватила меня и буквально потащила вперед. За ним. Сопrotивляться ей было невозможно. Попытка остановиться мгновенно пресеклась раскалившимися докрасна браслетами и недвусмысленно намекнула, что за повторное промедление меня накажут еще большей болью.

Я вонзила злой взгляд в спину удаляющегося мужчины, но вынужденно сделала сперва один шаг, затем другой... А когда поняла, что противиться себе дороже, покорно отправилась туда, куда он меня повел.

Запутанные коридоры подземного дворца оказались похожи

на каменный лабиринт, поэтому я даже не пыталась запомнить дорогу. Огромная металлическая дверь, перед которой мы остановились, была щедро расписана сценами кровавых боев и выглядела несокрушимой. Открывшаяся за ней комната, убранная в кроваво-красных тонах, и с одной-единственной, но очень широкой кроватью, заставила меня нервно поежиться. А появившаяся на губах Князя первая, но откровенно жуткая, улыбка – инстинктивно вжаться в ближайшую стену.

– Теперь твое место здесь, – указал Князь, наслаждаясь моим неожиданным испугом.

Я похолодела, страстно надеясь, что до исполнения супружеского долга прямо сейчас дело не дойдет. И все-таки вздрогнула, когда в его изучающем взгляде промелькнуло сдержанное, но какое-то мрачное любопытство. После чего ощутила требовательный толчок в спину, послушно зашла внутрь, украдкой озираясь в поисках пил и ножей для расчленения тела. Убедившись, что ничего подобного нет, и поняв, что при желании меня просто сожрут целиком, нерешительно оглянулась. Но вместо Князя увидела только быстро закрывающуюся дверь. А когда она с похоронным звоном захлопнулась, я утерла выступившую на лбу испарину и пробормотала:

– Уф... До чего же опасный был блеф...

Как только стало ясно, что новоявленный муж не вернется, я тут же скинула с себя маску унылой обреченности и, торопливо бухнувшись на колени, обеими руками ухватилась за цепь. Металл оказался магически усиленным и при малейшей попытке его снять превращал жизнь носителя браслета в сущий ад. Он не позволял сбежать. Полностью исключал возможность использования пространственной магии. Не поддавался разрушающим чарам и был предназначен для того, чтобы удерживать жертву в плену у демона вечно.

Но я не собиралась быть жертвой. И оставаться здесь дольше необходимого не планировала. Поэтому прикоснулась к браслетам и, постаравшись до краев наполниться неземной благодатью, с чувством произнесла:

– Благословляю меня отпустить!

Благословение – это не магия. Его очень трудно измерить и почти невозможно объяснить. Благословить кого-то означает подарить часть себя, безвозмездно отдать кусочек благодати, которая иногда посещает любую душу. При этом стремление поделиться ею должно быть достаточно сильно, чтобы она смогла воплотиться во что-то реальное, в какое-то действие – страстно ожидаемое, самое нужное именно в этот момент

изменение или просто в хорошее настроение, если тебе его отчаянно не хватает.

Для темных рас это умение практически недостижимо – мы слишком жадны, самолюбивы и горды, чтобы распахивать перед кем-то душу. Мы плохо умеем отдавать. Да и принимаем далеко не все. Потому-то для нас искреннее благословение так опасно.

Но бывают и исключения, когда слабенький Свет, прячущийся где-то глубоко во Тьме, спасает от распада душу какой-нибудь полукровки. Забирает на себя обжигающую благодать и позволяет грешнице и дальше ютиться во Тьме. По этой причине благословлять – так, потихоньку, я все-таки могу и даже не болею при этом. Да и на многое другое способна, если, конечно, сумею правильно настроиться.

Под действием благословения демонические браслеты зашипели, словно разъяренные гадюки, а мне пришлось прикусить губу и стиснуть зубы, чтобы не заорать. Проклятые кандалы вместо того, чтобы просто разомкнуться, неохотно плавилась, с отвратительным звуком пузырясь на стыках и истончаясь с одной стороны – как раз там, где я прикасалась. Раскалившийся металл обжигал так, что на моей коже вспухали огромные волдыри. Но зато проклятые браслеты все-таки сползали. Нарочито медленно, плавно, словно издеваясь. И оставляя заодно на моей коже глубокие, мерзко воняющие ожоги.

Наконец кандалы с лязгом рухнули на багряно-красный ковер, смотрясь на нем, как сплетенные в брачном танце змеи. А я вытерла невольные выступившие слезы и снова призвала в себя Свет, надеясь, что не откину копыта, когда сделаю то, что задумала. Мстительно прищурилась и, уложив брачные оковы на постель так, чтобы они с цепью приняли форму сердца, оскалилась.

– Теперь тебе скучать точно не придется, муженек!

После чего решительно возложила на собственную голову источающие Свет ладони и торжественно возвестила:

– Благословляю себя вернуться в УННУН!

Глава 2

Тянуть себя из глубины Преисподней оказалось тяжело; думала, что помру, пока поднимусь. Но Света, примерно вдвое усиленного благословением, как раз хватило, чтобы я в окружении сияющей белой сферы дотащилась до знакомой комнаты и, возникнув посреди обгорелой проплешины ковра, обессиленно грохнулась на пол.

– Х-хелька... – потрясенно прошептала баньши, когда я с кряхтением поднялась. – Наша Хелька вернулась!

Сохранить лицо в такой момент было делом чести, поэтому, поднявшись, я брезгливо отряхнула дымящуюся юбку, пригладила вставшие дыбом волосы и надменным взором обвела комнату.

– А что? Кто-то сомневался?

Затем отыскивала сидящего на подоконнике фея, на побелевшей физиономии которого можно было рисовать всякие скабрёзности, и процедила:

– Уговор выполнен. Князь женился.

Но Шмуль не был бы Шмулем, если бы даже в такой ситуации, насмерть перепугавшись и уже решив, что меня пора хоронить, не поджал трясущиеся губы и не выдавил упрямо:

– Докажи!

Я молча показала предплечья, где красовались симметричные, точно повторяющие очертания браслетов ожоги с вдавленными в остатки кожи демоническими письменами. После чего обвела высокомерным взглядом притихших одноклассников, в глазах которых читался суеверный ужас, удовлетворенно кивнула и в полной тишине вышла, надеясь, что они не видели моих дрожащих коленок.

Только оказавшись в нашей с Улькой комнате, я с размаху плюхнулась на стул и устало обмякла.

Ладно. Клятва дана – клятва исполнена, я теперь замужем и Тьма мне не страшна. Ну а то, что муж у меня Темный Князь... Подумаешь! Кому-то и ангелы достаются.

Разумеется, муженек придет в бешенство, когда обнаружит, что я сбежала. Но если о свадебном обряде станет известно кому-то еще...

Я зябко передернула плечами, представив, как взбеленится маменька, если только узнает. Но в УННУНе мне опасаться нечего: высшим сущностям, что темным, что светлым, нет хода в этот мир. Да и Князь

не захочет потерять лицо, признавшись кому-то, что его всего за полчаса окрутила какая-то суккуба. Я тоже промолчу, потому что мне жить охота. А друзья постараются об этом не вспоминать. На крайний случай, если кто-то все же прознает, то Князей в Преисподней много, кого именно я обхитрила – выяснить невозможно. Браслеты мои остались внизу, муженек свои обязательно спрячет, так что никто и никогда не узнает, что мы женаты.

Ну а то, что он еще долго будет кидаться на стены – пустяки. Может, ему под руку демон какой попадется, и мир станет чуточку лучше. Я ему не раба, без браслетов призвать меня он не сможет, постель мы с ним тоже делить не клялись. Я ведь лишь пообещала развеять его скуку и ни в чем не солгала: безудержное веселье – в смысле непреходящее бешенство вкупе с бесплодными попытками меня найти займут его мысли о-очень надолго.

Я усмехнулась и подошла к зеркалу, чтобы взглянуть, чем пришлось заплатить за этот триумф. Но цена оказалась приемлемой – я почти не изменилась, если не считать немного подтянувшейся фигуры, чуточку подправленных черт лица да слегка потемневших глаз и волос.

Это еще одна особенность нашей расы: пока суккуба не надела брачные браслеты, она абсолютно свободна в выборе облика. Однако замужество ограничивает нас желаниями мужа. Мечтал он с отрочества жить с шикарной блондинкой – в суккубе закрепится именно этот образ; хотел заполучить в постель демонессу с крылышками – пожалуйста, только скажи. Наш дар, к сожалению, имеет и обратную сторону, потому-то суккубы и хороши в роли жен. Но какой женщине понравится, если ее внешность будет зависеть от мужчины?

Мне, к счастью, повезло – муженек оказался непривередливым, и его безразличие дважды сыграло мне на руку: я не только выжила, но и осталась прежней. И до тех пор, пока мы не разделим постель, а на мои руки не вернутся брачные браслеты, я смогу меняться, как захочу.

– Хелька-а-а... – вдруг тихонько провыл кто-то под окном, заставив меня с усмешкой отойти от зеркала. – Хель, ты еще не спишь?

Выглянув в окно, я с удивлением обнаружила там нашего медведеобразного оборотня – наполовину обернувшийся, обросший по самое не могу Василек зачем-то топтался на драгоценном газоне директрисы и с надеждой смотрел в мое окно.

– Хе-э-эль? Ты там живая?

– Чего надо? – Толкнув створки, я по пояс высунулась наружу. – До весны еще далеко, так что зелье против гона тебе не нужно. Или мухоморовки не хватило? За новой порцией пришел? Тогда это

не ко мне – у Шмуля спрашивай. Мою заначку вы еще на прошлой неделе распотрошили.

Васек, по обыкновению вышедший на ночную прогулку в одних только трусах, мотнул головой и беспокойно почесался.

– Да я вообще-то... прощения попросить пришел.

– Чего-о?

– Ну да, – виновато повторил он. – Если б не я, ты бы этого фея придурковатого не послушала.

– Да живи уж, провокатор. Я больше не злюсь, – беззлобно откликнулась я, и он, снова яростно почесываясь, послушно отступил. – Чего скребешься? Опять блохи замучили?

– Они, проклятушие, – страдальчески протянул Васек, ожесточенно скребя медвежьими когтями бурый бок. – Как вылезет шерсть, так и заедают. К лету вообще никакого спасения нет. Откуда только берутся, сволочи?! Хель, слушай... а может, ты какое зелье от них сваришь?

Лохматая морда, на которой еще просматривались человеческие черты, умоляюще посмотрела снизу вверх.

– Сделай, а? Пожа-а-алуйста! Или у целителей выпроси, ты же можешь. А я тебе за это травок хороших принесу.

Я задумалась. Оборотень у нас, конечно, нестандартный – добрый, ласковый, как теленок, за то его и вышибли из стаи. Да и ходит до сих пор на двух ногах, даже когда обрастет по самые брови. Но с нюхом у него все в порядке, поэтому травы чувствует на раз. А некоторые из них можно удачно толкнуть на городском рынке, так что предложение определенно было выгодным.

– Качественного средства от блох у меня нет, – признала я, задумчиво присев на подоконник. А затем распахнула крылья и слетела вниз, благо тут всего-то третий этаж. – Рецепта не знаю, спросить пока не у кого – целители все на практику уехали, – так что тебе помочь не могу. Разве что попробую благословить?

Василек вздрогнул и попятился.

– А что? – рассудила я, мысленно прикидывая, за сколько продам городской ведьме редкие травки. – Тьмы в тебе нет, следовательно, и риска никакого.

– Да ты сама не знаешь, что у тебя в итоге выйдет, – откровенно занервничал медведь. – У тебя Свет нестабильный!

– У меня и с Тьмой не все в порядке, – успокоила его я. – Зато Свет не причиняет прямого вреда, так что, если благословение не получится, тебе ничего не грозит. Ты же не темный, как Шмуль или Улька.

Медведь, неловко переступая обросшими ногами, в смысле наполовину лапами, попятился еще дальше.

– Да? А когда ты мне лапу лечила, шерсть потом еще с полгода не росла.

– Это я просто перестаралась с наведением красоты.

– А когда цветы под окном растить пыталась – помнишь, что вышло?

Я кинула задумчивый взгляд на густо зеленеющий невдалеке лес.

– Подумаешь, степени перепутала... Но, если не хочешь благословляться, могу и проклясть.

– Да иди ты! – шарахнулся прочь оборотень, зачем-то испуганно прикрывая передними лапами зад. – Твои опыты только Марти спокойно переносит, и то потому, что ему уже ничто не навредит!

Я пожала плечами.

– Ну и ладно. Не больно-то надо было. Живи и дальше с блохами, и пусть они тебя сожрут окончательно.

Медведь вдруг переменялся в морде лица и подозрительно замер.

– Хелечка, надеюсь, ты это не всерьез? Ты ведь не умеешь проклинать, правда?

Я хищно улыбнулась.

– А кто его знает? У меня дар – как маяк: то вспыхнет, то погаснет. Так что, если не хочешь сюрпризов...

– Тьма с тобой, чудовище, – страдальчески скривился Василек. – Давай благословляй... только осторожно!

Я довольно потерла руки и простерла их над съезжившимся медведем. Нет, ну а что? На ком прикажете тренироваться? Светлые от меня уже шарахаются, не без оснований воспринимая мои благословения за проклятия, а темных трогать мне категорически запретили. Причем запрет на убийство был выставлен суровой маменькой, а не Старой Жабой, поэтому нарушить его я не могла. Но надо же как-то выкручиваться?

С торжественным видом возложив ладони на лоб припавшего к земле оборотня, я сосредоточилась. Василек, напротив, зажмурился и на всякий случай закрыл лапами глаза. При этом бока его судорожно дергались – то ли от страха, то ли блохи все же замучили беднягу до основания, а потом он и вовсе затрясся, как в лихорадке.

– Благословляю! – громким шепотом (ночь же на дворе!) произнесла я, ни фигаськи не зная, что в итоге получится.

Василек замер, лихорадочно пытаюсь понять, чего лишился на этот раз. А через пару секунд неожиданно дернулся, высоко подпрыгнул... и так громко взвыл, что с крыши одной из башен с истеричными воплями

взлетела стая ворон, а в комнатах студентов начал загораться свет.

– Хелька-а-а! Что ты натворила, ненормальная?!

– Что такое? – забеспокоилась я. – Вась, тебе больно?

– Ты зачем меня *всего* благословила? Вместе с блохами?! – заорал полумедведь, юлой завертевшись на месте и пытаясь отчаянным рывком сбросить с себя что-то невидимое. – Они же озверели совсем! Щас сожрут к такой-то матери!

– Хм, – задумалась я, когда он заметался перед нашим корпусом как бешеный. – Это ты меня с мысли сбил, пока трялся. Но результат все равно интересный. Как считаешь, твоих блох теперь можно считать блаженными?

– Хелька!

– Да думаю я, думаю, – с досадой отозвалась я, на всякий случай отступив в сторонку, пока свалившийся на землю и яростно по ней катающийся медведь меня не зашиб. То-то была бы радость лешему, который сегодня остался без мухоморовки. – Но пока что-то в голову ничего не приходит. Вась, а давай я попробую благословить их еще раз, только теперь на смерть? Вдруг они издохнут? Тебя не заденет... я надеюсь, но, если заденет, мы мертвологов позовем! Я их быстренько соблазну, и они поднимут тебя заново. Смерть, как они утверждают, это еще не конец.

– Убью! – внятно прорычал вставший на четвереньки оборотень, посмотрев на меня налитыми кровью глазами.

– А может, не надо? – с надеждой спросила я, когда он яростно царапнул землю заметно отросшими когтями и напружинился, как перед прыжком. – Вася... Васенька... Василечек ты мой мохнатый! Знаешь, мне что-то не нравится зверское выражение на твоей морде...

– Хр-р-р! – свирепо выдохнул медведь. Ой, кажется, оборотень у нас теперь полноценный! И злой, как ему положено, хотя это совсем не вовремя. – Ахр-р-р!

– Драпать пора, – сообразила я и как можно быстрее поднялась. Вернее, свечой взлетела вверх, успев поджать под себя ноги. Невменяемый оборотень прямо с места подпрыгнул, но с обиженным ревом грохнулся обратно на землю, не дотянувшись до меня всего на ладонь. – Васенька, ты не буйствуй, люди все-таки спят... Ах, уже не спят? Ну тем более. Зачем им смотреть, как под окнами носится здоровенный бурый медведь в красных трусах? Неужто тебе не стыдно?

Однако «Васенька» не смутился. Только следил за мной злыми глазами и остервенело чесался, явно не собираясь приходить в себя.

Задумчиво потеряв пятую точку, я подлетела поближе, зависнув над головой угрожающе заворчавшего медведя, а потом вздохнула и простерла над ним сразу обе руки.

– Что ж, попробуем иначе... Блохи! Силой, данной мне Светом, благословляю вас кусать только тех, кого я считаю врагом!

Вид моих поднятых ладоней явно напомнил оборотню о чем-то нехорошем, потому что он тут же закрыл пасть и, странно хрюкнув, попытался сбежать. Я, естественно, ринулась следом. Но возложить на него руки во второй раз никак не получалось, потому что дурной медведь вдруг начал вилять, словно я собиралась его подстрелить. А я очень хотела до него дотронуться. И совсем забыла, что творить благословение, находясь в темной ипостаси, более трех раз подряд чревато неприятностями. Поэтому, нагнав стремительно улепетывающего оборотня, внезапно обнаружила, что мои крылья дымятся, и, испуганно охнув: «Папочка святой!» – ...рухнула прямо на загривок взрепевшему от неожиданности Ваське. При этом мои ладони намертво вцепились в его уши, ноги я каким-то чудом успела перебросить по обе стороны его шеи, усевшись верхом, как на коня. Мимолетно порадовалась, что впервые в жизни смогу прокатиться на озверевшем приятеле, а Василек... у него, кажется, случился такой стресс, что от ужаса он перекинулся обратно в человека и прямо на бегу рухнул так, что я самым неэстетичным образом улетела в кусты.

– Хе-э-эль... – донесся до меня через пару минут страдальческий стон. – Хе-э-эля-а-а...

Торопливо ощупав руки-ноги, я выпуталась из зарослей шиповника и на карачках выползла из кустов.

– Чего?

– Ты сво-о-олочь... – просипел Василек, снова принявший вид крупного, волосатого, как тот медведь, но по-своему неплохого парня. Правда, всклокоченные волосы и грязные разводы на теле придавали ему диковатый вид, а порванные на заднице труселя были несколько... неуместны, но я только выдохнула:

– Живой!

И облегченно рухнула в траву.

Приводить Ваську в чувство нам пришлось вчетвером и до самого утра. Мы – это растрепанная и перемазанная в земле я, нутром почуявший беду ангел, примчавшаяся на наши крики Улька и уже успевший к тому времени заснуть оракул, которого мы безжалостно разбудили, когда

заволакивали беспмятного оборотня в их общую комнату. Разобиженный Шмуть высунуть нос из соседней не пожелал, но звать его мы не стали – наверняка мелкий перестарался с мухоморовкой и теперь дрых без задних ног.

Потом я долго гладила лежащую на моих коленях голову оборотня, у которого после первого нормального обращения наступил жестокий откат. Улька, давно и безнадежно увлекшаяся целительством, одно за другим испытывала на нем свои зелья. Марти с печальным видом сидел на подоконнике, с ходу заявив, что тут он не помощник. А Зырян торопливо доедал оставшиеся после ужина пирожки.

Боль мы Васильку в конце концов сняли – хвала Тьме, среди Улькиных запасов нашлось-таки нужное зелье, – но страшнейший зуд унять так и не смогли. В результате несчастный медведь сперва кидался на стены. Потом, когда его попытались образумить, уже на нас. В конце концов его пришлось туго связать и засунуть под одеяло, время от времени рискуя подойти и вытереть выступивший на его лице пот. Потом он тихо страдал, пугая своими подвываниями соседей. Скрипел зубами и громко охал, когда в него пытались влить очередную целебную гадость. Улька без пользы извела на него почти все свои запасы, уже даже не радуясь, что нашелся достойный повод испытать их в действии. А потом мы только молча сидели и беспомощно переглядывались, не зная, чем помочь.

В результате все пятеро одинаково не выспались и на занятия по ядоварению потащились только потому, что на «ядах» всегда можно было и поесть, и выпить, и даже иногда подремать, если не было лаборатории. Впрочем, сегодня мы пришли не за этим.

– Простите, вам *что* от меня нужно, молодые люди? – удивленно округлила глаза сухонькая благообразная старушка, к которой мы явились на поклон. Чистокровная человечка. Приветливая. Милая. Ей бы платочек сверху, сарафанчик беленький – и хоть сейчас в деревню, пирожки печь. Может, правда, пирожками она и так иногда балуется, но я, например, поостереглась бы их пробовать: такого непревзойденного специалиста по ядам УННУН не видел уже давно. – Я преподаю ядоварение, а не целительство! Вы обратились не на ту кафедру!

– Но мадам Травиль! – взмолилась Улька, делая большие-пребольшие и очень трагические глаза, которые мгновенно наполнились слезами. – У нас первый урок именно у вас, а Василек сегодня ночью первый раз обернулся, и теперь ему очень плохо!

Старушка скептически оглядела нашу излучающую вселенскую скорбь и мировое уныние компанию.

– Милая, если ядовары начнут лечить, тогда весь мир погрузится в траур.

В ответ наша непризнанная актриса заломила руки и взвыла так, как только она одна умеет:

– Но вы ведь наверняка знаете какое-нибудь средство-о-о! Прошу вас, помощи-и-ите! Он же погибнет, а я не хочу его оплакива-а-ать!..

Васька, демонстративно повиснув на плече Зыряна, угасающим голосом прошептал:

– Спасибо, Уль, я знал, что ты не бросишь в беде...

Его бледно-зеленая физиономия, которую мы с утра старательно натирали белилами и одновременно травяным настоем от прыщей, изобразила улыбку умирающего – печальную и всепрощающую. После чего оборотень закатил глаза и начал медленно сползать на пол.

– Только не на моем уроке! – всплеснула руками преподавательница. – У меня и так самый высокий травматизм на занятиях, а если студенты начнут умирать не только потому, что, вопреки предупреждениям, упорно пытаются пробовать свои зелья на вкус, я тогда вообще не буду знать, как жить! Марш отсюда! К целителям давайте! Живо!

Она замахала руками, и мы, сохраняя скорбные выражения на лицах, послушно направились к выходу. При этом Зырян тащил, подхватив под мышки, тяжело дышащего оборотня, идущий впереди Марти нес его обутые в грязные сапоги ноги, Улька, как самая маленькая и слабая, схватилась за безжизненную руку, а я с мрачным видом придерживала безжизненно болтающуюся Васькину голову.

Торжественный вынос тела состоялся в гробовом молчании, потому что из однокурсников, которых на «ядах» всегда собиралось немало, нас никто не окликнул. А если и прошуршали где-то под потолком Шмулькины крылья, на это внимания никто не обратил.

– Ну! Достал? – громогласным шепотом спросил Зырян, когда мы вышли в коридор и завернули за угол, где нас уже поджидал запыхавшийся фей.

Шмуль, подлетев, молча протянул мне небольшую мензурку с темно-вишневой жидкостью, смутно похожей на кровь, и тут же отвел глаза. Насчет вчерашнего мы так и не поговорили, но, надо отдать должное, узнав поутру о Ваське, он всполошился больше всех. Видимо, расстроился, что продрых самое интересное. А едва выяснив, в чем дело, тут же развил бурную деятельность и, разработав подробный план действий, вызвался осуществить самую опасную его часть.

– Бери! «Кровь рубина». Ничего лучше у нее в тайнике не было.

– Спасибо, – спокойно кивнула я, и он поспешил отлететь в сторону. – Вась, восстань и пей. Это самое подходящее для тебя зелье.

Издыхающий оборотень тут же поднял голову, с подозрением огляделся, но убедился, что коридор действительно пуст, и проворно вскочил на ноги.

– А что оно делает?

– Избавляет живых от любых негативных последствий магии: проклятий, благословений, воздействия других зелий, включая смертельные яды...

– Универсальный антидот, – ввернула умное словечко Улька и гордо вытерла рукавом ненастоящие слезы, опять размазав тушь по лицу.

– Да, – согласилась я с жутковато разукрашенной баньши. – Уля дело говорит. Если тебе что поможет, так это он.

Василек просиял и, выхватив драгоценную мензурку, залпом ее осушил. После чего прислушался к себе, заметно повеселел и, чмокнув от избытка чувств грязную Улькину щеку, громким шепотом воскликнул:

– Ура! Я снова живой!

Спустя полчаса мы, запершись в комнате Васьки и Зыряна, жадно поглощали утащенный из столовой завтрак. Мартин, поклевав каких-то зернышек, отвалился первым и, успев занять верхнюю кровать, блаженно прикорнул. Я на этот раз уселась на подоконник, чтобы видеть, кто входит и выходит из общаги. Разомлевшая Улька приютилась на стуле, вяло потягивая морковный сок. А заметно посвежевший оборотень, бурно жестикулируя, в лицах описывал свои ночные приключения. В первую очередь фею, который почему-то забился в дальний угол на нижней койке, откуда его почти не было видно. Ну и Зыряну заодно, который только сейчас смущенно признался, что после моего ухода успел заснуть и, оказывается, видел сон, где я с распущенными волосами и безумным лицом катаюсь на большом буре медведе, а тот подпрыгивает, как необъезженный жеребец, и светится изнутри, будто магический фонарь.

Проследив за тем, как в общагу возвращаются с ночной практики усталые мертвологи, я не стала комментировать неудачу оракула. Мы уже давно знали, что его видения чаще всего показывают не грядущие события, а то, что происходит в данный момент. Правда, происходить это могло где угодно, хоть в другом мире, но, увы, строгие временные рамки делали такие предсказания бесполезными. Так что я не удивилась, когда оракул в точности описал ночное происшествие и смущенно умолк, выразительно посматривая на последний бутерброд.

– А с другой стороны, это и неплохо, – спустя еще пару минут сказал

он, опасно качнувшись на стареньком табурете и ткнув пальцем в замолкшего оборотня. – Ты получил наконец полноценную ипостась и больше не будешь изгоем. Хелька тоже осталась в выигрыше, потому что смогла на тебя воздействовать на расстоянии и, вполне вероятно, перешла на новую ступень освоения Света. Если мне не изменяет память, раньше ты могла давать благословения только первого уровня?

– Вообще-то второго, – рассеянно отозвалась я, жестом показывая, что планов на бутерброд не имею. – Но очень редко. Это требует много сил.

– Вот! – Зыряныч, жадно впившись зубами в еду, невнятно замычал. – А вождештвие на рашштойнии ожначает увовень не ниже тфетьево! Внафит, ты шмогла увевичить швои вожджношти, а это отшень хорошо.

– Конечно, хорошо, – поморщился Васька. – Особенно за мой счет!

– Не ной, – фыркнула я. – Я тебя от блох избавила, нелюдь. И вообще, мог бы спасибо сказать, что тебе помогли стать нормальным. А то сколько бы ты еще бегал полузверем?

Мартин, свесив одну руку через ограждение кровати, сонно пробормотал:

– Года три бы еще точно промучился.

– Тебе-то откуда знать? – недовольно насупился Вася, задирая голову.

– А я лекции по оборотничеству не пропускал, в отличие от некоторых.

– Да чего я про себя там не слышал?

Ангел молча перевернулся на другой бок, потому что, как большинство пернатых, не любил спорить. А мы как-то сразу затихли. Бывало, проскакивало в нашем Мартине что-то такое... объединяющее. Хоть и бескрылый, он каким-то образом умел влиять на других. И когда чего-то очень сильно хотел, оно, как правило, сбывалось. Как, например, сейчас.

– Хель... – через минуту негромко спросила Ульяна. – Хеля, а что там хоть было-то... внизу?

Я зевнула и прислонилась головой к стеклу – спать хотелось неимоверно.

– Да ничего особенного, все как у нас. Стены, люстры, двери...

– А демоны?

– А что, демоны разве не люди? Подумаешь, рогатые мужики с хвостами.

– Ну а Князь? Он вообще какой?

Я машинально потерла саднящие, но уже переставшие болеть запястья – заживало на мне всегда быстро.

– Нормальный он... для Князя. Только властный очень. Я таких не люблю.

– Он, наверное, страшный, да? – обмирая от непонятного ужаса, прошептала баньши, и я невольно задумалась, вспомнив равнодушное лицо оставшегося в подземелье мужа. Прямые черные волосы, светлая кожа, абсолютно черные глаза, в которых отражается бездна прожитых лет, острый нос, почти бесцветные губы...

– Пока в глаза не помотришь, ничего, – наконец решила я. – И силища у него такая, что под нее лучше не попадать.

– Зовут-то его хоть как? – снова спросила Улька, жадно подавшись вперед. Ну да, у нее есть такой пунктик – любит все выяснять до мелочей.

Я пожала плечами.

– Высшие демоны никому не открывают своих имен. Но мне и не нужно. Я ведь не собираюсь туда возвращаться.

– Он тебя найдет, – впервые вмешавшись в разговор, тихо сказал Шмуль. – Рано или поздно, но отыщет. Таких оскорблений не прощают. Хеля, ты к нему теперь привязана, да?

Я украдкой приподняла рукав, чтобы убедиться, что письмена по-прежнему на месте, и мотнула головой.

– Ожоги заживут, а без браслетов у него нет надо мной власти.

– Он все равно тебя убьет, если поймает.

Я только отмахнулась.

– Моя половина клятвы выполнена, а больше я ему ничего не должна. Как и он мне не должен. Идеальная вышла бы из нас пара, да?

Но мое веселье никто не разделил. Народ сидел мрачный, думу думал – черную и страшную. О том, как меня, раскрасавицу, в один прекрасный день уволочет в подземелье злобный паук, чтобы мучить там и терзать вечно...

– Ребят, да вы что? – удивилась я, когда они выразительно промолчали. – Что за траур? Меня такими, как он, с детства запугивали. А маменька как-то даже пригрозила, что отдаст меня Князю на воспитание, если не перестану пользоваться Светом где не надо. Так что я уже давно знаю, куда не стоит соваться, а если все-таки туда сунусь, то не без запасного плана действий. Все в порядке, народ! Я жива, и это не изменится. По крайней мере, не по его вине.

У Васьки забавно округлились глаза.

– Так ты что, знала? У тебя открылся дар предвидения, Хель?!

– Да какое там... Просто у маменьки обычно слова с делом не расходятся, – призналась я, невольно передернувшись от воспоминаний

о детстве. – И раз она сказала, что отдаст, значит, я должна была узнать, кому и зачем. В свое время мне пришлось много читать по этой теме, и кое-что я успела выяснить до того, как попала сюда, в том числе и о Князьях. Не забывайте, я все-таки демонесса, хоть и слабенькая. Поэтому у меня всегда припрятана пара тузов в рукаве.

– Что? Каких еще тузов? – мгновенно встрепенулся фей.

Я хмыкнула.

– Таких же, как твои джокеры. Жаль, что тебя оказалось недостаточно раздеть до трусов, чтобы ты перестал жульничать. Но в следующий раз я это учту. Будешь теперь за карты садиться нагишом.

Шмуль неожиданно покраснел и торопливо взмыл под самый потолок, а мы тихо посмеялись, представив, куда он будет запихивать карты, если лишится даже трусов. Дружно посмеялись, как всегда, но недолго, опасаясь разбудить нашего ангела.

А через какое-то время Зырян снова стал серьезным.

– Ребят, знаете, что меня во всем этом настораживает?

Мы вопросительно уставились на подпершего кулаком подбородок оракула.

– То, что Хелька вернулась из Преисподней, – хорошо. А то, что Князю в лапы не попала, вовсе замечательно. Без нее здесь стало бы грустно. Шмуль, безусловно, дурак, что вообще завел этот разговор, но ему простительно: мухоморовка и впрямь оказалась убойной. Но мне не дает покоя другой вопрос... Хель, ты благословение свое на Василька кинула, и он перестал чесаться, да?

Я кивнула, не понимая, к чему он ведет.

– Да вроде. Он же мне не враг, вот блохи и ушли.

– Хорошо. А кто-нибудь может мне сказать, куда именно они ушли? И не заявятся ли они однажды в гости к кому-то, кого ты назовешь своим врагом?

Мы тревожно переглянулись. Но потом я припомнила, что блохи-то теперь не просто сбежавшие, но еще и благословенные. Подумала о Старой Жабе... и поняла, что не хочу знать, куда они подевались.

Глава 3

К середине второго урока меня все-таки сморило – бессонная ночь и призыв светлой половины вытянули из меня все силы. Так что, явившись на лекцию по традиционным немагическим воздействиям, я забралась на дальнюю парту и благополучно задремала под размеренно вещающий голос преподавательницы.

И снилось мне, что я, сгибаясь под невидимой тяжестью, стою посреди той самой багряной комнаты. Задрапированные алыми тканями стены, черный потолок, черный пол и кроваво-красный ковер...

Бред, конечно, не спорю. Потому что брачные браслеты как упали тогда, так ко мне и не вернулись. Однако рукам все равно было неприятно. Свежие ожоги саднило, словно их все еще касался расплавленный металл. И было жутковато видеть, как разгораются на чудом уцелевшей коже багровые письмена.

От ощущения реальности сна меня даже передернуло.

В комнате было холодно, несмотря на разожженный в камине огонь, но при этом достаточно светло, чтобы я могла увидеть каждую мелочь. Но, что больше всего поразило, я оказалась здесь не одна – повернувшись ко мне спиной, Князь молча стоял у неразобранной постели и задумчиво вертел в руках оставленные мною браслеты.

Признаться, я в первый раз видела вторую ипостась у высшего темного, поэтому меня терзало любопытство. Маменька не любила демонстрировать себя детям, да я и сама не рвалась к откровениям – в своем истинном облике демоны свирепы, неудержимы и, как правило, не контролируют себя. А я в то время частенько ее раздражала, потому и не показывалась лишний раз на глаза.

Но сейчас передо мной стоял Князь Тьмы, повелитель истинных демонов. Жуткий. И, кажется, рассвирепевший настолько, что отказаться от этого ужасающе-красивого зрелища оказалось выше моих суккубских сил.

А посмотреть было на что. Князь оказался весьма привлекательным существом, несмотря даже на выпроставшиеся на свободу белесоватые, словно у старого дракона, кожистые крылья и мелькнувший у ног длинный, раздвоенный на конце хвост.

Муженек стал гораздо крупнее, чем в человеческом облике, однако

пропорции тела у него сохранились почти прежними. Дышащая силой фигура внушала безотчетный страх. При этом мускулистый торс сиял какой-то неестественной и откровенно нездоровой белизной. Неровная, почти целиком покрытая чешуйками кожа словно выцвела от времени и обжигающе холодных прикосновений Тьмы. Казалось, передо мной стоит древняя статуя, выполненная с невероятным искусством. Неподвижная, запечатленная в неоконченном, навечно остановленном движении. Лишь черные волосы струились по его спине живыми змеями, крупными кольцами спускаясь до самых икр. Их кончики постоянно шевелились, словно пробуя на вкус окружающий воздух, временами расползались в стороны, будто имели собственный разум, а затем снова собирались на спине, скрывая от моего нескромного взгляда молочную белизну подтянутых ягодиц.

Моя темная сущность обмерла от восхищения, жадно пожирая глазами понравившееся ей тело. А светлая, напротив, забилась в конвульсиях, не в силах перенести его нечеловеческой красоты.

Раздираемая противоречиями, я стояла как парализованная, наслаждаясь открывшимся видом и одновременно ужасаясь стоящему напротив мужчине. А потом неосторожно шевельнулась... и поняла, что сделала это зря.

Преобразившийся Князь, сменивший ипостась отнюдь не из желания покрасоваться, выронил на пол доселе сжатые в когтях брачные браслеты. Мгновенно развернулся, каким-то невероятно грациозным движением пригнувшись. Напружинился и приготовился к бою. Но при виде меня его лицо неуловимо изменилось. Хищно раздувшиеся ноздри дрогнули. В вертикальных зрачках мелькнуло мрачное торжество. Совсем уж истончившиеся губы чуть раздвинулись, обнажая кончики острых зубов. А затем клубящаяся вокруг него Тьма победно взвыла.

Я вздрогнула, когда он одним гигантским прыжком преодолел разделявшее нас расстояние. Испуганно распахнула глаза, поняв, что несколько перестаралась с местью. Шарахнулась прочь, когда он утробно зарычал, впиваясь в меня бешеным взглядом, и снова обмерла, когда когтистая, но все еще не утратившая изящной формы лапа одним движением полоснула снизу вверх, намереваясь вспороть меня от паха до груди...

Грох!..

Меня аж подбросило с лавки, когда по парте кто-то мстительно шарахнул деревянной указкой. Не успев вырваться из оков недавнего

кошмара, я суматошно вскочила на ноги, непонимающе озираясь и пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. Нижнюю губу саднило, а во рту стало солоно, будто я прокусила ее насквозь. Тем не менее ударивший по глазам свет был реальным, живым, настоящим, хотя еще мгновение назад я едва не поверила, что умерла.

– Хельриана Арей Нор Валлара, – раздельно произнесла стоящая возле меня невысокая, очень худая женщина, похожая на скелет пустынной кобры. И шипеть умеющая не хуже, кстати. – Что вы можете рас-с-сказать мне о проклятиях?

Нервно оглянувшись и перехватив удивленные взгляды одноклассников, я сглотнула. Вот же нарвалась. Не надо было спать. Не надо было надеяться, что эта змея не увидит!

С некоторым трудом собрав мысли в кучку, я пробормотала:

– Эм... видите ли, мадам Чушуа... отвечая на ваш крайне неожиданный вопрос, должна сказать, что... кхм... проклятия бывают... разными.

Необычайно крупные, желтые, с вертикальными зрачками глаза преподавательницы сузились, а между зубов мелькнул раздвоенный язык.

– Мне кажется, это не очень с-содержательный ответ на мой вопрос-с, – прошипела она, наглядно доказав, что среди ее ближайших родственников имелся хотя бы один наг. – Что еще вам извест-сно по теме наш-шего с-сегодняшнего занятия?

Я покопалась в памяти и с сожалением вспомнила, что вчера у меня так и не дошли руки до учебника. Как это ни прискорбно, но я мало стремлюсь к новым знаниям, и УННУН действительно самое подходящее для меня место. Хотя бы по той причине, что из дюжины других заведений меня банально вышибли за неуспеваемость, а из этого, как ни крути, уже никуда не деться.

Стоя посреди благоговейного молчания, которое всегда охватывало учеников на уроках Кобры, я порылась в памяти потщательнее и наконец выудила оттуда кое-какие сведения.

– Проклятия, как и благословения, подразделяются на несколько уровней или ступеней. Но и в том, и в другом случае деление довольно условно.

Под неподвижным, ничего не выражающим взглядом преподавательницы я невольно поежилась и с трудом разродилась продолжением:

– Проклятия с первого по четвертый уровень включительно относятся к малым, с пятого по седьмой – к средним, с седьмого по девятый –

к высоким, с десятого – к высшим. Но, насколько я знаю, их избегают даже чистокровные демоны.

– Почему? – бесстрастно осведомилась мадам Чушуа.

– Потому что у них слишком сильный откат, – своевременно всплыла в памяти очередная подсказка. – Если не рассчитать силы, оно высушит душу до дна, и тогда даже Темному Князю будет трудно сохранить свою личность от распада.

– К чему приведет проклятие, наложенное на темную сущность?

– Оно ослабит ее обратно пропорционально исходному уровню самой сущности, – несколько приободрилась я. Надо же, что-то еще помню. Не зря меня маменькины змеюки по теории гоняли.

– А если сущность будет светлой?

– Ну... – ненадолго задумалась я, испытывая сильное желание поскрести затылок, чтобы простимулировать умственную деятельность. Обычно помогало, кстати, но тут я почему-то не решилась. – Смотря что за сущность и что за проклятие. Если проклятие слабое, а жертвой окажется полукровка, то, скорее всего, ничего страшного не случится. Если при этом проклятие не будет иметь конкретной цели, то это может оказаться, скажем, неудачный билет на экзамене, на ровном месте сломанная нога... Даже среднее ненаправленное проклятие не станет для него смертельным. А вот с направленными все гораздо хуже – они более точные и имеют большую силу. Как правило. Но с чистокровными такой номер все равно не пройдет.

Вопросительно взглянув на Кобру и не увидев на ее невыразительном лице ни одобрения, ни порицания, я на всякий случай пояснила:

– Проклясть чистую светлую сущность довольно сложно – Свет выжигает любое негативное воздействие. Поэтому, чем выше уровень жертвы и чем больше в ней Света, тем сильнее должно быть воздействие. Архангелов, к примеру, сможет проклясть только сильный Князь. Или... гм... – Я на мгновение запнулась. – Или Темная Герцогиня. Но это будет стоить ей сильной головной боли и заметно ослабленных способностей. Годика эдак на два. Если проклинать серафима, то с этим справится и обычный демон, если, конечно, он рискнет нарваться на такой же силы благословение. Ну а с мелочью вроде обычных ангелов и полукровок даже бесу легко совладать. Правда, без сильного покровителя этого лучше не делать – светлые сильны взаимовыручкой, поэтому жертву не только быстро исцелят, но и обидчику рога сломают. Так что любое проклятие надо накладывать с умом и, главное, так, чтобы никто не понял, что оно твое. Мадам, я ответила на ваш вопрос?

Преподавательница, ничего не сказав, отвернулась и бесшумно направилась к доске.

– Ну ты даешь! – с восхищением прошептал Василек, когда я устало опустилась на свое место. – Откуда информация? В учебнике не так написано.

– Меня неплохо учили в свое время, – отмахнулась я, покосившись на пересевшего к Ульяке Зыряна. Молодец, запомнил, что я слова на ветер не бросаю. – Вернее, пытались учить, и кое-что из этого даже осталось. Но вообще-то в учебниках много чего нет. Вот если бы нам дали возможность взглянуть на «Полное собрание существующих проклятий»...

– Хочешь, я достану? – неожиданно предложил сидящий сбоку Шмуть, заставив меня изумленно повернуться. – У нас в библиотеке есть один экземпляр. Древний как мир. И такой же ветхий. В закрытой секции его видел, за одной хитрой дверкой, причем не так давно.

– Когда ты успел? – зашипела недалеко от него баньши. – Хватит лазать по чужим полкам в одиночку! Ты же нас спалишь!

Я тоже нахмурилась. И правда, пока Старая Жаба не могла доказать, что пропадающие время от времени из кабинетов зелья, неизвестно куда испаряющиеся книги и некоторые другие инциденты связаны с нами. Хотя ей, безусловно, известно, что рано или поздно пропавшие вещи всплывают у какого-нибудь коллекционера в Городе. Но если Шмуть не прекратит лазать во всякие интересные места без спроса, однажды мы крупно вляпаемся. Потому что он, в отличие от ангела, не чувствует беды и, в отличие от Зыряна, не способен предугадать появление ловушек.

– Шмуть! – зашептала разъярившаяся баньши, для которой мы время от времени доставали редкие книги по лекарскому делу. – Если ты еще раз без Зыряна или Васьки куда-нибудь сунешься...

– Разговорчики! – зычно рявкнула мадам Чушуа от доски, и мы тут же заткнулись, послушно уставившись в свои конспекты. А когда она взялась за мел и начала излагать новую главу учебника, со вздохом приготовились записывать.

После обеда меня снова неумолимо потянуло в сон, но досматривать утренний кошмар до ужаса не хотелось. Поэтому, коротая долгий перерыв в столовой, я забралась в самый темный уголок, где, отчаянно зевая, прилагала все усилия, чтобы не заснуть.

Кто бы мог подумать, что небольшое приключение настолько сильно отразится на моем спокойствии? Всего-то делов, что замуж выскочила. Да, *так* я этого не планировала. Да и информация по Князьям у меня

оказалась неполной. Но все же обошлось? Я жива, все в порядке... Тогда почему у меня холодок бежит по спине от мысли, что мне опять придется пережить этот сон?

– Хелька, не спи, – толкнул меня в бок Василек, когда я склонила голову ему на плечо и на секундочку все же прикрыла глаза. – У Ульки еще сегодня зачет по обитателям кладбища.

– Да пусть отдохнет, – неожиданно вмешался Мартин, участливо погладив меня по голове. – У нее была трудная ночь. И вечер тоже. И утро... А на мертвологию нам к полуночи, поэтому время еще есть.

– Мы все устали, – отозвалась добросердечная баньши, ради которой вся группа согласилась сегодня отказаться от законного сна. Из всех нас мертвология была доступна только ей, но мы уже давно привыкли не разделяться. Да и она, растяпа, меньше ошибок с перепугу наделает, если будет знать, что мы прикроем. – Я бы тоже передохнула до вечера.

Оборотень посмотрел на нее и фальшиво вздохнул:

– И правда, чего это я... Давай я передам господину Эсси, что ты не придешь на левитацию?

Улька посмотрела на него, как на врага, и даже отсела за соседний столик, чтобы выразить всю глубину своего возмущения. Василек с готовностью оскалился, демонстрируя, как быстро у него испортился характер, а сидящий на краю обеденного стола и болтающий в воздухе копытцами Шмуть негромко сказал:

– Хель, так как насчет книги? Если нужно, я добуду.

Его разбойничья физиономия на этот раз была непривычно серьезна, а сиреневые крылья беспокойно подрагивали, словно фей очень хотел, но не мог взлететь.

«Совість, что ли, замучила?» – подумала я, уже прикидывая про себя, как это можно использовать.

– Без меня ты не пойдешь, – как всегда неожиданно встрепенулся ангел и пристально посмотрел на фею. – Один не справишься. Гарантирую.

Мы тоже внимательно посмотрели на Мартина и одинаково посмурнели. У нашего ангела был еще один полезный дар: он очень точно предчувствовал беду. И если наш золотоволосый мальчик сказал, что в одиночку Шмуть попадетсЯ, значит, так оно и будет.

– Марти, ты уверен? – беспокойно заерзал оборотень, хмуро зыркнув на пробежавших мимо двух смешливых нимф. Те хихикнули при виде него, испуганно зажали ладошками рты при виде меня и тут же умчались, что-то тревожно щебеча на своем птичьем языке.

Нашу группу в УННУН хорошо знали. И старались обходить

стороной. Вернее, обходили в основном меня и иногда Шмуля, когда тот был не в настроении. Но сегодня оборотень закрыл меня широкой спиной, сама я умышленно не высывалась, поэтому мимо нашего столика народ перемещался гораздо свободнее, чем обычно, и менее расторопно.

– Что делать будем, Хель? – выжидательно посмотрел на меня оракул, когда поблизости не осталось ни одной живой души. – Если ты говоришь, что книга хорошая, надо брать. Она наверняка денег стоит.

Я задумалась.

Вообще-то сборник было бы неплохо прибрать для себя – толковая вещь. И крайне редкая. У маменьки когда-то был один экземпляр, но неполный. А потом его и вовсе спалили, по неосторожности обработав каким-то очищающим заклинанием. Хм... Ну, как спалили... Я же и сожгла по малолетству, когда без спросу вскрыла ее тайник. Зато еще тогда, в детстве, потирая ноющую задницу, я твердо усвоила, что проклятия всегда в цене. И вообще, у них и благословений сходная основа, так что если я смогу понять одно, то, может, и мой дар наконец начнет срабатывать как положено?

– Хель? – нетерпеливо подпрыгнул на столе фей. – Так что ты скажешь? Брать книгу-то или нет?

– Без меня ты никуда не пойдешь, – так же уверенно заявил Мартин, в кои-то веки решив настаивать. Молодец. Поначалу его на каждое дело надо было волоком тащить, привитые с детства догмы «не убий», «не укради» испортили его безвозвратно. Но за три года плотного соседства с нами он начал потихоньку оттаивать. И сообразил, что ради друзей можно иногда поступиться принципами, прекратив призывать нас покаяться после каждого мелкого грешка.

– Пока рисковать не будем, – приняла решение я, когда вопросительные взгляды обратились в мою сторону. – Одного Шмуля отпускать нельзя. Мартин ему в случае чего не помощник. Да и Улька, пока не сдаст все зачеты, в качестве прикрытия бесполезна. Но, Зырян, на всякий случай обрати внимание на свои сны и запоминай, будь добр, что увидишь. Закрытые секции – плохо изученные помещения, там даже чутье Васьки способно дать сбой, да и ловушек может быть понатыкано столько, что спалимся, не успев зайти. С этим нельзя торопиться. Надо думать, смотреть и планировать...

На левитации, как всегда, было скучно. Новая дисциплина началась всего две недели назад, так что пока нас только пичкали зубодробительными формулами и напрочь не подпускали к практике.

Меня, как и Шмуля, левитация вообще не интересовала – летать мы

могли и без нее. Мартину с Васькой она тоже была без надобности, к магии и ее аналогам наши ангел с оборотнем приспособлены не были. Улька и вовсе побаивалась высоты, а тяжеловесному оракулу, проходящему в некоторые двери только боком, летать было просто не суждено.

Тем не менее какая-то добрая душа включила эти занятия в расписание для нашей группы, и вот мы уже две недели отчаянно скучали, тщетно пытаюсь понять, как управлять воздушными потоками, не имея крыльев, и, главное, как сдавать зачет, если в УННУНе и его окрестностях магия не работала. Господин Эсси, правда, утверждал обратное. И уверял нас, что левитация – совершенно особый вид магии, который, хоть и с оговорками, действовал даже здесь. Но мне было скучно на его занятиях, а сегодня я к тому же зверски хотела спать, поэтому даже не пыталась во что-то вникнуть.

– Хель, хватит дрыхнуть, – толкнул меня под локоть Василек, когда я под монотонный голос стоящего у доски гоблина снова начала клевать носом. – А то на реферат нарвешься.

Это да, гоблины – создания злопамятные.

Я торопливо протерла глаза и сделала вид, что не лежу на столе, а просто внимательно вчитываюсь в конспекты. Ну их, эти рефераты... вместе с зачетами и сессиями. Экзамены для меня – как эшафот для бессмертного. Убить не убьет, но по шее бьет больно. Третий год я с ними мучаюсь и всякий раз сдаю лишь с десятой попытки. А иногда получаю отметку в личном деле только после того, как испытаю на преподавателе врожденные способности суккуба.

Жаль, что на гоблинов они практически не действуют. И еще больше жаль, что директриса раздала остальным мужчинам-преподавателям защитные амулеты. Конечно, порой хватало даже простенькой симпатии, чтобы слегка подтянуть оценку до тройки. Но даже тут мне чаще всего не везло: большинство учителей в универе, как назло, были женского пола.

– Хель, да не спи же ты! – снова шикнул оборотень, когда увидел, что я опять сижу с безразличным взглядом и пялюсь в никуда. – У нас три часа еще будет на отсыпание. Потерпи, а?

Я виновато кивнула. Но через пару минут снова прикрыла чугунные веки, которые все тяжелее становилось не смыкать, и все-таки задремала.

Спать хотелось настолько сильно, что вскоре я даже про мстительного гоблина забыла, способного «обрадовать» меня сразу несколькими зубодробительными темами для рефератов. А ближе к концу занятия была готова лечь прямо на парту и, обняв учебник, сладко засопеть. От этого желания не спасали ни щипки, ни тычки, ни ботинок Васьки,

чувствительно придавивший мне ногу. А просыпалась я лишь оттого, что всякий раз, закрывая глаза, снова и снова видела знакомую до боли комнату. И содрогалась от мысли, что этой ночью могла остаться там навсегда.

Коварный сон набегал и уходил волнами. Я то возвращалась в кошмар, то снова приходила в себя, едва успевая убедиться, что в спальне ничего не изменилось. Правда, больше чем на пару секунд я в ней не задерживалась, но все равно – это происходило так часто, что вскоре я перестала различать, где сон, а где реальность.

Единственное, что меня успокаивало, – там больше не было Князя, и никто не порывался снова меня убить. Потому что, если бы мне довелось всякий раз смотреть, как он безжалостно вскрывает мое нутро, словно раковину у ракушки, я бы, наверное, вовсе отказалась засыпать. Или набралась до предела мухоморовкой, чтобы вообще ничего не бояться.

Наконец урок закончился, и парни почти на руках оттащили меня в комнату, сгрузив бесчувственной колодой на постель. Улька, которую я попросила поискать что-нибудь для здорового и крепкого сна, тут же отправилась рыться в своих запасах. А когда я не сумела проснуться даже после холодного душа, с сочувственным видом протянула какой-то флакон.

– Два часа здорового сна он тебе обеспечит, – бледно улыбнулась она, словно подозревала, зачем мне лекарство. – Без всяких сновидений. А потом у него откат почти десять часов, во время которых ты при всем желании не уснешь.

– Давай, – со вздохом согласилась я, откупоривая флакон, и залпом выпила его безвкусное содержимое. – Двух часов мне будет достаточно, но если что – пихни меня в бок, ладно?

Она печально кивнула, с тревогой глядя на мое изможденное лицо, но промолчала. А я торопливо переоделась и, юркнув под одеяло, с облегчением закрыла глаза.

Глава 4

В который раз за сегодняшний день оказавшись в злополучной комнате, я обреченно вздохнула.

Опять то же самое... За что мне это, а? Расплата за глупость? За спешку? А может быть, за обман? Но я же выполнила все, что обещала! Я никому и ни в чем не солгала. Тьма свидетель – я была честна даже с Князем. Так почему же меня упорно вышвыривает в один и тот же сон, не давая спокойно отдохнуть?

От гуляющего по комнате холодка я поежилась, прямо-таки нутром чувствуя, что здесь не стоит оставаться долго, а потом ощутила за спиной какое-то движение и инстинктивно отпрыгнула в сторону.

– Не так быстро, дорогая, – раздался вдруг позади знакомый голос, и мои руки в мгновение ока взметнулись вверх.

Внезапно ожившие письма на запястьях полыхнули так, что я едва не зажмурилась. Одновременно с этим какая-то неведомая сила подняла меня в воздух, с легкостью отбросила к стене и чувствительно приложила спиной, едва не порвав бессильно обвисшие крылья. А еще через миг наверху мерзко лязгнули стальные затворы, и я повисла, как пришпиленная к дереву бабочка.

«Это сон! – промелькнула в моей голове ошеломленная мысль, когда из темноты медленно проступил мужской силуэт. – Всего лишь проклятый сон, который просто мне снится!»

– С возвращением, женушка, – раздвинул губы в недоброй улыбке медленно приближающийся Князь. – Я давно-о тебя жду...

Сейчас он был в человеческом облике. Босой, в просторных штанах, надетых, похоже, на голое тело, и небрежно распахнутой на груди черной рубашке, соблазнительно подчеркивающей белизну его алебастровой кожи.

– Раньше я считал, что браслеты снять невозможно, – ровно сообщил он, остановившись в двух шагах и пройдясь изучающим взглядом по моему распятому телу. – И был несколько... расстроен твоим внезапным уходом. Но, на твое счастье, вовремя вспомнил, что брачные оковы несут гораздо более глубокий, чем принято считать, смысл: браслеты предназначены для тела, тогда как цепь – для души, и разрушить эту связь может только смерть. Поэтому ты сейчас здесь. Живая. И больше никуда от меня не денешься.

Я быстро посмотрела вверх. Ожоги на моих запястьях снова

превратились в два металлических, словно раскалившихся от магии демона, браслета. Между ними и цепь объявилась – массивная, рассыпающая вокруг себя багровые искры и надежно закрепленная на торчащем из стены штыре. Такие же оковы сияли и на руках Темного Князя, только матово-черные, под стать его мрачной одежде. Только, в отличие от моих, их не соединяла никакая цепь.

– Тебе долго удавалось сопротивляться призыву, – хищно прищурился он. – Настолько долго, что такое упорство заслуживает внимания. Мне пришлось потратить ночь, чтобы тебя найти. Отложить все дела, разогнать свиту, отказать в приеме несколькими важными гостями. И за это ты будешь наказана, женушка. Я заставлю тебя пожалеть о побеге.

Под его изучающим взглядом мне стало неудобно. А когда он подошел вплотную и властным рывком притянул меня к себе, и вовсе тревожно. Сон есть сон, но боль, если что, наверняка будет настоящей.

– Разве я вас в чем-то обманула, мой Князь? – склонив голову набок, осведомилась я, стараясь выглядеть спокойной. – Разве не выполнила того, что обещала?

Он недобро улыбнулся.

– Твоя игра была опасной и смелой. Я оценил. Но видишь ли, дорогая... – Его рука с внезапно отросшими когтями медленно прошла по моей щеке. – Я этого не люблю. Поэтому теперь мы с тобой будем играть по моим правилам. Так долго, как понравится мне.

«Два часа! – молнией пронеслось у меня в голове, когда острый коготь коснулся ямки над моим ключицами, зацепился за ворот ночнушки и подчеркнуто медленно распорол ее от горла до паха. – У него всего два часа, а потом я проснусь!»

Он поднял руку снова, таким же издевательски медленным движением отрезав от моей единственной одежды еще один длинный лоскут, и я сглотнула, подумав о том, что два часа – не так уж и мало. И что за это время может произойти много такого, о чем я успею пожалеть. Даже во сне.

«Лики Преисподней! И зачем я только переоделась? – молча взывала я, когда уже третий лоскут, свившись в колечко, упал на пол, а Князь, безнаказанно раздвинув оставшуюся на мне ткань, с нехорошей улыбкой посмотрел на то, что она скрывала. – Платье было бы не жалко. А ночнушка у меня единственная. Шелковая! За бешеные деньги купленная в салоне мадам Мими! Улька, ты же обещала, что больше никаких снов! Улька, зараза, разбуди меня *срочно*, иначе я не знаю, что сейчас сделаю! Если он окончательно ее исполосует...»

Остатки ночнушки с меня все же сорвали и небрежно отшвырнули

в угол.

«Ты за это заплатишься, муженек!» – прошипела я про себя, проводив глазами безнадежно испорченную вещь.

Собственная нагота меня не смущала – я все-таки суккуба, а не ангелесса. Меня с самого детства учили обольщать и покорять. Мое тело – это оружие, а одежда – всего лишь ножны, скрывающие до поры до времени убийственную остроту спрятанного внутри клинка. Но я, к сожалению, не слишком опытная охотница. Я не раз соблазняла и искушала, порой даже сводила с ума, однако до сих пор никого по-настоящему не совратила. И большая часть моих знаний – лежащие тяжким грузом воспоминания, в которых маменькины слуги выбивали из меня упрямство хлыстом.

Да, я – неправильная суккуба, и сейчас это плохо. Мое взросление затянулось исключительно благодаря папочкиным корням. Подаренная им частица Света приглушала мои инстинкты, давила естественные для нашей расы желания, заставляла упорно сопротивляться приставленным маменькой учителям и этим доводила суровую родительницу до озверения.

Ни один из подосланных ею самцов так и не сумел вырвать из меня отцовское наследие. Никто из нанятых ею мужчин так и не смог меня сломать. Упрямая частичка Света так и горела во мне, безумно раздражая окружающих, но поделаться с ней ничего не могли – я слишком хорошо научилась ее оберегать. От нерасторопных ухажеров я уходила, предварительно доведя их до иступления. Самых настойчивых игнорировала, порой умышленно стравливая друг с другом. Одного покалечила... двое самых наглых сгорели... Маменька после этого взбесилась окончательно и пригрозила вышвырнуть непокорную дочку на улицу, но я только огрызнулась и в тот же вечер собрала вещи.

В чем-то ее можно было понять: суккуба, которая избегает мужчин, – худший позор для семьи. Поэтому я ни на миг не усомнилась в принятом решении. Хлебнула, конечно, горя, пока болталась по подворотням. Досыта наелась грязи и щедро вкусила всех прелестей нищеты. Помыкавшись по разным школам, нашла-таки место, откуда меня не гнали. А потом прижилась, пригрелась и постепенно оттаяла. И только сейчас, глядя в непроницаемо черные глаза пленившего меня мужчины, неожиданно поняла – все, беззаботное детство закончилось. И теперь для того, чтобы выжить, мне придется использовать то, от чего я так долго отказывалась.

– Вы хотите поиграть, мой Князь? – промурлыкала я, соблазнительно изгибаясь в цепях. – Неужто я могу надеяться, что вызвала у вас интерес?

Он только усмехнулся и, ухватив меня за волосы, вынудил ненадолго

запрокинуть голову.

– Нет. Ты меня разозлила, женушка. И за это я тебя накажу.

Я тряхнула цепью и, почувствовав, что снова свободна, насмешливо фыркнула.

– Неужели вы собираетесь убить меня, ваше темнейшество?

– Ну что ты, – почти ласково ответил он. – Я сделаю хуже, намного хуже...

По моей коже вскользь пробежались чужие пальцы, едва-едва касаясь. Так волнующе. Необычно. Возбуждающе. Особенно от мысли, что столь приятные ощущения доставляли не сами пальцы, а когти, способные вспороть меня насквозь.

– Тогда, может, вы желаете поиграть в палача и жертву? – игриво предположила я, пытаюсь уловить его настрой.

– Брачные оковы не дадут убить тебя просто так, боль будет обоюдоострой, – медленно обведя рукой полукружие моей груди, сообщил Князь. – Но любую боль можно вытерпеть, любую смерть можно пережить. И я не раз это делал, поэтому не обольщайся – прямого запрета на твоё убийство у меня нет.

Я оценивающе прищурилась.

– Как и у меня – на ваше.

– Верно. Но ты еще не знаешь, что боль бывает разной, женушка... многогранной настолько, что способна дарить наслаждение. И я покажу ее тебе, открою каждую из ее многочисленных граней. Но не сегодня, моя дорогая. Пока я не настроен на такие развлечения, и поэтому мы поступим иначе.

Когда его прохладные губы коснулись кожи на моей шее, послав по телу волну сладостной дрожи, а вторая рука властно легла на мою грудь, я неожиданно поняла, что он собирается сделать, и похолодела.

Демоны по сути своей порочны, и суккубы – не исключение. Но для нас физическая близость – это не просто удовольствие, а насущная потребность, без которой мы не способны жить. Обольщение – наша суть. Соблазнение – вторая натура. А постель – это поле боя, на котором мы раз за разом должны безоговорочно побеждать. Причем чем сильнее и неприступнее самец, тем больше чести его увлечь. И, само собой, тем быстрее растет наша сила.

Мы действительно питаемся своими жертвами, черпая из их эмоций невероятную силу. А любая сила ценится в Преисподней особенно. Поэтому наше племя так любвеобильно. Поэтому нас так легко зажечь. И поэтому мы готовы с легкостью меняться для выбранной жертвы,

не оставляя ей шанса на спасение.

Но сегодня соблазнять собирались меня – целеустремленно, неторопливо, умело. При том, что прошедшему сквозь многие эпохи Князю в действительности не нужна была я сама – ни как жена, ни как любовница. Он не испытывал ко мне влечения и не планировал поддаваться страсти. Но он собрался разжечь эту страсть во мне. Заставить хотеть его. Вынудить загореться огнем неистового влечения, довести меня почти до финала... а затем уйти, оставив корчиться на полу от неудовлетворенного желания.

Он пожелал меня унижить. Растоптать. Сломать. Он хотел, чтобы, оставшись одна, я бесконечно мучилась, будучи не в силах помочь себе сама. Чтобы, вдоволь настрадавшись и отчаявшись, я в конце концов рухнула перед ним на колени. Забыла о гордости. И униженно взмолилась о продолжении, предавая этим саму себя.

Он абсолютно ничем не рисковал, начиная свои настойчивые ласки. И не боялся, что я смогу причинить ему вред – на Князей любовные чары суккуб не действовали. Надежно скованная, беззащитная, уязвимая, я не могла призвать даже Свет, потому что это означало бы неминуемое поражение.

Князь, внимательно следящий за выражением моего лица, многообещающе улыбнулся:

– Ты будешь принадлежать мне целиком и полностью, женушка. Все твои помыслы и желания будут связаны только со мной. Будешь плакать и умолять, когда я прикажу. Спать, дышать и раздвигать ноги, когда я потребую. Я заставлю тебя пожалеть о своем решении, сделаю покорной... но не сразу. Предпочитаю растягивать удовольствие.

Я пристально на него посмотрела.

– Я разрешаю попробовать вам это сделать, мой Князь... но только однажды. И если вы не справитесь, то учтите: больше вы не сможете меня принудить.

Он не посчитал нужным ответить, принявшись вдумчиво исследовать мое тело, а я расслабилась, полностью отдавшись на волю ощущений.

Надо признать, он действительно знал толк в соблазнении. Без острых когтей его пальцы, оказывается, умели быть нежными и чуткими. Твердые как камень ладони были способны не только причинять боль, но и дарить наслаждение. Прижавшееся ко мне тело источало непривычную, но притягательную, как стены усыпальницы в жару, прохладу. Тогда как скользящие по коже губы, напротив, были горячи, словно меня сладко и тягуче целовал живой, тщательно сдерживающий свою силу огонь. И мне этот контраст, как ни странно, понравился.

Однако я не была бы собой, если бы позволила вскружить себе голову. И, как любая достойная суккуба, перестала бы себя уважать, если бы сдалась так быстро. Поэтому, как только мужские руки ненавязчиво переместились на мои бедра, я приоткрыла один глаз и задумчиво изрекла:

– А у вас краска на потолке пузырится.

– Что? – на мгновение замер Князь, непонимающе вскинув голову.

Я взглядом показала наверх, где отыскалось подозрительное пятно.

– Да работнички, видимо, схалтурили.

– Какие работнички? – снова не понял он.

– Которые вам потолок красили. Они у вас еще появятся? Послушайте доброго совета: гоните их в шею, пока не развалили по камушку весь дворец, – доверительно заявила я. – Такие раритетные подземелья нельзя разрушать – в них еще ваши потомки будут ютиться, – если, конечно, когда-нибудь появятся. У вас, кстати, дети есть?

Он пару секунд смотрел на мое заинтересованное лицо, на котором не отражалось ни тени истинных эмоций, а потом поморщился.

– Как глупо.

– Это еще почему? – тут же обиделась я, негодуя тряхнув крыльями и испачкав ковер пылью. – Я же о вашем благе пекусь. И о себе тоже – вдруг меня какой камень в вашем склепе по голове тукнет? Вас-то не жалко, а меня поцарапать может. Кто потом отвечать будет? Дядя?

Он без лишних слов снова приник к моей шее, а его рука прошла по моему обнаженному бедру снизу вверх и уверенно проскользнула к самому сокровенному.

– Ой, моро-оз, моро-оз, – тихонько затинула я, склонив голову к плечу, чтобы меньше уставала шея. – Не морозь его-о... Не моро-озь его-о, муща мо-о-его-о...

Князь на мгновение сбился, но головы не поднял.

– Мужа моего-о... о-ох, краси-ивого-о, – заунывным голосом продолжала я. – Работающего-о, неболтли-ивого-о. Неболтливового-о... о-ох... желанного-о, чуда мо-оего-о долгожда-анного...

– Что ты делаешь? – наконец соизволил оторваться Князь и недовольно на меня посмотрел.

Я пожалала плечами, насколько это было возможно в моем положении.

– Да просто жду, когда вы меня соблазнять будете.

– А что, по-твоему, сейчас происходит?

Я грациозно, насколько позволяла цепь, изогнулась и удивленно посмотрела на место, где задержалась его рука.

– Не знаю. Но что-то мне подсказывает, что совсем не то, что вы

планировали.

– Придержи язык, – сухо предупредил он, снова притянув меня так, что мы почти стукнулись лбами. – И не мешай, если не хочешь, чтобы я располосовал тебя, как свинью.

– Да что вы обзываетесь? – снова надулась я и демонстративно отвернулась. – Во мне весу-то всего на полпоросенка...

– *Женщина!*

– Да молчу я, молчу, – поспешила я пойти на попятную, ощутив, как он недвусмысленно шевельнул пальцами, и в самом деле готовясь вскрыть меня изнутри. – А вы продолжайте, ваше темнейшество, продолжайте... я еще тут повишу. Мне пока не к спеху.

И снова затынула:

– Жду-у его домо-ой на исхо-оде дня, чтоб обня-ать его-о, напои-ить коня. Постелю ему-у я перинушку-у, приласка-аю я сироти-инушку. Сиротинушку-у бестолко-ового...

Князь, не оценив моей любви к народному творчеству, зарычал и все-таки поранил меня когтем, в довесок чувствительно прикусив сосок. А второй рукой так сжал ягодицу, что я осеклась и беспокойно заерзала.

Сказать, что это было неприятно, – значит, ничего не сказать. Но у демонов свои игры. В том числе и такие. И я об этом прекрасно знала. Более того, ничего не имела против экспериментов. Но не сейчас. Не здесь и не с ним.

Поэтому, когда он усилил натиск вниз, я снова затосковала:

– Вся уже горю-у-у, ох краса-авица... а он все не пойме-от, не догадается...

Заметив, что Князь раздраженно оскалился, собираясь все-таки исполнить свою угрозу, я встрепенулась, поспешно подалась вперед и, обвив его ногами за талию, тут же страстно зашептала:

– Князюшка-а-а... Кня-а-а-же-э-э...

– Р-р-р, – рыкнул он, больно прикусив мне кожу за ухом.

– Муж мой рога... то есть крылаты-ый, – тихонько пропела я, жалея, что не могу дотянуться до его волос, чтобы как следует дернуть. – Ваше искустельное темнейшество-о...

Он недовольно фыркнул.

– Виси тихо!

– Простите великодушно, что опять отвлекаю, – вежливо сообщила я. – Понимаю, вы сильно заняты, но у меня проблема возникла.

– Какая?

– У меня руки затекли.

– И?... – нетерпеливо рявкнул он.

– И крылышки помялись, пока вы по стене изволили мной елозить, – смущенно призналась я, шумно дунув ему в ухо. А потом неожиданно предложила: – Хотите, я вас укушу?

– Ты что, издеваешься? – прошипел он, и на его груди стали проступать крупные змеиные чешуйки.

– Нет, – жалобно хлюпнула я носом и с надеждой глянула в абсолютно черные глаза, где совсем не осталось белков. – Я уже страшно хочу вас хотеть... то есть пытаюсь вас страшно захотеть... ну или не страшно, а хотя бы как-нибудь... честно-честно! Но я не могу, потому что мне больно и страшно, думы все сплошь такие тревожные... Как же я без крылышек бу-уду, если вы их сейчас испо-ортите?!

На моих глазах мгновенно вспухли горячие слезы. Такие крупные, что Улька, если бы увидела, обзавидовалась. А затем они покатались вниз двумя шустрыми ручейками, заставив Князя отодвинуться и брезгливо отряхнуть руку, на которую случайно капнуло.

– Терпи!

– Ладно, – покорно сникла я, и слезы на моих глазах тут же высохли. – А у вас библиотека есть?

От неожиданности он даже разжал когти и едва меня не выпустил.

– Зачем тебе?

– Почитать что-нибудь хочу, – стеснительно сообщила я. – А то пока вы до сути доберетесь...

Он, кажется, даже дышать перестал. Только буравил меня тяжелым взглядом, словно пытался пронзить насквозь. Его глаза сузились, в них снова за клубилась Тьма, а чешуек на груди заметно прибавилось.

– Хочешь разозлить меня снова? – наконец опасно спокойно осведомился он, и когти на его пальцах стали заметно длиннее.

Я широко распахнула глаза.

– Что вы, мой повелитель! Как я смею нарушать процесс своего собственного совращения... то есть развращения? Мне просто неудобно, клянусь! И это очень отвлекает от хотения!

Он совсем нехорошо прищурился.

– Нет, я, конечно, переживу, – поспешно затараторила я, чувствуя, как моя кожа медленно и неумолимо поддается его когтям. – Мне не впервой на камнях... и на траве... да и на земле тоже... Да что там! Ради вас я где угодно согласна попробовать! Но боюсь, тогда ваши дела придется отложить до завтра. Или даже до послезавтра, потому что вряд ли я смогу нормально сосредоточиться. Может, хоть на кроватку переберемся,

а? – заныла я напоследок. – Там все же помягче, а я – существо нежное, хрупкое, ранимое...

Я едва успела договорить, как меня рывком сдернули со стены и, даже не задев полупрозрачные, обвисшие двумя бесполезными лоскутами крылья, подхватили на руки.

– Спасибо, Князюшка-а...

Пользуясь моментом, я порывисто прижалась к прохладному телу и, обхватив чужую шею онемевшими от висения руками, прислонилась щекой к груди, укутывая нас обоих гибкими крыльями. Услышав ровное биение его сердца, зажмурилась, тихонько коснувшись губами его кожи. Невольно восхитилась идущему от мужа ощущению неимоверной силы. А когда он раздраженно стряхнул меня на кровать, сама протянула руки, томно шепча:

– Можете привязывать...

На лице у Князя промелькнуло колебание, смешанное с подозрением, но потом он все же велел:

– Пусть останется так.

– Как прикажете, – покорно сникла я, всем видом выражая разочарование. – Можно мне лечь на живот? На спине крылья быстро теряют гибкость...

Я демонстративно дернула придавленным крылом, с которого на подушки слетела горстка золотистой пыльцы, и, уловив намек на хмурый кивок, одним гибким движением перевернулась. Правда, легла чуть боком, переместив крылья вправо, чтобы он случайно не порвал, и одновременно открыла ему достаточно пространства для действий.

Пусть работает.

Мне даже интересно, чем все это закончится.

– Только рубашку лучше снять, мой Князь, – мурлыкнула я, когда он наклонился, снова потянувшись ладонью к моей груди, а вторую властно положил между лопаток. Как раз туда, где находились сочленения крыльев – самое уязвимое место, которое я ему доверчиво подставила. – И не трясите так бедные хрящики, моя пыльца взрывоопасна. Не хотелось бы вас случайно поджечь.

Рука с моей груди ненадолго исчезла, зашуршав невидимой тканью, а затем снова вернулась, на этот раз действуя более уверенно и гораздо менее аккуратно. Готовая и приласкать, и ударить, если вдруг почувствует сопротивление. Стиснуть до боли или пропороть насквозь острым когтем, если я снова сделаю что-то не так.

Глухое раздражение Князя уже физически ощущалось, выплескиваясь наружу тяжелыми удушливыми волнами. Густыми клубами окутывало

разворошенную постель, холодя кожу и заставляя покрываться огромными мурашками. Да, повелитель был недоволен. Рассержен. Почти зол... Но даже при этом достаточно терпелив и сдержан. И я оценила его усилия. Неожиданно даже для себя склонила голову, с удивлением отметив, что и обещания свои он, несмотря ни на что, все же держит. Перестала язвить. Расслабилась. И через какое-то время неохотно признала, что еще никогда меня не совращали столь яростно и откровенно.

Я никогда к этому не стремилась и не нуждалась в столь полном открытии материнского дара. Считала, что он оглуплял, заставляя скатываться к звериным инстинктам, лишая всего того, что я когда-то осознанно выбрала. Но сегодня, почувствовав неодолимое желание участвовать в предложенном мне танце, я впервые в жизни ощутила настоящий азарт. Смело приняла брошенный мне вызов. И до дрожи захотела проверить, так ли хорош в бою этот великолепный самец, от вида которого даже у меня что-то восхищенно замирало внутри.

И я позволила себе это сделать. Рискнула увлечься схваткой. Загнав на самое дно бьющийся в истерике Свет, распахнула перед потаенными желаниями душу, едва ли не впервые в жизни приглашая их войти. Предлагая заполнить меня целиком, безраздельно захватив мою упрямую натуру, и полностью покориться обнявшему меня со спины мужчине.

Хотя бы на пару часов.

Отдавшись во власть навязанного им танца, я вскоре поверила, что Князь действительно превосходный любовник. И с нескрываемым интересом следила, как он через удовольствие постепенно ослабляет мою волю, ломает сопротивление, медленно, но верно заставляя прогибаться под себя. Вынуждает сдаться, позволяя ему беспрепятственно вести и одновременно наслаждаться сознанием того, что он так невероятно, возбуждающе силен.

Я сдавленно рычала от нетерпения, когда по спине скользили его жесткие ладони. С наслаждением терлась о его шершавую кожу. Млела от ощущения, что уже не только его грудь, но и низ живота покрылся плотными, легонько царапающимися чешуйками. И призывно урчала, слыша, как рвется подо мной простыня, которую я нещадно кромсала незаметно отросшими ногтями.

Всего за час он изучил все мои тайны, отыскал все слабые места и умело ими воспользовался. Довел до того, что я была готова яростно грызть подушку и на лоскуты распустить попавшееся под руки покрывало. Я исступленно царапала стену, когда он заставил меня подняться на колени. Шипела змеей, когда, помимо рук и губ, он подключил к делу гибкий хвост.

И захрипела от разочарования, поняв, что, даже увлекшись, он все еще сдерживал себя. Не пытался меня заполнить. Дразнил, соблазнял, изощренно пытал, но ни разу не овладел, и этим доводил до безумия. Он заставил меня страдать от этой мучительно сладкой, неторопливой и нескончаемой пытки. Забыть обо всем и мечтать только о том, чтобы когда-нибудь так же сладко и мучительно умереть...

Но именно в этот момент я поняла, что все-таки достигла пика. И почувствовала, как что-то поменялось во мне самой. Сжимающий меня в объятиях мужчина наконец-то перестал восприниматься чужаком. Он стал мне близок. Важен. Жизненно необходим. Он был моим продолжением, завоевавшим меня и поэтому признанным мужем, с которым мы делили одно дыхание на двоих. Я больше не думала о том, в какой ипостаси он меня обнимает. Забыла, с чего начинался наш разговор. Он был теперь мной, а я стала им. И испытывала почти физическую боль от мысли, что в этом первобытном танце получаю наслаждение только я.

В тот момент мне неистово захотелось ласкать его кожу внезапно огрубевшими пальцами. Целовать его губы, то и дело дразня их кончиком языка. Обнимать его крыльями. Сдаваться без боя. И, торжествующе глядя в его глаза, молча кричать: «Смотри! Это все для тебя!»

Но как только я решилась это сделать, его руки почему-то разжались. Бушующее в глазах желание моментально угасло. В его дыхании больше не было жара. Из движений исчезла страсть. А затем он вернул себе прежний облик, поднялся с разворошенной постели и, швырнув в меня скомканное покрывало, холодно сказал:

– Мы закончили.

На долгий-предолгий миг я замерла, испытывая пугающее чувство одиночества. Разгоряченное тело просило вернуть оборванные ласки, пылающее от жара нутро болезненно сжималось, так и не дождавшись обещанной наполненности. Вся кожа горела. Дыхание вырывалось с трудом, но нахлынувшее разочарование, больше похожее на отчаяние, почти мгновенно сменилось холодной яростью.

Усилием воли загнав эмоции на самое дно, я запахнулась в крылья, как в спасительный кокон, и медленно поднялась с постели.

– Я вам больше неинтересна, мой Князь? – сухо осведомилась я, чутко прислушиваясь к себе и к нему.

– Так и есть. Ты проиграла наш спор, суккуба, – все так же холодно отозвался он.

– Разве?

Он недоверчиво уставился на мое спокойное лицо, на котором

не отражалось ни тени недавно пережитых чувств. Ни толики неудовольствия или злости. Ни ярости, ни бешенства, которое всего мгновение назад было готово выплеснуться наружу. Все это меня больше не касалось. Я приняла решение. Поэтому была безмятежна, уверена в себе и держалась так, словно ничего не случилось.

И его это задело. Насторожило. Он справедливо заподозрил подвох.

И вот тогда я впервые искренне ему улыбнулась.

– Боюсь, вы ошиблись с выбором наказания, мой Князь.

И прежде чем он успел возразить, рывком распахнула крылья, позволив ему наконец увидеть все то, что скрывалось в густой тени низко опущенного балдахина. То, чего он не мог или не захотел заметить раньше. Свое изменившееся тело с гладкой алебастровой кожей. Покрывшие его гибкие чешуйки, складывающиеся в причудливый узор. Длинные белоснежные локоны, тяжелыми волнами спускавшиеся до самого пола. И почти не изменившееся лицо, на котором пылали бездонной чернотой такие же, как у него, демонические глаза.

Он понял слишком поздно, что именно я сотворила. А осознав, сделать ничего не успел, потому что я, ни на миг не усомнившись в принятом ранее решении, безжалостно вырвала из себя недавно плававшие чувства и совершила то, от чего он вскинул голову и дико, по-звериному завыл...

– Хе-эль... Хелечка-а... – жалобно пропищали у меня над ухом и потрясли за плечо. – Ну, Хеля, ну пожалуйста! Проснись, а то мы опоздаем на зачет!

– Зачет? – хрипло спросила я, все еще слыша отголоски страшного воя и видя перед собой искаженное нечеловеческой мукой лицо. – Какой еще зачет? А, твой...

Улька, на мгновение замерев, радостно взвизгнула и тут же повисла у меня на шее.

– Хелька! Ура-а! Ты проснулась!

Я неохотно открыла глаза и с кряхтением выбралась из-под одеяла.

– Да проснулась я, проснулась, дай только оклематься. Сколько прошло времени?

– Уже пора. Прости, – дрогнувшим голосом созналась баньши, а потом опомнилась и цепко ухватила меня за руку. – Хелечка, пойдем, и побыстрее, пока госпожа Лициана меня с потрохами не скушала! Ты же знаешь, она может.

– Погоди, я ненадолго...

С трудом дотащившись до душевой, я кинула на отражение в зеркале

беспокойный взгляд и облегченно выдохнула: хвала всем богам во всех мирах, там все осталось прежним. Ни волосы не побелели, ни чешуя не проступила, и даже ночнушка моя драгоценная оказалась целой, хотя я уже была готова поверить, что ее не вернуть.

Неужто всего лишь сон?

Дрожащей рукой плеснув в лицо пару пригоршней холодной воды, я вдруг наткнулась взглядом на ожог и вздрогнула, обнаружив, как на нем медленно гаснут пылающие багровым светом письма. А затем, похолодев от страшного подозрения, заглянула под ворот рубахи и обмерла, обнаружив под ней все до единого следы пережитого кошмара.

– Хель, ну что ты там застыла? – нетерпеливо крикнула снаружи Улька, гремя табуреткой и что-то шумно волоча по полу. – Скорее одевайся! Занятие через час, а нам еще до кладбища пилить и пилить.

– Сейчас, – деревянным голосом ответила я, обессиленно опускаясь на пол и закрывая глаза. – Сейчас, только приду в себя...

Глава 5

Охотящаяся суккуба – как зеркало, в котором отражаются мужские эмоции. Желания, которые она умело вызывает, а затем ловко использует, превращая в оружие для любовных побед.

Но мало кто знает, что для точного удара суккубе необходимо увидеть цель – тот самый образ идеальной Женщины, который есть в душе у каждого мужчины. Этот образ нелегко отыскать – наши жертвы берегут его очень тщательно, порой запирая на сотни замков и храня в самой далекой пещере, какую только могут найти. Самые отчаянные даже рвут драгоценный портрет на части, а затем сжигают обрывки, развеивая пепел по ветру. И идут на все, лишь бы не показать свою единственную слабость, потому что знают: малейшая промашка будет стоить им не просто жизни – свободы, которую большинство мужчин не готовы потерять.

Подобраться к такому портрету – вот главная задача суккубы. Обойти все ловушки, вынудить жертву раскрыться, а затем примерить на себя вождеденный образ и заставить неосторожного самца пасть на колени. Для этого природа одарила нас всем необходимым: голосом, способным выбирать наиболее приятный для жертвы тембр; телом, умеющим принимать любую форму, и разумом, с помощью которого успешная охотница закрепляет результат.

Однако есть мужчины, на которых не действует наша женская магия. В чьих сердцах не пылает страсть, чьи тела безответны к ласкам, а души укутаны плотной оболочкой равнодушия. Растопить этот лед невозможно – безразличный разум неуязвим. И подобному противнику даже опытная суккуба не осмелится бросить вызов.

Темный Князь – именно такой противник: опасный, жестокий и предусмотрительный. Один из элиты демонов Преисподней, который просто не мог себе позволить иметь даже крохотной слабости. По этой причине его образ идеальной Женщины давным-давно уничтожен, а то, что осталось, похоронено настолько глубоко, что воскресить его не удалось бы ни одной, даже самой могущественной охотнице.

Князь ошибся только в одном: я никогда не была охотницей. И то, что он посчитал моей настоящей целью, в действительности ею не являлось.

По дороге к кладбищу Мартин, улучив момент, осторожно тронул

меня за руку.

– Хель, у тебя неприятности? Мне последнее время тревожно.

Не видя смысла что-то скрывать от нашего чуткого ангела, я сосредоточенно кивнула.

– Я могу чем-нибудь помочь? – тут же спросил он, придерживав шаг, и я тоже замедлилась, позволяя подшучивающим над трясущейся перед зачетом Улькой друзьям немного уйти вперед. По требованию баньши мы пошли самой короткой дорогой. В этих глухих подворотнях все равно почти никто не живет, так что наши охламоны никого не разбудят. Да и стража не особо заглядывает.

– Не знаю, Марти. Вряд ли. Если, конечно, ты случайно не знаешь, как можно быть в двух местах одновременно и испытывать при этом одинаково мерзкие ощущения.

– Это связано с *ним*? – проницательно взглянул на меня ангел, и я молча кивнула, зная, что он, как всегда, поймет и не станет задавать глупых вопросов. – Что происходит?

– Я думаю, мне больше нельзя засыпать, – обронила я, отпуская шумную четверку подальше. – Каким-то образом *он* все-таки может на меня воздействовать. Пускай только во сне, но мне не хочется узнавать, насколько далеко он готов зайти и на какие еще уловки способен. Понимаешь, здесь я просто сплю, но в то же время полученные *там* ощущения сполна возвращаются ко мне после пробуждения. И если так будет продолжаться, боюсь, однажды я не проснусь вовсе.

– Это больше похоже на проклятие, – через некоторое время произнес ангел, сосредоточенно хмуря светлые брови. – Я читал когда-то о брачных браслетах демонов – они действуют через привязку тел и душ. Но так, чтобы связь оставалась даже после снятия браслетов... не знаю, Хель. Надо покопаться в книгах. Может, что и найдем.

Я приподняла рукав балахона, открывая уже потемневшие, почти полностью зажившие полосы от кандалов, на которых чернели никуда не девшиеся письмена.

– Вот *это* могло сохранить привязку на наших душах?

Мартин помрачнел.

– Вполне. Со снятием самих браслетов возможность влиять на тебя физически он потерял, а вот призвать душу и заставить ее материализоваться в Преисподней сможет легко. В своем домене Темный Князь почти всевластен.

– Я заметила, – поморщилась я, возвращая рукав на место. – Тогда второй вопрос: можно ли эту привязку снять?

Ангел беспокойно провел рукой по волосам.

– Не знаю. Но в том справочнике по проклятиям, о котором говорил Шмуть, должны быть какие-то сведения.

– Значит, надо его добыть, – подвела итоги я. – Решено, завтра идем на разведку. И вот еще что, Марти...

– А? – встрепнулся задумавшийся было ангел.

– Ты сможешь какое-то время посидеть рядом, если я все-таки усну? – тщательно подбирая слова, попросила я. – Понимаю, что совсем без сна у меня не получится. Никакие зелья от этого не спасут, хотя я, конечно, сегодня же потрясу целителей. Но я знаю если кто-то и может почувствовать, что мне совсем туго, то это ты... если тебе не трудно...

– Я буду спать вместе с тобой, – без колебаний согласился мой целомудренный друг, ни на миг не усомнившись, что мне это действительно нужно. – И даже могу привязку к душе сделать, почти как он... чтобы, как только ты меня позовешь, я тут же услышал. Даже если ты назовешь мое имя во сне.

Я остановилась и, наклонившись, аккуратно поцеловала в щеку покрасневшего как маков цвет ангела.

– Спасибо, Мартин. Я твоя должница.

– О-о, какие люди занимаются гнусным развратом! – внезапно раздалось из ближайшей подворотни, заставив Мартина вздрогнуть и отпрянуть, а меня – машинально закрыть его собой. – Оказывается, у нашей неприступной суккубочки появился ухажер!

В темноте насмешливо сверкнули два ярко-желтых глаза, и оттуда вальяжно вышел молодой бес. Его наполовину развернутые крылья выглядели потрепанными, словно побитыми молью. Гуляющий из стороны в сторону черный хвост лениво мел мостовую. На мохнатой физиономии появилась омерзительная улыбочка, а внушительный набор острых мелких зубов наводил на мысль о давних грехах его бесовской матушки, которая в свое время была крайне неразборчива в связях.

Разумеется, он пришел не один – бесы никогда не ходят поодиночке. И ведь дождался, гаденыш, момента, когда мы с Марти останемся одни. Обычно наша группа старалась не разделяться, в том числе и по этой причине, но сегодня я несколько увлеклась. Да и ангел откровенно растерялся. Так что довольно быстро нас окружили десятка два гаденько ухмыляющихся козлоногих уродцев и, обступив со всех сторон, глумливо захихикали.

Эх, не добили их в свое время Князья, когда отвоевывали свои домены. Недодавили поганых пиявок, предпочитая брать их в услужение.

Вот и расплодилась мелкая нечисть, доставая всех окружающих. А уж в УННУНе ее тем более предостаточно, поскольку бесовки, в отличие от благородных суккубов, отличались крайней непритязательностью в выборе партнеров.

– Хорошая ночка, не правда ли? – промурлыкал Гидес, демонстративно полируя острые коготки. – Такая тихая, спокойная... Как я понимаю, у вас сегодня зачет по мертвологии?

«Улька! – молнией пронеслось у меня в голове. – Неужели они успели побывать на кладбище?!»

– Если с ней что-то случилось, ты пожалеешь, – угрожающе произнес вдруг Мартин и упрямо полез вперед.

Бес откровенно расхохотался.

– Ути-пути, мой маленький... Кто это тут у нас такой?

– Не лезь к нему, Гидес, – хмуро уронила я, перехватывая воинственно настроенного, но абсолютно бесполезного в драке ангела за шкирку. – И кодлу свою отзови, пока я не рассердилась.

– А что будет, если не отзову? – хитро прищурился обнаглевший до предела бес, а его дружки гаденько захихикали. – Что, если мы захотим вдруг повеселиться?

Я огляделась: бесов было слишком много. В воздухе у меня еще имелось бы преимущество, но взлететь я не могу, Мартин – не боец, и бегают он очень медленно. Так что остается уповать на внимательность наших друзей и на то, что хотя бы один из них вовремя спохватится.

– Ну давай, Хель! – под смешки своей стаи подначил Гидес. – Покажи нам, суккубочка, как надо правильно совращать ангела! Хотя нет, не нужно – мы и сами прекрасно справимся. Он же такой сладенький, такой симпатичненький... просто грех за щечку не укусить... Верно, парни?

– Да! – хором подтвердила стая, снова скатившись до мерзкого хихиканья.

В моей душе внезапно поднялась волна раздражения, а темная ипостась, вострепнувшись, недовольно выглянула наружу.

– И правда, хорошенький, – недвусмысленно облизнулся один из стоящих рядом бесов, а затем звонко причмокнул, вытянув трубочкой губы. – Иди ко мне, беленький. Иди ко мне, мягонький. Раз Хель тебя не хочет, я согласен приласкать. Я тоже умею быть нежным. Тебе понравится...

– Нет, лучше я! – хихикнул кто-то еще, и стая при виде дергающегося в моих руках низкорослого друга взорвалась одобрительным хохотом. – Иди ко мне, ангелочек! У меня хвост тоньше, да и кое-чем другим я смогу

тебя удивить!

Говорю же, эти паршивые гиены неразборчивы в связях. Удавила бы тварей, да жаль – мне запрещено.

От гнусных намеков Мартин побагровел, а мое раздражение быстро переросло в гнев.

– Да ты поранишь его своей оглоблей! – крикнул кто-то из темноты. – У него же наверняка никого раньше не было. Мальчик-то нецелованный!

– Вот я и приобщу его к высокой культуре...

– Отвалите все. Мелкий мой, – вальяжно заявил Гидес, плотоядно поглядывая на покрасневшего от злости Мартина. – Но, так и быть, когда наиграюсь, со всеми поделюсь. Хель, ты же нам его уступишь? Двух медяков будет достаточно?

И вот тогда мое терпение закончилось.

– Зря ты меня не пос-слуш-шал... – Я сама не заметила, как скатилась до змеиного шипения и сжала в кулак обзаведшиеся длинными когтями пальцы. – Зря не уш-шел... а теперь я рас-с-сержена и намерена вас-с поранить-с-с!

На меня удивленно посмотрели, и даже Мартин как-то странно присел, но я не обратила на него внимания – темная ипостась так быстро и уверенно взяла верх, что все мое внимание оказалось приковано к тем, кто посмел ее разбудить.

Да, бесов действительно было много, но и у меня появилось несколько десятков длинных и ловких «рук». Взившись гибкими белыми плетями, они в мгновение ока заполнили все окружающее пространство, умело схватили растерявшихся от неожиданности бесов и, спеленав их тугими кольцами, подвесили в воздухе вниз головой. По улице сразу разнеслись испуганные вопли и сосредоточенное сопение тех, кто посмелее, но мои «руки», свитые из густых, внезапно отросших и ставших на диво послушными волос, оказались сильными – ни один из тщетно трепыхающихся бесов так и не сумел выбраться наружу. И настолько крепкими, что даже острые бесовские коготки не смогли их повредить.

Оглядев жалобно попискивающие кульки, из которых время от времени доносились испуганные подвывания, я довольно заурчала. А затем шагнула вперед, подцепив на когти посеревшего Гидеса, с легкостью вздернула икнувшего беса на высоту своего лица и заглянула в его расширенные глаза, в которых метнулся неподдельный страх.

– Твое с-с-счастье, гаденыш-ш, что мне некогда, так что я ос-с-тавлю вас-с в живых. Но ты будеш-шь наказан... вс-с-се вы... с-с-согласно тяжести ваш-шей вины...

Он сдавленно захрипел, пытаясь что-то сказать, но я уже раздвинула губы в мстительной усмешке, наконец-то придумав для гиен достойное наказание. После чего подбросила тихо взывшего беса повыше, перехватила его за ногу невесть откуда взявшимся гибким хвостом. Недолго поработав руками, сотворила с козлоногими то, что хотела, а потом торжественно водрузила сверху жалобно блеющего Гидеса и, оглядев результат, довольно кивнула.

– Так-то лучш-ше...

– Ты *это* имела в виду, когда говорила, что Князь на тебя воздействует? – тихонечко спросил Мартин, когда я вернулась в привычный облик и мы ушли, оставив поверженных врагов скулить за углом.

Я хмуро кивнула.

– Да. Моя темная ипостась выбрала себе постоянную форму.

– Это было... красиво, Хель, – неожиданно признался он. А когда я кинула на него предупреждающий взгляд, понятливо вздохнул. – Но я не буду спрашивать, как это произошло.

Городское кладбище было обширным. Оно и понятно – везде, где бы ни прожили хотя бы пару сотен лет разумные существа, мертвых скапливается гораздо больше, чем живых. Однако на нужды УННУНа Город выделил лишь небольшой и наиболее старый участок, где уже невозможно было сказать, кто, где и когда был похоронен.

Могил как таковых здесь давно не осталось, лишь поросший травой пустырь, на котором кое-где смутно угадывались скромные холмики. Ни табличек над ними, ни поминальных камней с выбитыми на века именами. Одна лишь ограда из толстых металлических прутьев в полтора человеческих роста да возвышающийся в центре небольшой склеп, от вида которого даже мертвологам становилось не по себе.

Когда мы приблизились к нужному месту, у входа уже нетерпеливо переминались оборотень и оракул. Предпочитающий комфорт Шмуль с удобством устроился на ветке засохшего дерева возле ограды, ну а нам с Мартином отводилось место на поваленном бревне, откуда было удобно наблюдать за происходящим.

– Вы что там застряли? – с подозрением оглядел нас фэй, как только мы с Марти приблизились. – Секретничали? Или ворон вместе ловили?

– Скорее, бесов, – усмехнулась я, присаживаясь на свое законное место.

Эх, сколько я тут времени провела за три-то года Улькиных бесполезных упражнений в мертвологии! Из всей группы ей одной,

чистокровной темной, были подвластны эти скользкие силы, но нас не задерживали, когда мы толпой подходили к воротам универа, одевшись как заправские мертвологи. Защитная одежда была обязательна для всех, даже если участвовал в ритуале всего один человек. Вот мы и обзавелись специальными балахонами и даже пропусками, которые Старая Жаба, ворча и хмурясь, все-таки согласилась подписать.

За прошедшие три года даже она поняла, что разделять нашу дикуую шестерку опасно. Склонного к авантюрам фея нельзя было надолго убирать от обстоятельного и занудного ангела, перепады настроения оборотня обычно компенсировались терпением и красноречием оракула, рассеянную и неуверенную в себе Ульку мы, не сговариваясь, берегли все сразу, ну а я... Без меня эта ненормальная пятерка переставала слушаться кого бы то ни было. На нее даже наказания и грозные окрики директрисы не производили впечатления. Поэтому начальство решило, что ну нас всех к демонам, и, во избежание неминуемых катастроф, сделало исключение из правил, позволив нам на некоторые непрофильные предметы заявляться целой бандой.

– А Улька где? – недоуменно огляделся ангел, когда мы расселись.

– Уже там, – фыркнул оборотень и посторонился, чтобы не закрывать нам обзор.

Одинокая фигурка баньши, смотрящаяся совсем крохотной в широком и волочащемся по земле балахоне, целеустремленно двигалась по направлению к склепу. Бледная и решительная, наша Улька до побелевших костяшек на пальцах вцепилась в учебник и топала по единственной выложенной дорожке с таким видом, словно шла на собственную смерть.

В чем-то я ее, правда, понимала – преподавательница по мертвологии действительно стоила потраченных на нее эмоций. Ну а тот факт, что древнему умертвию позволили работать в универе, всецело лежал на совести руководства.

Для того чтобы приступить к занятиям, бедным студентам приходилось сперва стучаться в склеп и дрожащими от страха губами выговаривать слова призыва, чтобы дремлющая в некоем подобии сна госпожа Личиана выбралась из гроба. Что уж она потом с ними делала, не могу сказать – Улька умоляла нас присутствовать только на зачетах, – но результат впечатлял: будущие мертвологи возвращались с занятий мокрыми, бледными и взмыленными, как лошади, на которых не по разу вспахали этот самый пустырь. А уж как они смирнели при угрозе доложить о всяческих безобразиях их бессменному, точнее, бессмертному

руководителю – любо-дорого посмотреть!

Я проследила, как Улька, перебросив на спину две длинные тощие косички, нерешительно взялась за дверной молоток и постучала в двери склепа. Звук раздался такой, что Васька передернулся, а с соседнего участка с карканьем взлетели вороны. Но, как ни странно, на стук никто не отозвался, а скрипучие двери, против ожиданий, не распахнулись перед прикусившей губу баньши.

Ни через минуту, ни даже через две никто ей не ответил, будто хозяйке было не до зачета или же... никого не оказалось дома?

– Да ну, куда она денется? – с сомнением протянул оракул в ответ на мой выразительный взгляд.

– Мало ли. Может, у нее дела какие в Городе?

– Конечно. Полетела себе новый саван заказывать.

– Постучи еще! – громко крикнул оборотень, прильнув к ограде, когда баньши нерешительно обернулась. – Вдруг она не слышит?

Улька вздохнула и постучала еще раз, с тем же результатом.

– Может, мы опоздали? – выдал умную, но несколько запоздалую мысль Мартин, когда мы озадаченно переглянулись. – Личиана никогда не заставляла себя ждать.

– Не-а, – опять жуя какую-то булку, промышчал Зырян. – До полуночи еще пара минут, так что дело не в этом.

Оракулу мы поверили сразу – кроме него, никто так не умел чувствовать время, – а в ответ на очередной беспомощный Улькин взгляд лишь обескураженно развели руками.

– Давай еще стучи! – снова крикнул Шмуль, перелетев с дерева на ограду. – Вдруг она там с концами уснула?

– Умертвие? – не поверил Васька, просовывая мохнатую голову между прутьев. – Трехсотлетнее? И чтоб вдруг сдохло? Щас я его попробую разбудить...

И вдруг так взревел, что от неожиданности получил сразу три пинка – от оракула, Шмуля и от меня.

– Ну, вы чего? – разобиженно повернулся оборотень. – Я же помочь хотел! Если она уж мой рев не услышит, тогда ее точно ничто не разбудит!

Шмуль фыркнул.

– Зато если услышит и от этого проснется, потом ее точно никто не упокоит.

Я сосредоточенно посмотрела на склеп, но его двери не спешили открываться. Никто не заворчал изнутри скрипучим голосом. Не загремели тяжелые засовы. Только где-то в Городе, отзываясь на медвежий рев,

протяжно завывали собаки, а прилетевший ниоткуда ветер зловеще зашелестел мертвыми ветками.

Улька с несчастным видом потопталась у двери и снова знаками показала, что не знает, что делать. Мы, посовещавшись и почесав затылки, все же решили отправляться ей на помощь. Зачет же сдать надо? Улька такого позора не переживет.

– Нет! – обеспокоенно крикнула баньши, когда мы потянулись к калитке. – Стойте там! Она не терпит гостей! Хорошо, если только проклятием отделаетесь.

– Ну не стоять же здесь до утра? – гаркнул Васька, застопорившись на проходе. – Что у тебя на зачет-то назначено?

– Поднятие...

– Сколько?

– Пять штук.

– Ого! – удивились мы, а потом, снова посовещавшись, единогласно решили: – Давай начинай, пока она дрыхнет. Как проснется, практику ей сразу сдашь, а теорию и так оттарабанишь.

– А если она скажет повторить поднятие при ней?

– Что ты, не поднимешь их снова? А ей, если спросит, скажешь, что тренировалась перед зачетом. Волновалась, дескать.

Улька задумчиво покосилась на склеп, но все-таки кивнула и, отойдя в сторонку, присела на корточки, старательно перелистывая лежащий на коленях учебник и пытаясь что-то в нем прочитать в неверном свете луны. А мы вернулись на свои места, изредка поглядывая, как она водит руками и сосредоточенно шевелит губами, призывая мертвяков.

Пять штук для нее и впрямь многовато – Улька, хоть и чистокровная темная, была очень слабенькой баньши. Вернее, она была слаба настолько, что ни в одну школу ее попросту не брали. Она даже смерть как следует не умела накликать, а если и помогла кому-то уйти на тот свет, то, скорее всего, случайно. Так что ближайшие родственники сочли, что ей не место в приличном учебном заведении, и не возмутились, когда «позор семьи» зачислили наконец в УННУН. Личиану Улькино прошлое, впрочем, не особенно смущало, а исполнительная баньши очень старалась доказать, что она хоть на что-то способна.

Когда перед ней наконец вспучилась земля и оттуда выполз полуразложившийся мертвяк, мы одобрительно зашумели и захлопали в ладоши. Улька тут же просияла, горделиво подбоченилась и, дождавшись, когда оживший труп встанет на ноги, с торжественным видом пнула его под зад.

– Упокойся! – донеслось до нас ее несколько истеричное восклицание, и мертвяк, послушно сложившись, безвольной куклой рухнул на землю.

Под веселыми взглядами оборотня и Шмуля я кашлянула, но да – это была моя идея совместить сей неуважительный жест с заключительным словом. Улька так боялась в свое время трупов, что от поднятых мертвецов шарахалась с визгом даже тогда, когда рядом находилась Личиана. При этом само умертвие, что странно, ее пугало гораздо меньше.

Зато теперь наша баньши в очереди на упокоение первая. И даже вон как разохотилась – отправилась гулять по кладбищу, то и дело взмахивая руками и с довольным видом выкрикивая:

– Восстань!..

– Что-то она разошлась, – проворчал оборотень, когда Улька подняла и упокоила штук семь мертвецов, заставив их улечься в одну линию, как солдатиков. – Если что, я их закапывать не буду. Пусть сама возится.

– Поднятое и упокоенное тело во второй раз поднять намного сложнее, – деловым тоном заметил ангел. – Нужно где-то с полчаса, чтобы заклинание начало снова действовать.

– В обычном мире можно сразу! – несказанно удивился фей, обернувшись.

– А здесь нельзя, – спокойно ответил Марти, и на это нечего было возразить. Наш Мир так сильно менял существующие в остальных частях вселенной заклęcia, что было еще удивительно, как здесь хоть что-то работало. Та же левитация, к примеру, если господин Эсси не врал, или мертвология, которой наша баньши, кажется, и впрямь увлеклась.

– Уль, ну хватит! – крикнул Василек, когда на площадке перед склепом улеглось пятнадцатое тело. – Может, кто-то еще придет на зачет, а ты им материала не оставила!

Баньши придирчиво оглядела результаты своей работы и довольно кивнула, а затем вернулась к дверям склепа, явно собираясь снова ударить молотком. Стоя спиной к разрытым могилам, она не видела, что там происходит, поэтому первыми неладное заметили мы и беспокойно зашевелились.

– Уля-а-а! – тревожно крикнул Васька, когда самое первое из упокоенных баньши тел снова зашевелилось. – Ты каким заклинанием их упокаивала?

Баньши, не оборачиваясь, пожала плечами.

– Улька! – гаркнули мы уже все вместе, видя, как одно за другим задержались и остальные тела. – Да обернись же! Они шевелятся!

Улька медленно обернулась и тут же выпустила молоток из рук.

При виде медленно поднимающихся трупов у нее широко распахнулись глаза, сам собой открылся рот... И я сразу вспомнила, за какие заслуги баньши были так нелюбимы в Преисподней.

Истошный визг, от которого задрожали стены склепа и завибрировали прутья в ограде, был таким громким, что мы одновременно отшатнулись и торопливо зажали уши. Если бы могли, натолкали бы туда ваты, потому что его невозможно было выносить. От него шалела голова, мутилось в глазах и угрожающе натягивались барабанные перепонки. Всего две минуты такой атаки – и любой враг разбит в пух и прах.

Однако на мертвяков коронный прием Ульки не оказал должного воздействия. Это нас едва не отбросило от ограды, а они только пошатнулись. И, неуверенно выпрямившись, упрямо поперли на невезучую призывательницу, щеря гнилые зубы и явно намереваясь закусить. Более того, вся земля вокруг нее недобро зашевелилась, и оттуда один за другим с ворчанием полезли новые гости.

Как только у нашей баньши закончился воздух в легких, мы со Шмулем взмахнули крыльями одновременно, прекрасно зная, что после атаки у Ульки всегда наступал непродолжительный ступор. В это время ее можно было брать голыми руками, не боясь, что замершая темная, смотрящая перед собой остекленевшими глазами, вдруг очнется. И мы, зная о том, что сейчас нашу Ульку не заставят пошевелиться даже жрущие ее заживо мертвяки, без промедления ринулись вперед.

Фей, как более легкий и шустрый, оказался на месте быстрее, с ходу врезавшись в спину одного ходящего пособия по мертвологии и заставив его промахнуться мимо жертвы. Я подросла мгновением позже и, не раздумывая, цапнула Ульку за шкурку, с натугой поднимая в воздух. Я, правда, не Князь, да и крылья у меня не железные, поэтому худенькую баньши смогла дотащить только до крыши склепа. Где и поставила на ноги, торопливо оглядывая взбудораженный пустырь.

Сейчас вокруг нас стояло уже не полтора, а все три десятка молчаливых преследователей. А скоро должно было стать еще больше, потому что старые могильные холмики вскрывались прямо на глазах.

– Линять надо, – выдохнул фей, приземлившись с нами рядом. – Их слишком много. Не одолеем.

– Нет, – пошатнулась внезапно очнувшаяся Улька. – Я – заклинатель, мне нельзя, потому что они пойдут за мной.

– За ограду им вроде нет хода. – На всякий случай я ее придержала, чтобы не рухнула прямо в руки мертвецам. – На границе же освященная земля.

– Они здесь только до тех пор, пока рядом заклинатель. А как только я выйду – тут же расползутся по округе. Причем за пределами ограды будут не в пример шустрее, чем здесь.

Мы тревожно переглянулись и крикнули мечущемуся вдоль ограды оборотню, тревожно застывшему оракулу и прильнувшему к прутьям ангелу, чтобы не совались.

– Что делать будем? – первым задал наиважнейший вопрос фей.

Я нервным движением сложила крылья, мельком глянув, не полезли ли мертвяки на стены. Пока там было тихо – они неподвижно стояли вокруг склепа и пожирали голодными взглядами несчастную баньши, глаза которой при виде такого безобразия снова начали наполняться слезами.

— Что я сделала не так? Ну что?!

О нет... Нас хотят сожрать, а она опять думает лишь о том, что где-то ошиблась!

– Я ведь по книжке, – пролепетала бедная Улька, все быстрее и быстрее скатываясь к банальной истерике. – Все точно до последнего слова... Ну откуда их столько взялось? Где я ошиблась?!

– Потом разберемся, – решительно оборвала я бесполезное самокопание. – Скажи лучше: если мы эти пособия повредим, Личиана сильно на нас обидится?

– Она их це-э-энит! – всхлипнула Улька. – И за каждого потом с меня спро-о-сит!

– Не реви – смерть еще накличешь. Придумай лучше, как их УГОМОНИТЬ.

– Я не зна-аю! – Баньши всхлипнула громче, и по ее щекам покатились первые слезы. – Они еще полчаса заклятиям поддаваться не будут – ни поднимающим, ни упокаивающим. А больше мы пока ничего не разучи-и-или!

– Давайте звать Лучиану, чтобы она их уgomонила, – предложил Шмуть, озабоченно посмотрев вниз. – А то Улька и впрямь нас оплачет, а я еще слишком молод, чтобы умирать.

Я нервно дернула крылом.

– Да как ее позовешь, если даже Васькин рев не сработал? Уль, ты заклинание призыва правильно произнесла?

– Коне-э-эчно! – чуть громче всхлипнула баньши, каким-то чудом еще удерживаясь от громогласного рева. – Если бы не это, молоток бы не сработал!

Мы все помрачнели, стоя в окружении молчаливых мертвецов, к которым вскоре присоединились те, что совсем недавно даже

не помышляли выбираться. И помрачнели еще больше, когда они вместе, словно по команде, сдвинулись с места и целеустремленно ринулись на штурм нашего убежища.

– Хелька! – прокричал из-за ограды встревоженный оборотень. – Что там у вас происходит?!

– Понятия не имею! – крикнула я в ответ, мстительно наступив каблуком на чьи-то вцепившиеся в край крыши пальцы. Склеп был небольшим и, к сожалению, невысоким, так что хватало одного прыжка, чтобы достать до верха.

– Мама! – взвизгнула Улька, когда рядом с ней тоже царапнули черепицу грязные ногти. – Спасите нас кто-нибудь! Помогите-и-те!

Оборотень, не сдержавшись, все-таки распахнул калитку и, на бегу обернувшись, огромными прыжками рванул нам на выручку. Следом за ним, уронив недоеденный пирожок, с пытением припустил Зырян. Да и Марти, разумеется, не отстал, ринувшись нам на помощь, словно от него могла быть какая-то польза.

– Ой, дураки-и... – простонала я, снова со злостью отбив кому-то пальцы, а затем рывком содрала с себя балахон. – Стойте! Стойте, болваны, куда вы несетесь?! Крыша же всех не удержит!

– Хелька, смотри... – севшим голосом сказал Шмуль, указывая куда-то в сторону.

Я послушно посмотрела и похолодела.

Матушки мои... Вся земля от калитки пришла вдруг в движение. Невидимые прежде могилы вскрывались с такой скоростью, что я даже поверить не могла, что их тут *так* много! Буквально отовсюду высывались когтистые руки с остатками плоти, а некоторые так вообще почти без оной! На небольшом участке оказались такие обширные, вероятно, в несколько слоев захоронения, что мне поплохело, когда стало ясно, что наши друзья мчатся по чьим-то костям.

– Парни, что ж вы творите? – прошептала я, в панике видя, что некоторые руки едва не хватают оборотня за пятки. Но перепугавшийся Васька ничего не видел и не слышал. С бешеным ревом огромный медведь несся на толпу окруживших нас мертвецов, топча тех, кто попадался под ноги и даже не задумываясь, что одному ему со всеми не справиться. Да и оракул каким местом соображал, когда, сопя и отдуваясь, понесся за ним к склепу?! А ангел... Боже! Дай, конечно, каждому таких друзей, но леший меня за ногу, как их-то теперь спасать?!

Сорвавшись с крыши, я быстро натянула свой балахон на голову первому встречному зомби, отчего тот промахнулся и с подозрительным

бульканьем сполз на землю. Второго со злости пнула так, что у него отвалилась рука и съехала в сторону нижняя челюсть. От протянутых рук третьего в последний момент увернулась и на пределе сил кинулась к безнадежно отставшему от парней Марти. Среди нашей компании он был чуть ли не слабее Ульки, и если его что и спасало сейчас от чужих когтей – это слабо засветившийся вокруг него воздух, от которого встречные мертвяки недовольно отворачивались и промахивались, пытаясь ударить вслепую.

Я выхватила его из-под чьей-то руки в самый последний момент и тут же взмыла в воздух, уже не зная, куда лучше лететь. Но потом услышала оглушительный визг баньши и, развернувшись, ринулась к склепу.

Что там в это время творилось – не описать словами. Мертвяки словно осы облепили каменные стены со всех сторон. Тех, кого роняла баньши и умудрялся опрокинуть невесомый фей, мгновенно сменяли другие. Правда, пока они были медлительны и неуклюжи, а их руки легко ломались, особенно когда преодолевшая страх Улька отхватила чью-то когтистую клешню и начала орудовать ею, как простой палкой. У самого входа ревел и ворочался огромный медведь, которого мертвецы облепили со всех сторон. От каждого удара могучей лапы обязательно кто-то падал, разваливаясь на части. От каждого поворота кто-то слетал с его холки, сметая соседей и на мгновение освобождая пространство. Но их было слишком много для нас шестерых. И вскоре должен был настать момент, когда даже могучий оборотень, чью спину умело прикрывал недобро оскалившийся Зырян, схвативший в каждую руку по бедренной кости, не сможет справиться с навалившимися на него тварями.

Скинув испуганно сжавшегося ангела рядом с Улькой, я снова поднялась в воздух и лихорадочно огляделась.

Всем нам на крыше не уместиться. Оборотень и оракул точно пропадут. И трем мелким недоучкам никак не удержать свой небольшой плацдарм. Перетаскать их поодиночке я уже не успею. У меня просто не хватит сил!

Окинув безнадежным взглядом сплошное море колыхающихся тел, я спикировала на крышу, вздернула за шкуру испуганно жмущегося к Ульке ангела, и, прежде чем призвать в себя Свет, рывкнула ему в лицо:

– Мартин, прикрой!

Мигом позже волна ослепительной боли прокатилась по моему телу, сопровождаясь отвратительным запахом горелой кожи. Ангел поневоле зажмурился, а фей с баньши одновременно отшатнулись. Но почти сразу

Марти опомнился, схватил обоих в охапку и спрыгнул вниз, под прикрытие надежной Васькиной спины и воинственно хекающего Зыряна, вокруг которого уже лежали целые кучи мертвых тел.

За моей спиной с громким хлопком развернулись засиявшие крылья, с которых стекала чистая благодать. Тот самый смертоносный Свет, что никогда не терпел конкуренции. Безжалостный. Жестокий. И не умеющий мириться даже с крохотными проявлениями темноты. Добравшись до мертвой плоти, он сжигал ее с ходу, не в силах терпеть рядом с собой такое безобразие. Мстительно впивался в землю, на корню испепеляя копошащиеся там пальцы. И неумолимо расползался по всему кладбищу, уничтожая, раскидывая в стороны, беспощадно очищая все и всех, в ком только была частичка Тьмы...

Всех, кроме моих сбившихся в кучу друзей.

Только их он милосердно обошел стороной и никого не тронул, наткнувшись на точно такое же упрямое, только более слабое сияние души заступившего ему дорогу полукровки.

Когда я увидела, что угрозы больше нет, то обессиленно рухнула, сиюсь загнать обратно свой воинственный Свет. Он был безжалостен и ко мне тоже. Ему были чужды сомнения. Поэтому он мстил мне огнем за недавнюю уступку Тьме и отказ от его сомнительной благодати. Моя вторая ипостась тоже мучилась, корчась от его обжигающих прикосновений. Сгорала, как упавшая в огонь картина, в отчаянии билась внутри, умоляя прекратить эту пытку. Но лишь когда моя светлая частичка до конца истощилась, когда у нее совсем не осталось сил... лишь тогда Свет наконец угас и погрузил опустевшее кладбище в блаженную тишину. А я без сил упала на разогретую крышу, уже не думая, что творю.

Правда, напоследок еще успела почувствовать, как содрогнулись до основания стены склепа, и услышать, как кто-то с грохотом снес толстую дверь и яростно взвыл:

– *Кто посмел призвать сюда Свет?*

Глава 6

Я стояла посреди пустоты и сквозь мутную пелену слез видела какие-то неясные силуэты. Меня все еще шатало от слабости. Равновесие удавалось держать с трудом, но гибкий хвост оказался неожиданно полезен, когда уперся кончиком в стену и за что-то там зацепился, не позволив мне упасть на колени.

Мое тело дымилось, словно его только что вынули из горящего дома. Обнаженные руки до самых плеч оказались покрыты кровавыми волдырями, а на почерневшие от ожогов ноги и вовсе было страшно смотреть. Моя красивая чешуя поблекла и кое-где даже оплавилась, словно ее жадно лизнул очищающий огонь. Лицо превратилось в застывшую от боли маску, дымящуюся точно так же, как и все остальное. Опаленные крылья бессильно обвисли, белоснежные локоны обгорели. Я едва стояла, откуда-то точно зная, что падать никак нельзя.

Моя темная ипостась всегда была сильной. И всегда упрямо стремилась жить. Она и сейчас, несмотря ни на что, не желала сдаваться, поэтому-то и вернулась сюда за помощью. Она не забыла, как много в этом месте таилось жизненно необходимой ей силы. И довольно заурчала, подставив лицо прохладным волнам, чтобы вдоволь напиться этой сладостью и сполна насладиться каждым глотком.

Эта сила была мне хорошо знакома – уютная, легкая, родная, она впитывалась в меня, как влага в растрескавшуюся от жара землю. Возвращала к жизни. Освежала. И бережно зализывала мои раны, незаметно забирая боль и даруя взамен чувство поразительной защищенности, о которой я уже почти забыла. Она льнула ко мне так тесно, что обгорелые тряпки вскоре начали раздражать, и я сдернула их, избавляя от помех не терпящие тесноты крылья. Вдохнула полной грудью. Расправила плечи. А затем вскинула голову, позволив заново отросшим локонам в беспорядке рассыпаться по спине, и освобожденно выпрямилась.

Однако, как только я пришла в себя и огляделась, как только мои глаза наткнулись на разворошенную постель с алыми простынями, как только стало ясно, что я не просто так тут оказалась, мне стало тоскливо от мысли, что беспамятство, как и сон, сделало меня уязвимой. А затем услышала слабый шум и ошетичилась, готовая отстаивать право на свободу и сражаться за нее до конца.

Князь стоял возле самой двери, внимательно изучая мое

преобразившееся тело. Подчеркнуто отстраненный и, что удивительно, до сих пор не пытающийся меня убить, хотя у него было достаточно времени для удара. При виде моих удлинившихся когтей он вопросительно приподнял брови. А заметив гибкий, обвившийся вокруг ноги хвост, заинтересованно подался вперед.

Однако, как только он сделал первый шаг, я предупреждающе зашипела. А затем свирепо рявкнула:

– *Мартин!*..

И тут же наткнулась на озабоченный взгляд знакомых голубых глаз.

– Ты звала меня, Хель? – обеспокоенно спросил ангел, крепко держа меня за руку. – Мне показалось, или ты действительно оказалась в беде?

Я моргнула от неожиданности, но это действительно был Марти – встревоженный, взлохмаченный, покрытый сажей, словно недавно чистил печную трубу, но живой. Настоящий. Требовательно заглядывающий мне в глаза в поисках признаков подступающего безумия.

С облегченным вздохом я откинулась навзничь и закрыла глаза.

Хвала всем демонам Преисподней – работает! Что бы ни сделал со мной ангел, но *оно работает!* Я снова здесь, снова дышу и чувствую себя настоящей! И больше не вижу стремительно меняющееся лицо Темного Князя. Не ощущаю исходящих от него волн нечеловеческой злости. И не слышу эхом отдающийся крик: «Стоять!» – потому что я больше не в его власти.

– Спасибо, Марти, – с чувством сказала я, сжимая в ответ руку ангела. – Ты очень вовремя меня вытащил.

Как оказалось, я очнулась в тот самый момент, когда шум на кладбище уже утих, все более или менее успокоились, а оставшаяся на ногах часть нашей разношерстной команды была отругана, раны ее были залечены, и теперь она стояла навтыжку перед самым странным существом, которое мне когда-либо доводилось видеть.

Госпожа Личиана выглядела как... как умертвие – большое, крылатое и весьма раздраженное своим неожиданным пробуждением. Я бы, пожалуй, сказала, что она походила на стрекозу, однако крылья у нее были, скорее, от летучей мыши. Лицо – как слегка очеловеченная морда самки богомола. Даже жвалы точь-в-точь как у нее. А вот дальше мое воображение пасовало, потому что под развевающимися обрывками савана силуэт угадывался непонятный. Неженский, однозначно. Но от какого насекомого в нем было больше – от гусеницы или от таракана, я откровенно затруднялась ответить.

К счастью, объяснять причины своего поступка мне не пришлось, поскольку недавние события друзья успели описать самостоятельно, включая Улькины издевательства над трупами, их непонятное и внезапное воскрешение, а также наши суматошные попытки сохранить себе жизнь.

Разумеется, поначалу умертвие сомневалось, что мы это не специально. Шипело, свистело и щелкало жвалами, пытаясь подловить нас на лжи. Но затем придирчиво оглядело опаленный склеп, приладило на место выбитую дверь, тронуло молоток, с которого на этот раз не слетело ни звука, с задумчивым видом обошло разоренное кладбище и, вернувшись к ограде, куда меня успели перенести друзья, наконец скрипучим голосом сообщило:

– Я вам верю.

Признаться, эти три простых слова даже во мне вызвали волну неимоверного облегчения. Слухов о живущем на кладбище существе ходило много, а легенд и всевозможных баек – еще больше. Вплотную, конечно, нам раньше сталкиваться не приходилось, поскольку во время Улькиных зачетов, которых и было-то пока две штуки, мы держались от склепа подальше. Поэтому я была так напряжена, когда шел продолжительный процесс дознания.

Измучившаяся ожиданием Улька, которая все это время ни на шаг не отходила от меня и уже успела передумать обо всем на свете, только после этих слов позволила себе обмякнуть. А умертвие, окинув ее пренебрежительным взглядом, совершенно справедливо заметило:

– Я верю вам хотя бы потому, что одна ты при всем желании не сумела бы сотворить такой кавардак.

И с этим было трудно не согласиться.

– Ты не виновата в пробуждении кладбища, – щелкнула жвалами госпожа Личиана, когда баньши без сил опустилась на траву рядом со мной. – Для этого требуются силы, которых у тебя нет. Как и врожденных способностей вызывать первородный хаос, чуточки удачи и... видимо, заклинания молчания, которое кто-то наложил на склеп, чтобы я не могла вас услышать.

Мы выразительно переглянулись.

Жаль, но общеизвестная магия никому из нас не была доступна, иначе мы бы не попали впросак и начали действовать иначе. С другой стороны, интересно, каким образом все это определило умертвие, которые видели нас вблизи всего-то третий раз. Это что, какая-то особая способность мертвых?

Тогда дайте две. Я тоже такую хочу!

Мертвый взгляд госпожи Личианы ненадолго задержался на каждом из нас.

– Вы поступили верно, решив нарушить мои приказы. И правильно не рискнули покинуть кладбище – гуляющих по Городу зомби вам бы никто не простил. Однако Свет...

Ее глаза медленно вернулись ко мне.

– ...мог стать для вас опасным. Чудо, что никого не задело. Как ты себя чувствуешь, дитя? – спросила она, когда я под ее взглядом поежилась и испытала сильное желание отодвинуться.

– Благодарю, мадам. Сносно.

– Как тебе удалось его сдержать? Ты ведь темная... по большей части? Я насторожилась.

– Запал закончился, вот и догорела. Друзей прикрыл Мартин – он у нас очень способный. И – да, я почти всегда темная. Что в этом странного?

Умертвие хрипло рассмеялось.

– То, что с таким даром ты еще живая, глупая. Хотела бы я знать, из какого источника ты черпала силы, когда возвращалась к жизни.

Я независимо пожала плечами.

– Темная ипостась у меня сильнее. А Светом я почти не пользуюсь. Да и восстанавливаюсь очень быстро. Это у меня в крови.

– Вот именно! – Она внезапно приблизила морду к моему лицу и с шумом втянула воздух. После чего странно хмыкнула, отодвинулась и многозначительно повторила: – Вот именно.

После чего равнодушно отвернулась и, вернувшись к калитке, негромко бросила:

– Ступайте, дети. Возвращайтесь в университет. Ульяна, будем считать, что ты успешно справились с заданием. Остальных я тоже не задерживаю. Мне понадобится время, чтобы привести тут все в порядок, а еще, видимо, серьезно подумать...

– Да что тут думать? – проворчал Мартин, когда мы все вместе покидали разоренное кладбище. – Даже я могу с уверенностью сказать, кто во всем этом виноват!

Зависнув гигантской молью перед окном пятого этажа, я требовательно постучала по стеклу костяшками пальцев. Но там, как ни странно, никто не отозвался, хотя я стучала уже в третий раз. Понятно, что ночь на дворе и меня никто не ждет, но заставлять девушку работать крыльями лишнюю пару минут и делать вид, что ничего не слышит, – это уже чересчур.

Устав болтаться между небом и землей, я навалилась плечом на оконные створки и, как только они разошлись, когтем подцепила щеколду. Но немного перестаралась – вместо того, чтобы осторожно ее сдвинуть, нечаянно сорвала с мяса, отчего она с неимоверным грохотом рухнула на уставленный непонятными железками подоконник. А потом скатилась на пол и уже там загремела, словно попала в пустую кастрюлю. Мгновением позже расшалившийся ветер распахнул настежь окно, явив моему изумленному взору закрывшую весь проем веревочную паутину, задребезжал вплетенными в нее посторонними предметами. Ну там вилками, ложками, заколками для волос... В довершение всего откуда-то из глубины комнаты что-то лихо свистнуло, перед моим носом пронеслась ярко светящаяся на кончике стрела, которая благополучно воткнулась в стоящее напротив общаги дерево и уже там подозрительно зашипела, разбрасывая огненные искры.

Разглядев на посуде отчетливый блеск серебра, я умилилась: надо же, меня ждали. После чего бесцеремонно сорвала веревки и с торжественным видом влетела в комнату, ласково и нежно проворковав:

– Йержи-и-к...

В крошечной тьме мои глаза разглядели обычную для студентов обстановку: двухъярусная кровать, два стареньких стула, обшарпанный стол, несколько полок с беспорядочно набросанными учебниками – вот, собственно, и все, чем могла похвастать обитель целителя-старшекурсника.

– Йержи-ик, дорогуша, – снова позвала я, внимательно оглядывая углы. – Неужто ты не знал, что серебро против меня бесполезно? К твоему сведению, им даже оборотня не убьешь. А уж заставлять подоконник кастрюлями и надеяться, что шум меня отпугнет, вовсе ни в какие ворота не лезет. Да и стрела... Друг мой, я уже начинаю сомневаться в твоём благоразумии! Кстати, это невежливо – не встретить даму, когда она посреди ночи решает заглянуть к тебе в гости.

– Что тебе надо, Хель? – отозвался наконец из-под стола недовольный голос.

Я восхитилась.

– О, ты все-таки дома... какое счастье! А то я уж решила, что зря залетела на огонек!

Из-под стола раздалось сосредоточенное сопение, но никто так и не появился.

– Йержик, друг мой, – всплеснула я руками, когда поняла, что он не собирается вылезать. – Да ты, никак, боишься?

– Нет!

– Тогда что ты там делаешь?

– В прошлый раз, когда ты приходила, мне пришлось менять стулья! А в позапрошлый – дверь!

– Теперь будешь менять окно, – зловеще пообещала я. – А заодно и стол, если сейчас же оттуда не вылезешь. Не трусь, я сегодня добрая. Просто зелья закончились раньше обычного, и теперь мне нужны новые.

Из-под стола наконец показалась белобрысая макушка и полная подозрения физиономия, на которой большими буквами было написано, что мне ни на грош не верят.

– Громить ничего не будешь? – с опаской поинтересовался наш поставщик всевозможных зелий и настоек, все еще занимая стратегически выгодную позицию под столом.

Я фыркнула и, приземлившись, демонстративно сложила крылья так, чтобы они поникшими тряпочками распластались по моей спине. В отличие от Шмулькиных, жестких и умеющих держать форму, мои были пластичными и при необходимости укладывались так, что становились почти не видны. Если плащик сверху накинуть, вообще ни о чем не догадаешься. Зато вернуть их в активное состояние – раз плюнуть. Очень удобно.

– С тобой дело иметь – все равно что курить, сидя на бочке со взрывным зельем, никогда не поймешь, то ли ты благословила, то ли прокляла, – проворчал Йерж, но соизволил наконец подняться. Невысокий, одетый в одни лишь подштанники мускулистый крепыш с недовольным лицом и непослушной шапкой выющихся волос. – Что тебе нужно, Хель?

– Стандартный набор: лечение, antidоты, обезболивающее... само собой, на шестерых. И еще бессонник в большом количестве. Достанешь?

Йержик, подтянув штаны, смерил меня хмурым взглядом:

– Зачем тебе бессонник? Ты что, духа сна обольстила?

– Конечно, – ощерилась я. – И теперь он при каждой удобной возможности делает мне непристойные предложения. Так ты найдешь?

– Сколько надо? – так же хмуро осведомился он, подходя к кровати. – Учти, у меня только концентрированный. Двенадцать капель – на одну ночь, не больше.

Он сдвинул двухъярусную конструкцию, словно та ничего не весила, и поднял находившуюся под ней деревянную крышку люка. Покопавшись в небольшом тайнике, существование которого давным-давно не было для меня открытием (а что, каждый зарабатывает, как может), он выудил оттуда две крохотные склянки темного стекла и бросил мне.

– Держи. Здесь по пятнадцать доз в каждой.

– Фу, ну и гадость, – принялась я к плотно закрытому горлышку, а затем выдернула пробку и поискала глазами мерную емкость. – А еще есть?

Йержик состроил скептическую гримасу:

– Куда тебе? Этого на месяц хватит.

Я поворошила лежащие на полу остатки ловушки, куда, оказывается, были вплетены столовые приборы, подобрала самую чистую на первый взгляд серебряную ложку и, протерев ее об рукав, быстро набулькала нужное количество капель.

– Брр... – Меня аж передернуло от мерзопакостного вкуса. А потом я аккуратно закрыла склянку и, бережно убрав ее за пазуху, вопросительно обернулась к целителю. – Так есть еще?

– По золотому за штуку – и сделаю, сколько надо, – озвучил свои условия Йерж. – Но имей в виду, долго его принимать нельзя. Через неделю он начнет терять эффект, а через месяц перестанет действовать полностью. Насовсем, если ты не поняла. Но ты к тому моменту и без того сойдешь с ума, потому что без сна обходиться не могут даже демоны.

Я фыркнула.

– Без тебя знаю. Но через неделю я что-нибудь другое придумаю... Сколько за все?

– Как обычно – пятнадцать золотых. Плюс бессонник. Плюс мне пять процентов сверху за труды. Оплата по получении, как обычно.

– Когда можно забирать? – деловито осведомилась я, выуживая из кармана горсть монет и отсчитывая четыре золотых.

– Через два дня будет готово.

– Отлично. Тогда бессонник я возьму сейчас, а ты через месяц сготовь еще столько же.

– Договорились, – слегка повеселел парень, забирая деньги. – Но у меня еще кое-что есть. И как раз по твоему профилю. Хочешь взглянуть?

Я недоверчиво прищурилась.

– По моему профилю? Это по какому? Демоническому?

– Нет. По ангельскому... Если, конечно, твои фокусы со Светом можно причислить к проявлениям врожденной пернатости. Так будешь смотреть? Или я закрываю тайник?

– Буду, конечно, – удивилась я. – Что ты там припас?

Йержик опустил на колени и запустил руку куда-то глубоко под пол. Что-то долго там нашаривал, пару раз с досадой прикусывал губу, однажды даже зашипел, засадив занозу под ноготь, но потом все-таки выудил оттуда

крохотный сверток, закутанный в промасленную тряпицу.

– Держи. Только окно закрой и шторы задерни, а то заметят.

Скептически приподняв бровь, я тем не менее выполнила просьбу. А забрав из рук приятеля оказавшийся на удивление увесистым сверток, быстро поняла, почему Йерж просил занавесить окно: как только я сбросила тряпицу, изнутри ударил такой яркий свет, что я поневоле зажмурилась и едва не выронила спрятанную книгу. Свет – проклятый, но все еще близкий мне чем-то Свет, который сегодня чуть не выжег мне душу...

Впрочем, до того как я швырнула опасную вещь обратно в тайник, книга снова потускнела и теперь едва заметно светилась по краешку кожного переплета, который почему-то оказался насыщенно-красного цвета, словно его искупали в крови.

– Надо же, и впрямь в тебе есть частица Света, – удивился целитель, когда я осторожно открыла глаза и взвесила книгу в руке. – Меня она не подпустила, хотя я не темный. А тебя вон как... даже не обожгла.

Я недобро на него посмотрела.

– Твое счастье, что не обожгла, иначе тебе пришлось бы заново обставлять эту комнату. Не говоря уж о том, что ты бы еще с неделю за мной ходил, утопая в слюнях.

Он вздрогнул и отступил, припомнив, как я настойчиво «уговаривала» его на сотрудничество. И когда мы заодно выяснили, что подтянутый и спортивный Йержик предпочитает, оказывается, пышных блондинок с широкими бедрами и необъятной грудью. Причем чем шире бедра и больше грудь, тем привлекательнее они становились. Это обнаружилось в ходе несложного эксперимента, после которого упрямый целитель, помощь которого нужна мне была как воздух, согласился на все на свете, но даже после этого на протяжении целых двух месяцев служил объектом для насмешек.

– Откуда у тебя книга? – сухо спросила я, осторожно развернув тряпицу до конца. На обложке нашлась надпись: «Все, что вы хотели знать о благословениях, но не знали, у кого спросить». Автор не указан. Имя писца также не случайно стерто. Но бумага тонкая, дорогая, благоухающая. А буквы выписаны четко и настолько ровно, что даже не верится, что писал человек.

Под моим взглядом целитель поежился.

– Случайно досталась. Откуда – не скажу, я свои источники не раскрываю. Появилась она у меня вчера, но не думаю, что, кроме тебя, она кому-то понадобится. Взять ее в руки может только светлый, у которого

в предках есть высшая сущность, а таких в УННУНе всего двое – ты да твой ангел.

– Откуда знаешь? – насторожилась я.

– Вежги ее вчера показывал, – неохотно сознался Йерж. – Он светлый, но книгу взять все равно не смог.

Я удивилась, Вежги – его сосед по комнате, который, кстати, куда-то запропастился сегодня. Полукровка, в котором причудливым образом (и не спрашивайте, каким именно) смешалась кровь эльфов и фей. А еще он был действительно светлым от волос до кончиков ногтей. В том смысле, что еще и альбинос. Но раз уж у него не получилось, значит, выводы Йержа верны, книга и впрямь необычная.

Я задумчиво погладила обложку.

– Сколько за нее хочешь?

– Сто золотых, Хель, – спокойно и уверенно сообщил целитель. А когда я ошеломленно вскинулась, так же спокойно добавил: – Товар штучный. И ценный – о благословениях, сама знаешь, мало что написано. Так что, если хочешь, бери – я ее для тебя приберегу, – но торговаться мы не будем. Моя цена – сто золотых. Без вариантов.

Я посверлила недовольным взглядом обнаглевшего приятеля и задумалась, сто монет – это очень много. Фактически на данный момент это все, что у меня есть. Но если книга и впрямь содержит то, о чем намекает в названии...

Я бегло пролистала несколько страниц, а потом решительно сказала:

– Деньги будут завтра. Тьмой клянусь. Но отдашь ты ее мне сегодня.

Йерж захлопнул тайник и неохотно кивнул:

– Забирай.

Глава 7

– Хельриана Арей Нор Валлара! – прокатился по коридорам общежития ласковый рев госпожи директрисы, заставив сонных студентов мгновенно проснуться и поспешно повскакивать с кроватей. – В мой кабинет! Немедленно!

В душевой что-то грохнуло, вскрикнуло, словно Улька с перепугу навернулась на скользком полу, а я потрясла гудящей головой и протерла уставшие глаза.

О-ох, как же долго не наступало утро! Какие-то жалкие несколько часов тянулись для меня так медленно и утомительно, что к рассвету я уже была готова лезть на стены. Никогда не думала, что однажды придется придумывать, как убить время. И не предполагала, что это будет так тяжело. Слава Создателю, бессонник сработал превосходно, так что даже после бурной ночи сонливости я не чувствовала. Однако вчерашняя усталость так никуда и не делась, и вот это уже было проблемой.

– Хельриана! – снова взревела госпожа Девелар, непрозрачно намекая, что не собирается долго ждать. Я тяжело вздохнула, отложила в сторону книжку и, кое-как пригладив волосы, направилась к выходу.

– Чего ей от тебя надо? – на мгновение высунулась в приоткрытую дверь полуголая, встрепанная и потирающая зад баньши.

Я пожала плечами:

– Пойду спрошу.

– Только давай быстрее. У нас сегодня контрольная по шаманству, – озабоченно сообщила Улька, проворно исчезая в душевой.

Я снова вздохнула и тронула ручку двери, собираясь ползти в главный корпус, а потом еще подниматься там на третий этаж, но в этот момент посреди комнаты открылся самый настоящий телепорт.

– Живо. Ко мне. В кабинет! – процедила оттуда невидимая госпожа Девелар, и мне ничего не оставалось, как послушаться.

Честно говоря, не ожидала, что ради меня она так расщедрится. С пространственной магией в Море предпочитали не связываться – слишком велик был риск промахнуться с местом назначения. А некоторые, как говорят, вообще улетали в неведомые дали, откуда так и не смогли вернуться. И тот факт, что директриса вдруг решила рискнуть, сулил мне крупные неприятности.

Вопреки гуляющим по УННУНу слухам, кабинет Старой Жабы

размерами не поражал, хотя необычного в нем хватало. Начиная с самой настоящей, цветущей по весне зеленой лужайки, живых лиан, полностью покрывших стены и потолок, и заканчивая мягко мерцающими гнилушками, ползающими по листьям крупными светляками и огромным замшелым пнем, который служил госпоже директрисе письменным столом.

Да. Такая она у нас оригинальная.

Внешность директрисы тоже привлекала внимание, но драконоиды даже в нашем Море – большая редкость. А уж феноменально толстая, раскормленная до состояния безобразной жабы бесхвостая ящерица и вовсе одна. Вон, напротив сидит. Красуется зеленоватой чешуей, злобно щурит свои глаза-щелочки, раздраженно постукивает по пню коготками и всячески подчеркивает, что недовольна моим поведением.

Сколько ей лет – затрудняюсь сказать, по невыразительной морде возраст не определить. Но Старая Жаба властвовала здесь задолго до того, как родилась моя мать, и останется, наверное, еще лет на тыщу, так и не открыв никому секрета своего удивительного долголетия.

– Хельриана Арей Нор Валлара, – прошипела она, взмахом когтистой лапы закрывая телепорт. – Как вы смеее *опять* нарушать общественный порядок? Как у вас только наглости хватило воздействовать на учеников, пользуясь особенностями своего природного дара?!

Я порылась в памяти.

И что ей, интересно, не понравилось на этот раз? Последние сутки мне было не до ее обожаемых светлых и тем более не до запретных темных – настойчивый муженек заставил меня отложить все планы, так что уже больше суток в универе никто не ходил очарованным или побитым. Об исчезновении чучела врылды^[1] из хранилища она наверняка не знает – мы очень тщательно замели следы. И о пропаже редких зелий тоже никому не известно, иначе по УННУНу опять прошли бы обыски. Ну а если она имеет в виду кладбище и то, что кому-то придется выпрашивать у Города новых покойничков для практики, тут я ни при чем: госпожа Личиана сняла с нас все обвинения.

– Вы позорите свою семью, – продолжала директриса, надеясь меня пристыдить. – И порочите честь нашего славного заведения...

Ой, вот только, пожалуйста, не надо!

Семья от меня давно отказалась – считай, за пять лет ни единой весточки от них не пришло. Даже когда меня исключили из Академии демонов – а скандал тогда поднялся знатный, – маменька не соизволила высказать свое громкое «фи». Что же касается УННУНа, то о чести заведения говорить вообще не приходится. Здесь собралось такое

разношерстное и по большей части темное общество, что часть его было бы не грех и проредить.

– Я разочарована в вас, Хельриана, – тяжело посмотрела на меня госпожа Девелар, вцепившись когтями в поросший густым мхом пень. – К моему великому сожалению, я не имею возможности исключить вас из университета, но и не допущу, чтобы ваши проступки остались без должного наказания. И вы немедленно исправите то, что успели натворить.

Я слегка обеспокоилась.

Так. Эликсиры мы уже использовали – они ушли на очередное дело. И врыдлу тоже не вернуть – ее яд слишком ценен, чтобы позволить ему простаивать просто так. Тем более, раз он не определяется магией. Правда, покупатель расстроился, обнаружив, что ему достались всего восемь когтей вместо десяти, но тут уж ничего не поделаешь: студенты народ любопытный, а врыдла – крайне редкая, почти экзотическая тварь, которая обитает лишь в одном-единственном отдаленном мире.

– Хельриана! – наконец не выдержала моего молчания директриса, и от раздражения у нее на загривке начал раздуваться кожаный капюшон. – Сколько можно молчать? Скажите, что вы хотя бы сожалеете!

– Я сожалею, – послушно ответила я, но почти сразу спохватилась: – А о чем?

– *Вот об этом!* – рявкнула Жаба, и по ее взмаху лианы, сплошь увивающие стены, в одном месте медленно расступились, открывая спрятанное под ними окно, а за ним просторный двор между учебными корпусами, на котором с несчастным видом стояли...

Я широко улыбнулась, рассмотрев два десятка сбившихся в тесный кружок бесов, с отчаянием глядящих на меня снизу вверх. Правда, отойти далеко друг от друга они бы не смогли – какая-то неведомая сила жестоко перекрутила им хвосты, соединив в один запутанный узел, вокруг которого, почти касаясь друг друга мохнатыми задами, и стояли эти неудачники, будучи неспособными передвигаться поодиночке.

При мысли о том, сколько усилий они приложили, чтобы добраться сюда из Города, и как сгорали со стыда, пробираясь пустынными задворками, как дико боялись, что в этой униженной позе, похожие на многоголового мышинового короля, они попадутся на глаза кому-нибудь из студентов... я усмехнулась.

Что ж, моя жуткая мстя удалась на славу. Особенно в отношении Гидеса. Сейчас холеный и самоуверенный главарь представлял собой жалкое зрелище, поскольку с видом побитой моли восседал на узле

из чужих хвостов, боясь не то что шевельнуться, а даже поглубже вдохнуть. Прямой, словно кол проглотил. Напряженный. Сосредоточенный. Этакая кокетливая вишенка на вершине жутковатого торта, который я вчера, припомнив, как обошелся со своими подданными Князь, так удачно «испекла».

Будучи раздраженной, я умышленно вплела хвост главаря на всю длину, так что идти своими ногами он просто не мог. Его костлявый зад безжалостно терся о жесткую кожу чужих хвостов, натирая кровавые мозоли. Если бы бес попытался сменить позу или просто привстать, то неминуемо потерял бы равновесие и упал, повиснув задницей вверх. А потом пустым мешком болтался бы на хвостах товарищей по несчастью, при малейшем движении стучаясь башкой о землю. И безнадежно теряя остатки репутации, от которой после этой ночи и так почти ничего не осталось.

– Распутывайте их! – велела Старая Жаба, открывая еще один портал. – И только попробуйте этого не сделать!

Надо заметить, окно в ее кабинете никогда не бывало открытым. Более того, никто и никогда не видел его снаружи, хотя желающих случайно его разбить в УННУНе имелось немало. Что уж это была за магия, каким образом разжиревшая драконида с такой легкостью навешивала иллюзии и открывала порталы, а главное, как ей удавалось держать над универом непроницаемый купол, не дающий сбежать, никто доподлинно не знал. Вернее, считалось, что это невозможно. Однако госпожа Девелар успешно с этим справлялась и каким-то образом контролировала все, что происходит внутри этих стен. Ну, или почти все.

Нырнув в портал, я под сдавленный вопль ужаса вылетела во двор. Не отказав себе в удовольствии, сделала над бесами пару кругов и только потом приземлилась, с мрачным торжеством рассматривая подавленную нечисть. При виде меня бесы снова взвыли и попытались сбежать, но увы – перепутанные хвосты лишали их свободы маневра, поэтому вскоре передо мной лежала бестолково трепыхающаяся куча мала, из середины которой по-прежнему торчала Гидесова голова.

– Хельриана! Отпустите их сейчас же! – громогласно повторила Жаба, каким-то чудом умудрившись это сделать, не покидая кабинета.

Я кровожадно оглядела съездившуюся нечисть.

– Конечно. Только нож возьму и обрежу хвосты.

Кто-то из бесов грохнулся в обморок, заведя в моих руках небольшой стилет. Кто-то истошно заверещал и яростно задергался, предпочитая оборвать имеющий статусное значение хвост своими усилиями,

чем смотреть, как я пилю его со зверским выражением лица. Гидес так и вовсе окаменел, в ужасе глядя на мою мерзкую ухмылку, но потом все-таки очнулся, посерел и нашел в себе силы прошептать:

– Пощади...

Убедившись, что воспитательный эффект достигнут, я склонилась над вяло трепыхающимися телами и, глядя в глаза главарю, отчеканила:

– Вы сегодня же вернетесь на кладбище и доложите госпоже Личиане, кто, как и зачем наложил на склеп заклинание молчания. Собственноручно уберете все последствия прошедшей ночи и отдраите там все до зеркального блеска. А также найдете способ добыть для уроков пару десятков несвежих тел так, чтобы вас никто не заметил. Только на этих условиях я вас отпущу целыми и здоровыми.

– Согласны! – торопливо выкрикнул Гидес.

Я протянула руку, рывком вытащив из «узла» один хвост, являвшийся ключевым, и под жалобный вой одного из бесов добавила:

– Проваливайте! И упаси вас Создатель еще раз перейти мне дорогу.

На контрольную я, к счастью, успела и даже написала ее, подглядывая в шпаргалку через раз, а не как всегда – списывая подчистую с заныканного под столом учебника. Мадам Тиссот – урожденная орчанка и шаманка с почти тридцатилетним стажем – страшно удивилась, что я уложилась в отведенный срок, но работу, поколебавшись, все-таки приняла. А напоследок одарила меня столь странным взглядом, что я прям почувствовала, как в этой большой, серокожей, некрасивой, но по-своему доброй женщине, давно утратившей надежду обратить меня к свету истины, встрепенулась слабенькая надежда.

Обычно мои контрольные сдавались самыми последними, и по ним можно было сверять точную последовательность расположенных в учебнике абзацев. Совпадение становилось идеальным, если мне было лень там что-то менять, и приобретало вялое разнообразие, если мне хватало времени хотя бы местами привнести в сухой язык учебных пособий некоторую живость.

Конечно, учителя понимали, что происходит, и не раз пытались поймать меня на горячем, но до сих пор ни у кого не получилось – богатый опыт выживания под суровым маменькиным надзором и здесь давал о себе знать, не позволяя мне быть уличенной. Куда прятались мои многочисленные шпаргалки, никто так и не выяснил, хотя однажды меня самым натуральным образом обыскали. Где я беру материал для списывания, тоже никто не догадывался, особенно когда от нас

требовали оставить сумки в коридоре и сажали поодаль друг от друга. Но самое интересное заключалось в том, что, пока писалась работа, я действительно ее понимала и была готова ответить на любой вопрос. Однако, едва выйдя в коридор, напрочь забывала обо всем, что только что написала, и уже на следующее занятие не смогла бы воспроизвести – на такие подвиги моя память, увы, не была рассчитана. Поэтому до следующей контрольной я напоминала чистый лист бумаги, на котором лишь изредка и весьма ненадолго появлялись какие-то буквы.

Целых три года эта порочная практика приносила свои плоды, не давая повода менять отношение к учебе. По большинству предметов при малейшей угрозе завала меня выручал Мартин, впитывающий знания как губка. О предстоящих зачетах частенько успевал предупредить Зырян, а по целительству спасала фанатеющая от него Улька, обладающая редким талантом незаметно и вовремя подсказывать. С экзаменами, конечно, дело обстояло сложнее, там всем нам приходилось напрягаться, но серьезных осечек у меня пока не случалось.

А сегодня я неожиданно изменила своим привычкам. Стойкая бессонница и куча свободного времени вынудили меня пересмотреть приоритеты и хотя бы мельком взглянуть на заданный на дом материал. А все потому, что ночью делать оказалось форменным образом нечего. Покинуть УННУН после отбоя было невозможно, соваться в библиотеку в одиночку – неразумно, а Йержиковскую книгу рядом с безмятежно спящей Улькой я открывать не рискнула, справедливо опасаясь, что чистокровной баньши такое соседство пользы не принесет.

Зато после обеда, предварительно отдав Йержу обещанную сотню золотом, отозвала Мартина в сторону и, отыскав безлюдный класс, отдала ангелу свое сокровище.

– Это очень странная книга, – недоуменно нахмурился ангел, проведя ладонью по корешку и заглянув внутрь. – На Небе свитки и манускрипты обычно не пишутся – для обмена информацией достаточно лишь усилия воли, поэтому другие носители чистокровным не нужны. А эта книга создана вручную. И она не старая – чернила еще пахнут. Но я не могу представить, кому понадобилось создавать такую вещь.

Дожевывая стыренный в столовой бутерброд, я угукнула:

– Мне тоже. Но ты почитай, что там написано!

– «Благословение – это концентрированная благодать, основанная на пожелании кому-либо благих деяний или событий и осуществляемая через объединение мысли, слова и возложения рук. Сильное духовное воздействие, материализуемое через словесно-молитвенную или простую

словесную форму»... Хель, что это?!

– Дальше смотри, – велела я, когда Мартин ошеломленно моргнул.

– Влияние благословения на светлые и темные расы...

Он перелистнул страничку.

– Особенности воздействия на низшую и высшую нечисть... Отличия применения у светлых существ различных уровней... Степени воздействия... классификация... способы призыва... методика наложения рук... – С каждой страницей у ангела все больше и больше округлялись глаза. – Хель, это попросту невозможно!

Я усмехнулась, когда он поднял на меня диковатый взгляд.

– Что такое, Марти? Чем тебе не нравится мой новый учебник по традиционным немагическим воздействиям?

– Откуда ты *это* взяла?!

– У Йержика. А вот где он добыл – не сказал, стервец. Как считаешь, у вас, на Небе, кто-нибудь мог озаботиться обучением подрастающего поколения в такой тривиальной форме?

– Не знаю, – прошептал ангел, в ступоре глядя на книгу. – Испокон веков эти знания принято передавать из уст в уста, от ангелов – к архангелам, от архангелов – престолом, от престолов – серафимам... и то далеко не все!

– Здесь есть что-нибудь, что кажется тебе неправильным или не соответствующим действительности?

– Нет, – растерянно посмотрел на меня ангел. – Все верно. По крайней мере, из того, что мне известно. Но многие вещи я впервые вижу настолько точно сформулированными, а о некоторых и вовсе не догадывался! Кто-то проделал огромную работу, облекая мысли в слова, да еще так, чтобы это было понятно даже нам...

– Это еще что, – довольно протянула я, раскрыв книгу ближе к концу и ткнув пальцем в последние два заголовка. – Как тебе это?

– «Принципы построения мироздания», – обалдело прочел Мартин и в буквальном смысле слова схватился за голову. – «Теория развития миров от сотворения до наших дней»... Хель!

– Что, проникся? – понимающе хмыкнула я. – Сама вчера обалдела, когда увидела.

– Хель, ты понимаешь, что это такое?! Эта книга *бесценна*!

Я широко улыбнулась.

– Значит, цена в сто золотых была вполне оправданной.

– Сколько?! – снова вытаращил глаза бережливый ангел.

– Сотня, Марти. Но, если ты прав, мы скоро отобьем каждый

потраченный золотой.

– Что ты хочешь с ней сделать? – тут же насторожился он.

– Изучить для начала. Даже в нашей библиотеке по благословениям ничего подобного нет. А вот когда мы поймем, как этим правильно пользоваться, будем думать, где это можно применить.

Ангел моментально погрузился.

– Ты же знаешь, мне благословение недоступно...

– Зато оно доступно мне. – Я с силой хлопнула его по плечу, заставив присесть. – Не бойсь, друг! Если я пойму, как усилить свой Свет, не убившись, будь уверен – мы и тебя подтянем. Отцовская кровь – сильная штука. А значит, рано или поздно способность благословлять у тебя откроется. Но даже если и нет, я тебя на нее благословлю. И вот тогда ей точно будет некуда деться.

У Мартина поневоле вырвался судорожный вздох.

– Хель, но я же... я не знаю, как... и вообще, может, оно того не стоит?

– Стоит, Марти. Что за ангел без хорошего благословения? Так что сиди, читай – ты быстрее усваиваешь написанное. Потом будешь пересказывать, что понял, а уж я буду экспериментировать.

– А почему ты сама не хочешь читать?

– В моих руках такую вещь видеть не должны, – хмыкнула я. – А насчет тебя никто не удивится. И идущий из твоей комнаты Свет тоже не вызовет вопросов. Ты ж у нас любознательный, умный и до того жадный до знаний, что даже по ночам читаешь... пока Шмуль по шее не надаёт.

Ангел в сомнении на меня посмотрел.

– Может, нам ее вместе читать? Все равно ты спать не собираешься, а вдвоем так и так веселее. Шмуль пусть прилетает спать к вам, а ты будешь оставаться на ночь со мной. Идет?

Я аж закашлялась, представив, как буду тайком пробираться на мужскую половину, скрестись в окно, воровато озираясь, чтобы никто не увидел. А потом, вместо того чтобы, как порядочная суккуба, заниматься развратом, до утра ковыряться в пыльных книжках, а перед началом занятий так же украдкой пробираться обратно и расталкивать сонного фея, чтобы никто ничего не прознал.

– М-марти...

Демоны Преисподней! Если кто-то узнает, что я ночью у ангела, сраму потом не оберешься!

Но тут Мартин привел очень весомый довод, заставивший меня повременить с отказом.

– Если ты будешь проводить ночи со мной, я всегда смогу тебя

разбудить, если ты уснешь, – сказал он с невероятно озабоченным видом.

Я вздрогнула, подумав о том дне, когда перестанет действовать бессонник, и вздохнула:

– Договорились.

Глава 8

– Ну и что в этой книге такого особенного? – с изрядной долей скепсиса поинтересовался оборотень, когда мы, отсидев положенные пары и дождавшись ночи, отправились в библиотеку. – О многом мы и так уже прекрасно знаем.

– Да, – поддержал Ваську идущий последним оракул. – С методикой воздействия и степенями твоих благословений и без нее разобрались. Опытным, так сказать, путем.

– И про то, что они ослабляют темных, усиливая, наоборот, светлых, тоже давно выяснили, – вставила веское слово семенящая по безлюдному коридору Улька.

Мартин, забавно выглядевший в черном обтягивающем трико, широко улыбнулся:

– Светлых, чтоб вы знали, благословение не усиливает. Оно всего лишь усиливает живущий в них Свет.

Васька фыркнул:

– Разве это не одно и то же?

– Нет. Светлые расы названы светлыми условно, поскольку вместо истинного Света в них тлеет лишь искра – намек на то, что когда-то Свет действительно коснулся их душ. По этой причине благословение проявляется в них лишь улучшением здоровья, удачей в делах или долголетием. А вот если его обратить на истинного носителя Света – тогда да. Эффект усиления налицо.

– С проклятиями всегда все четко, – с чувством сказал летящий впереди всех Шмуть. – Наслал на кого-то – гарантированно напакостил, а у ангелов – сплошная путаница.

– Нет тут никакой путаницы, – покачал головой Мартин, нагоняя фея. – У благословений тоже есть разделение на малое, среднее и полное, именуемое очищением. И у каждого из них – по пять степеней воздействия, хотя до сегодняшнего дня я считал, что их всего три. И вообще, в книге много чего интересного есть. Вот ты, например, когда-нибудь задумывался, почему кто-то может накладывать благословения, а кто-то – нет?

– А что тут думать? – пренебрежительно фыркнул Шмуть. – В ком Света больше, тот и сильнее.

Мартин снова улыбнулся:

– А во мне, как считаешь, Света достаточно?

Фей от неожиданности чуть не перестал махать своими стрекозиными крыльями, а потом оглядел ангела, у которого отчетливо засветились кудряшки в темноте, и задумчиво наморщил лоб.

– Согласен... с тобой непонятно получается.

– А как насчет Хель?

Я вопросительно приподняла брови, когда фей в затруднении обернулся, и хмыкнула, когда он прямо на лету врезался в стену, а затем, схватившись за стремительно набухающую шишку на лбу, простонал:

– Зло в чистом виде – вот что такое Хель!

– Тогда в ней не должно быть Света, правда? – Мартин невозмутимо прошествовал мимо. А затем обернулся и добавил: – А если Свет есть, то кем ее тогда считать: светлой или же темной?

– Не знаю и знать не хочу! – прошипел под смехи остальных Шмуль и, сердито зажужжав, снова умчался вперед.

– Вот и никто не знает, – удовлетворенно кивнул ангел. – А в той книге, возможно, найдется ответ.

Тихонько похихикивая над раздраженным феем, мы добрались до библиотеки и по очереди прокрались внутрь. Охранных заклинаний на входе не было – Старая Жаба не препятствовала нашему стремлению к знаниям, поэтому двери здесь были открыты круглосуточно. Правда, мало кто тратил отведенное на сон время на такое сомнительное удовольствие, да и не всех секций это правило касалось, поэтому мы притихли и дальше уже пробирались на цыпочках.

– Вот теперь осторожно, – прошептал Шмуль, лавируя между стеллажами. – Обычно в такое время тут никого нет, но я лучше посмотрю.

Мы послушно остановились, пока он описывал круги под потолком, и уже свободнее двинулись дальше, когда фей вернулся, отрицательно качнув головой.

Библиотека в УННУНе обширная, старая, богатая и занимает сразу четыре огромных зала, в которых находится столько книг, что мне за всю жизнь не перечитать. Когда-то в их расположении была строгая система, но после того, как какой-то умник испортил управляющее заклинание, никто не утруждал себя систематизацией. Единственное, что позволяло ориентироваться в бумажном хаосе, – это чудом уцелевшие хрустальные шары наподобие тех, что используют гадалки. Всего их четыре – по одному на каждый зал. Подходишь к нему, говоришь название книги или тему, по которой ищешь материал, – и лови потом пикирующие с полок фолианты, которые по закону подлости всегда метят в лоб. Сумеешь поймать свою книгу – идешь, читаешь, а после того как закончишь,

эта мерзавка сама вернется на место. Упустишь какую-нибудь из рук – все, считай, на три дня без материала остался, потому что работающий с перебоями шар, скорее всего, посчитает, что ты ее недостойн.

Словом, лишний раз в библиотеку студенты не заглядывали. А написание каждого реферата считалось изощренным издевательством над учеником. Никто даже не удивлялся, если свою работу студент сдавал, потирая свежий фингал под глазом. Или мазал целебными настоями вздувшуюся на затылке шишку.

Самое печальное, что чинить систему никто не брался – полноценные маги в Мире долго не задерживались, так что с каждым годом библиотека все больше становилась похожа на заполненный хламом чердак.

– Сюда, – шепнул фей, когда мы добрались до середины третьего зала, и юркнул куда-то в сторону. – Между семнадцатым и восемнадцатым стеллажами иллюзия висит – там не стена, а проход. Заходите.

Надо же...

Я остановилась в указанном месте, с удивлением рассматривая глухую, выглядящую абсолютно настоящей стену. Ни трещинки, ни щелочки – сплошной монолит. Даже когда касаешься, кажется, что чувствуешь идущий от нее холод. Впрочем, нет – рука потихоньку проваливается, погружаясь словно в вязкий кисель. Но ни пальцев не разглядеть, ни того, что перед ними.

Брр...

А ведь, если подумать, иллюзия сложная. Сколько раз я тут была за три года? А остальные? Мы что, настолько невнимательны?

– Артефакт для отвода глаз я уже снял, – прошептал прямо из-за «стены» Шмуль. – Хороший был, зараза. Три года мимо него летал – ничего не чувствовал. А на днях у него заряд истощился, вот я и заметил... Да быстрее давайте! Ловушек там нет – я уже посмотрел!

Мы, переглянувшись, после недолгого колебания все же сдвинулись с места и по очереди нырнули прямо в «стену», за которой по привычке сгрудились, словно в ожидании угрозы, и настороженно огляделись.

Ничего особенного, кстати. Обычный пустой коридор, освещенный одним-единственным крохотным фонариком и ограниченный двумя (не пустующими, между прочим) стеллажами, в конце которого виднелась такая же обычная дверь. На этот раз – вроде настоящая, металлическая и покрытая какими-то письменами. Более того, оттуда так отчетливо тянуло чем-то нехорошим, что оборотень ощутимо передернулся, словно от холода, а Мартин категорично заявил:

– Я туда не пойду!

– Тебя и не просят, – закружился над его головой Шмуль. – И Зыряну с Васькой лучше остаться – думаю, внутрь лучше заходить только темным.

– Да уж, – поежился оракул, – что-то мне не по себе.

– Закрытая секция, – пожал плечами фей, подлетая ближе. – Вернее, один из множества тупичков, которые как раз и называются закрытыми. Ну что? Кто со мной?

– Уверен, что ее надо непременно открывать? – с сомнением покосилась на дверь Улька. – Мы же вроде только на разведку сегодня собирались.

– А чего тянуть? Вась, ты что-нибудь чувствуешь?

– Чую, – мрачно отозвался оборотень. – Проблемы я чую... хотя ловушек нет. По крайней мере, явных.

– Насчет проблем соглашусь, – задумчиво пожевал губами Зырян, ненадолго прикрыв глаза. – Ощущение есть такое... поганенькое. Мерзкий такой запахок припрятанного под слоем листьев дерьмеца. Но Хелька правильно сказала: если есть добыча – надо брать. А если нельзя взять, то надо разрушить, чтоб другим не досталось.

– Когда это я такое говорила? – совершенно искренне изумилась я.

– Ну, может, не сказала, а еще скажешь... Не помню, все очень смутно, Хель... – Зрачки оракула неожиданно заволокло мутной пленкой предвидения. – Но ты должна будешь шагнуть навстречу первой. Тогда найдешь ее, если будешь хорошо искать.

Я недоуменно вскинула брови и осторожно уточнила:

– Ее – это кого или что, Зырян? И куда именно я должна пойти?

– А Князь его знает, – совершенно нормальным голосом ответил он, и пленка с его глаз так же быстро исчезла. – Но маменька о тебе не забыла, так что будь готова к неожиданным событиям.

– Чего? – окончательно прибалдела я, но оракул лишь пожал плечами.

– Что увидел, то сказал. А что оно означает – лучше спроси у толкователей.

– Да просто Хель надо войти в эту дверь первой, и тогда все будет нормально, – заявил Шмуль, сиреновой молнией метнувшись в конец коридора. – И если она не испугается это сделать, то найдет книгу, которую давно хотела. По-моему, тут все ясно.

Зырян почесал затылок.

– Ну, может, и так. Попробуем?

Я с сомнением оглядела массивную дверь. Чем-то мне эти письмена знакомы, но не могу понять, где их видела или в какой книжке про них вычитала. Вот эта закорючка вроде напоминает слово «желание» на старо-

демоническом, а вон те две похожи на «умение» и «талант»... Что за бред?

– Давай, Хель! Время идет, – нетерпеливо закружил надо мной Шмуль. – Я туда заходил, и ничего, живой. Или тебе книга не нужна?

Мое беспокойство несколько утихло.

– Хелечка, а может, не надо? – проблеяла отчаянно не любящая рисковать баньши. – Может, потом придем?

– А что от этого изменится? – резонно возразил несколько осмелевший медведь.

– Абсолютно ничего, – подтвердил фей, сверкнув слюдяными крыльями прямо у меня перед носом.

– Ладно, не мельтеши, – поморщилась я, подходя и решительно берясь за ручку. – Сейчас посмотрим, что там есть и почему Зырян говорит, что надо именно мне... Хм, да она вроде не заперта?

Ручка повернулась так легко, что мне даже усилий не пришлось прилагать. А дверь, мне показалось, и вовсе открылась сама по себе, сопроводив сие действие оглушительным скрипом.

Мы с любопытством уставились на клубящуюся внутри кромешную тьму, в которой ни зги не было видно. А потом Шмуль радостно вскрикнул, спикировав на одному ему видимую цель, светящейся точкой влетел в проем и бесследно исчез.

– Стой, дурак! – охнула я, невольно сунувшись следом, чтобы успеть его перехватить. – Шмуль, вернись!

– Хе-эль! – завизжала подбежавшая сзади Улька и, не удержавшись, с разбегу толкнула меня в спину, заставив ласточкой влететь в комнату.

– Без нас не пойдете! – одновременно гаркнули оборотень с Зыряном, метнувшись следом. И только Мартин, скривившись при виде черного проема, из которого то и дело высывались бесплотные черные щупальца, сердито пробормотал:

– Вот так всегда – из-за одного идиота... – А потом сел прямо на пол и, скрестив ноги, тихо добавил: – Я буду ждать вас, Хель. Если что, ты знаешь, как меня позвать.

Какое-то время мне понадобилось, чтобы сориентироваться, где мы, а то ощущения были такими, словно я стою на дне огромного колодца и никак не могу понять, в какую сторону двигаться. С направлением, как ни странно, помогла баньши. Вцепившись в мою куртку мертвой хваткой, она вжалась в меня так, словно боялась потеряться, а потом вдруг заверещала:

– Хеля-а-а! Я бою-у-у-сь!

От ее вопля у меня заложило в ухе, а в голове, и без того тяжелой, что-то пронзительно зазвенело.

– Хель! – не услышав ответа, активно потрясла меня баньши. – Мне страшно! Тут же темнота невозможная! А ты молчишь! Хель! Хелечка-а-а!

– Тьфу на тебя, дуреха, – вдруг презрительно сплюнули откуда-то сверху. – Нет чтобы постоять спокойно и дожидаться, пока свет зажгут, – она опять орать вздумала как резаная.

– Шмуль? – на мгновение умолкнув и прекратив меня трясти, с надеждой прошептала Улька.

– А кто ж еще? – снова фыркнул фей и в качестве доказательства чувствительно толкнул ее в спину. Я это поняла по тому, как баньши толкнула уже меня. А когда она при этом снова оглушительно взвизгнула, мое терпение закончилось.

– Шму-у-уль! Ты живо-ой!

– Хватит орать мне в ухо! – рывкнула я, отдирая от себя чужие пальцы. – Темно, как у демона в... пятке, а вы еще дурью маетесь, ненормальные. Шмуль, прекрати ее пугать! Улька – еще один вопль, и ты окажешься в луже!

– В какой еще луже? – опешила баньши.

– Которую ты напрудил, если сейчас же не уймешься!

Шмуль прыснул, по-хозяйски приземлившись на мое плечо, Улька обиженно засопела, но от куртки все равно не отцепилась. А когда где-то сбоку раздалось подозрительное сопение, не заорала, как обычно, – просто прижалась плотнее и очень-очень тихо прошептала:

– Хелечка, я боюсь...

– Это мы, верезгуха ты трусливая, – проворчал Васька, шумно нюхая воздух. – Зырян, ты со мной?

– Ага, – отозвался из темноты оракул. – За хвост тебя держу, разве не чувствуешь?

– У меня нет хвоста, – машинально откликнулся оборотень. А потом странным голосом добавил: – Я пока еще человек...

Мы напряженно замолчали, постепенно проникаясь смыслом сказанного.

– Тогда кого же я держу? – задумчиво озвучил крутящийся в наших головах вопрос оракул, и мы напряглись еще больше. К сожалению, к хорошим мыслям клубящаяся вокруг тьма не располагала. – Вот сейчас и проверим...

Прежде чем я его остановила, Зырян хекнул, крякнул, будто решил

оторвать чужой хвост с концами. И, видимо, все же дернул, потому что с той стороны тут же раздался подозрительный треск. Затем его сменил удивленный вопль, звучный щелчок... и через мгновение нас ослепил зажегшийся откуда-то сверху яркий свет.

Я невольно зажмурилась, прикрывая лицо рукавом. На моем плече болезненно дернулся и тихо выругался едва не свалившийся Шмуль. Улька поспешно ткнулась лицом в мою спину, бормоча что-то невразумительное. Васька зарычал. И только Зырян остался невозмутимым.

– Во-от оно как... забавненько...

Что уж там показалось ему забавным, я не знала и знать не хотела – пару минут у меня перед глазами плавали разноцветные круги. Но когда я все-таки проморгалась и открыла глаза, то увидела стоящего неподалеку целого и невредимого толстяка, в руке которого болтался оторванный шнур. Вторая его половина убегала куда-то вверх, в темноту, которая, оказывается, не исчезла, а лишь немного сдала позиции. Но чудовищ, что удивительно, поблизости не наблюдалось. Зато прямо над нашими головами сияло какое-то ненормально яркое светило непонятного (потому что не рассмотреть – глаза начинали опять слезиться) происхождения. А в трех шагах впереди стояла каменная подставка, на которой, переливаясь всеми оттенками черного, лежала какая-то книга.

– Я про включатель забыл, – шмыгнул носом очнувшийся Шмуль. – Летал-летал, но так и не нашел... Молодец, Зырян. Плохо только, что не предупредил. Я бы глаза заранее прикрыл. А то больно...

Оракул смутился, увидев наши выразительные лица, а затем, отбросив подальше обрывок шнурка и деловито отряхнув руки, с любопытством уставился на книгу.

– Это оно?

– Угу. – Шмуль наконец взлетел и закружился над подставкой. – Интересная штука, правда?

– Надеюсь, ты ее не трогал? – с подозрением осведомилась я, подходя ближе и присматриваясь к находке.

– Обижаешь! Что я, дурак – хвататься за непонятные артефакты? Пусть Васька пробует, на нем заживает, как на... медведе.

– С чего ты решил, что это артефакт? – снова принялся оборотень.

– С того, что это... А-а, ты же не видишь, – догадался фей, сделав еще круг над книгой. – Хель, а ты?

Я промолчала, но про себя подумала, что Шмуль прав – книга и впрямь не походила на обычную. Магию-то я, как и Василек, видеть не способна, но вот вьющиеся вокруг постамента клубы первородной

Тьмы, будучи демонессой, различить все-таки могу. Более того, уверена, что к магии они отношения не имеют – не то от них ощущение. Бесспорно, что их источником была книга – древняя, судя по всему, и весьма опасная. Не зря моя темная ипостась встрепелась и крайне настороженно присмотрелась к этой вещи.

– Ну? Как вам? – гордо приосанился фей, спустившись к постаменту пониже. – Как я и говорил: «Полное собрание существующих проклятий». Особое издание. Единичный экземпляр, с картинками.

– Какое еще «собрание»? – удивился Васька. – Где ты его увидел? Шмуль, это же «Пособие по полноценному оборотничеству для начинающих».

– Васек, ты чего, ослеп? – вмешался оракул. – Никакой это не справочник! И даже не пособие! А самый настоящий «Учебник по трактовке линий вероятности».

Улька, выбравшись наконец из-за моей спины, неловко кашлянула.

– Ребят, мне кажется, у вас у всех проблемы со зрением. Тут написано: «Как правильно призвать смерть. В помощь молодым баньши». Эта книга словно специально для меня создана! Можно я ее заберу?

Мы оторопело повернулись к маленькой баньши, которая уже целенаправленно двинулась к постаменту, умильно глядя на загадочную книгу. Васька, правда, сразу заподозрил, что тут что-то не то, и ловко перегородил баньши дорогу. А когда Улька упрямо двинулась дальше, еще и цапнул ее за воротник, чтобы глупость не сделала.

Я с беспокойством посмотрела на черную обложку, на которой тут же проступили золотые буквы, сложившиеся в новое заглавие. После чего решительно схватила Ульку за юбку и на пару с Васькой потянула обратно.

– Не трогай, Уль. Не про нас такие подарки.

– Но это же для меня! – воскликнула ничего не понимающая баньши. – Хель, ты что? Мне бы знаешь, как такая книга пригодилась?

– Знаю, – твердо ответила я. – Поэтому трогать мы ее не будем.

– Книга содержит то, в чем каждый из нас нуждается больше всего, – первым догадался Зырян.

– А я не понял, – задумчиво проговорил фей, больше не пытаясь спуститься вниз. – В прошлый раз я один был.

У меня вдруг мелькнула тревожная мысль.

– А ты, случаем, залез сюда не перед тем, как сесть играть с нами в карты?

– Накануне, – кивнул Шмуль. – А что?

Я наморщила лоб. Не потому ли наш нечистокровный фей так

изменился в тот злополучный вечер? И не потому ли в нем внезапно проснулась темная кровь, что он забрел сюда, один, и по неосторожности подошел слишком близко к книге, которая, кстати, все явственнее начала испускать эманации Тьмы?

Не спорю, ее подарки, конечно, бывают щедрыми, но цену она порой запрашивает неподъемную. И не получится ли так, что нам, единожды соблазнившись, расплачиваться потом придется собственной душой?

Обменявшись с Зыряном выразительным взглядом, я скомандовала:

– Ничего не трогаем. Уходим.

– Чур я первый, – пробормотал Васька, отпуская Улькин воротник и торопливо пятась к виднеющемуся неподалеку прямоугольнику выхода. – Что-то мне не по себе стало. Да и книга... кажется, шевелится?

Кинув быстрый взгляд на постамент, я тоже попятилась, не забыв толкнуть к выходу недоумевающую баньши. То, что происходило на постаменте, было неправильным – книга и впрямь стала меняться и словно бы налилась изнутри Тьмой. Каменная подставка под ней явственно затрещала, начав крошиться и рассыпаться прямо у нас на глазах. Свет наверху испуганно замигал, словно советуя поторопиться. А мы... мы уже вприпрыжку мчались к двери, вполголоса матерясь и толкая друг друга в спины.

Напуганный Шмуль вылетел в коридор, как всегда, первым и, не рассчитав сил, врезался в сидящего на полу Марти, отчего дальше они покатались уже вдвоем. За феем, сопя и отдуваясь, из комнаты выметнулся Васька, невесть когда успевший перекинуться в огромного медведя. За ним с некоторым трудом протиснулся Зырян, большими глазами косясь куда-то мне за спину. Потом я, не церемонясь, вытолкнула баньши, которая, как обычно, запуталась в собственных ногах. А когда, шипя сквозь зубы, я вывалилась следом и с беспокойством обернулась, стена задрожала и сморщилась, как огромный беззубый рот. Свет в комнате угас, затрепавшую дверь внезапно всю перекорежило. Кто-то невидимый сердито зашипел, едва не напугав нас до мокрых штанов. Наконец, изнутри дохнуло густым черным облаком, в котором мы на мгновение потерялись и, запутавшись, попадали на пол и друг на друга. А когда пыль рассеялась и осела вниз черным пеплом, на месте двери уже была абсолютно гладкая, без единой трещинки стена. И не осталось ничего, что свидетельствовало бы о том, что там действительно что-то было.

– Ну, Шмуль... – с чувством произнесла я, поднимаясь с пола, куда меня напоследок швырнуло и крепко приложило плечом. – Второй раз за последние два дня ты нас так подставляешь. Убью тебя, гада крылатого!

И только попробуй мне возрази!

Но фей почему-то не ответил. Как упал в конце коридора, так и ползал там на коленках, что-то беззвучно шепча. Его красивые крылья поникли, посыпанная пеплом голова казалась черной, а сам он крутился вокруг лежащего без движения ангела, даже не услышав, что я сказала.

При виде Марти у меня тревожно екнуло сердце.

– Шму-уль...

– Что с ним? – испуганно спросила приподнявшаяся с оборотня Улька. – Ребят, что там с Мартином?

– Не знаю! – в отчаянии вскрикнул фей и повернул к нам абсолютно белое лицо. – Но, видимо, его задело... Хель, мне кажется, он умирает!

При мысли о том, что из-за нас Мартин мог пострадать, у меня потемнело в глазах. Пугающая догадка, пронесшись по телу волной мертвенного холода, заставила вздрогнуть и покрыться испариной. А затем я буквально прыгнула к ничком лежащему ангелу и, отпихнув потерянного фея, подхватила Марти на руки.

На весь УННУН ангел у нас был всего один. Крайне редкий гость среди темных студентов всех мастей и пород. Да, встречались здесь и представители светлых рас, и порой даже чистокровные, но истинный носитель Света, каким-то чудом сосланный в эту обитель мрака, оказался один-единственный. Сколько раз он нас выручал, когда становилось совсем туго! Сколько предостерегал и трепетно заботился, не думая, как нелепо выглядит со стороны! А сколько мы его ругали, учили, злились на его упрямство... и при этом незаметно оберегали этого странного, непонятного, полного диких противоречий чудика!

Потерять его, да еще по глупости, было просто невозможно. Потому что хоть и занудный, упрямый, правильный до тошноты, порой глуповатый и невинный, как дитя, но Мартин был *нашим*. Полноценным членом нашей маленькой, но очень дружной стаи, которая признала его за своего.

Наверное, вырвавшаяся на свободу Тьма оказалась для него слишком сильна, и Мартин просто не выдержал ее прикосновения. Возможно, он подошел чуть ближе, чем надо, услышав наши крики. То скверное облако, что не смогло причинить вреда нам, для безвинного полукровки оказалось смертельно опасным. И теперь он лежал у меня на руках, не шевелясь и даже не дыша. Холодный, помертвевший, неподвижный... а лицо такое безмятежное, что, казалось, ангел просто спит. Вот только веки совсем не трепетали, и даже слабого вздоха не слетало с его побледневших губ.

Стараясь унять бешено колотящееся сердце, я потрясла его,

настойчиво позвала по имени. Торопливо коснулась губами холодного лба, ласково погладила спутавшиеся кудряшки, приложила ухо к груди и на бесконечно долгий миг замерла, не желая верить. После чего разочарованно отпустила его рубаху, с силой прижала к себе и, едва сдерживая слезы, прошептала:

– Марти... ох, Марти... ну как же мы тебя не уберегли?!

На Шмуля стало страшно смотреть. Поникший фей просто рухнул передо мной на колени, даже не думая сдерживать слезы.

– Прости меня, Хель! Я не хотел... я не знал...

Оборотень с оракулом схватились за головы, Улька всхлипнула, а я ничего не сказала – у меня не осталось слов. Хотелось только завывать в голос и выкрикнуть в лицо равнодушному Небу: за что? Почему он? И почему сейчас?

– Хель! Смотри, он светится! – вдруг воскликнула баньши, заставив меня встрепнуться. – У него волосы горят! И кожа!

Я ошеломленно опустила взгляд, но Мартина в этот момент и правда окутало слабое сияние. Всего, целиком, даже руки и лицо, хотя раньше больше чем на кудряшки его просто не хватало. И Свет его не покидал, как обычно случалось. Не гас, едва появившись, как задутая ветром свеча. Напротив, он расходился в стороны едва заметными, почти неопасными для темных волнами, обнимая меня, согревая, и словно о чем-то просил... а может, подсказывал?

– Отойдите! – сердито стерев с лица невесть откуда успевшие взяться мокрые дорожки, скомандовала я, а затем прижала источающего самую настоящую благодать ангела покрепче и прошептала: – Я попробую его вернуть, но это будет нелегко.

Друзья отпрянули к стене, когда меня окутало знакомое слепящее белое сияние. Отвернулись, закрыли глаза и постарались укрыться за широкой медвежьей спиной, где жестокий для темных Свет был для них неопасен. Застывшего в ступоре Шмуля мне пришлось буквально отшвыривать, потому что он напрочь перестал соображать. А затем усилием воли собирать струящийся с ладоней Свет и, скрипя зубами, перенаправлять туда, где в нем так нуждались.

Сколько я просидела, баюкая на руках купающегося в целительном Свете Марти, не знаю. Я потеряла счет времени и уже даже боль перестала чувствовать. Мне было все равно, что со мной будет. Я отчаянно хотела, чтобы наш маленький ангел жил. И пришла в себя лишь тогда, когда моя светлая частица окончательно иссякла, до конца отдав всю себя моему умирающему другу.

Когда я открыла глаза, он все так же недвижимо лежал у меня на руках. Но, к счастью, с его детского лица сошла мертвенная бледность. Он порозовел, снова начал дышать, а на его губах появилась слабая, какая-то всепрощающая улыбка.

– Пошли, – устало сказала я, поднимаясь на ноги и по-прежнему прижимая Марти к груди. – Сколько он будет спать, не знаю, но, надеюсь, моего Света хватит, чтобы он исцелился.

Глава 9

На протяжении всей следующей недели мы ходили пришибленные и потерянные, заставляя недоумевать преподавателей и пугаться учеников. Шмуль окончательно забросил учебу, сутками напролет сидя в их с ангелом комнате, Васька почти перестал перекидываться в человека, рыская по университетскому лесу в поисках редких травок. Улька стала вовсе похожа на привидение, потому что каждую свободную минутку посвящала подготовке экспериментальных лечебных зелий. Мы с Зыряном не вылезали из библиотеки, искали для нее новые рецепты, а Мартин... Мартин по-прежнему спал, безмятежно положив руку под голову и тихонечко светясь благодатью.

За всю неделю он ни разу не проснулся, с каждым днем заставляя нас все больше мрачнеть и сбиваться с ног в поисках лекарства. Осторожные расспросы у преподавателей толку не дали, а рассказать всю правду мы не могли. И дело было не в том, что директриса бы разоралась – это ладно, мы бы пережили, даже если нас все-таки вышибли бы из универа. Но это не помогло бы вернуть Мартина, вот что главное. Зато препарировать его взялись бы с преогромным удовольствием – слишком уж необычным был пациент. А я не хотела, чтобы в нашего ангела тыкали неизвестными заклинаниями. Все, что ему сейчас требовалось, это чистый Свет, а его, как ни крути, могла дать только я.

В итоге я целыми ночами, упившись бессонника до потери соображения и отослав убитого во всех смыслах фея к Ульке, истощала свою светлую половину, отдавая ангелу столько благодати, сколько она могла произвести. Днем мы собирались на ежедневный мозговой штурм и пытались придумать что-то еще. Вечерами разбегались в попытке осуществить чью-нибудь задумку. Потом собирались снова, с надеждой посматривая на спящего Марти. Но время шло, эликсиры не срабатывали, идей становилось все меньше, а ангел как лежал в своей постели, укрытый до подбородка одеялом, так там и оставался, ничем не показывая, что наши усилия возымели какой-то эффект.

Единственным, кого мы рискнули посвятить в нашу проблему, и то далеко не сразу, был Йержик – действительно неплохой целитель, который уже доказал, что умеет хранить чужие тайны. Однако даже он, внимательно осмотрев сладко посапывающего Марти, озадаченно почесал в затылке.

– Все, что я знаю точно, это то, что Мартин не умирает, – изрек он

после недолгого размышления. – Благодать есть, значит, все в порядке.

Я провела пятерней по спутанным волосам.

– Но благодать у него заемная – моя. А что будет, когда она закончится?

– Ты решила поделиться с ним? – проницательно взглянул на меня старшекурсник. – А сама-то как?

Я криво улыбнулась:

– Пока живая.

Йержик сочувственно покивал, а затем снова склонился над ангелом.

– Знаешь, – сказал он спустя некоторое время, – мне кажется, ты напрасно переживаешь. Да, дыхание очень редкое, пульс я почти не прощупываю, но постоянно вырабатываемая благодать – это признак достаточно активных процессов, которые с ним происходят.

– Для него это не опасно?

– Нет, – задумчиво обронил целитель, взяв ангела за руку. – Полагаю, он просто в стазисе... вернее, в его аналоге, который, вероятно, свойственен ангелам. Ты за ним ничего необычного в эти дни не заметила?

Я чуть не фыркнула.

– Он даже не пошевелился! Не ест, не пьет, почти не дышит. Разве что порозовел немного?

– Этого достаточно, – кивнул Йержик, присев у постели на корточки. – Смотри, благодать его окружает одинаково тонким слоем, от макушки до пяток, так? Хотя раньше он мог светиться только изредка и то лишь в районе головы.

– Откуда знаешь? – подозрительно сощурилась я.

Йержик хмыкнул.

– Я по нему курсовую в прошлом году писал, забыла? Марти сам мне об этом рассказал. Ну так вот, поскольку с благодатью у него все в порядке, а все жизненные процессы хоть и замедлились, но не прекратились, думаю, ваш ангел просто созрел для перехода на следующую ступень развития.

Я как стояла, так и села... на стул.

– А он разве может?!

– Ну, полукровок с ангельскими корнями я раньше не видел, – признался Йержик. – Но известно, ангелы тоже развиваются. Просто каждый такой переход требует наличия определенного количества благодати. И как только в ангеле накопится достаточно Света, он переходит на более высокую ступеньку их пернатой иерархии. Мартин в последнее время, случаем, не получал крепенького такого светлого заряда?

Я оторопело воззрилась на приятеля.

– И не единожды.

– Хватит, я думаю, хотя бы трижды – Небо почему-то уважает это число.

Я растеряннo взъерошила только что приглаженные волосы.

Если хорошенько покопаться в памяти, можно с уверенностью сказать, что Марти и правда получал от меня неслабые такие заряды Света. Во-первых, когда я возвращалась из Преисподней, в буквальном смысле вытаскивая себя оттуда за шкуру, затем – на кладбище, когда уродские бесы испоганили Ульке зачет, и, наконец, сейчас. Всю эту кошмарную неделю, когда я не могла отделаться от мысли, что мы безвозвратно потеряем нашего странного друга. Создатель миров! Да я же ночами напролет отдавала ему свою благодать! Каждый день! Вот в этой самой комнате, в которой даже Шмулю теперь не очень комфортно. И ангел покорно все это забирал, впитывая в себя как губка.

– И кем же он теперь станет? – ошарашенно спросила я, глядя на Мартина диковатыми глазами.

Йерж пожал плечами.

– Может, и никем. Скорее всего, просто Света станет излучать больше. Но не исключено, что он вообще не изменится.

Я, поколебавшись, все-таки задала еще один важный вопрос:

– Мне-то как теперь быть? Отдавать еще благодать или лучше не рисковать?

– Хуже не будет, если ты отдашь еще, – отозвался старшекурсник. – Только, чур, когда он в себя придет, ты дашь мне его осмотреть. Очень уж интересно знать, что из этого получится.

– Опыты ставить не позволю, – машинально откликнулась я, напряженно при этом размышляя. – А смотреть – пожалуйста, при условии, что Мартин не будет против.

– Договорились, – повеселел Йержик и засоби́рался к себе. Правда, у самой двери он все-таки обернулся и добавил: – Тебе тоже пора отдохнуть. Бессонник наверняка уже выдыхается.

Я с мрачным видом отвернулась. Не признаваться же, что в последние два дня не просто с ног валюсь, но и количество капель увеличила в два раза? Да и усталость накопилась жуткая, хотя я регулярно пила Улькины тонизирующие зелья. Правда, к мензуркам с лечебными йержиковскими смесями, которые он отдал в срок, притрагиваться не рискнула – я, хоть и троечница, все же помнила, что наилучшим образом организм восстанавливается во сне. А поскольку все лечебные зелья в той или иной степени имели снотворный эффект... Словом, я не была готова к новой

встрече с мужем. Но и альтернативы бессоннику тоже не придумала, потому что все мое свободное время занимал Мартин. Неудивительно, что к настоящему моменту я представляла собой довольно жалкое зрелище и не могла не признать, что прогнозы целителя верны: скоро мне все-таки придется уснуть. А вот проснулись ли я после этого, кто знает?

– Есть еще один неплохой способ бороться со сном, – неожиданно сообщил старшекурсник, уже подойдя к двери. – Для суккубы – наиболее подходящий.

– Да? – с вялым интересом спросила я. – Какой?

– Качественный секс, – гадко ухмыльнулся Йерж и ловко увернулся, когда я швырнула в него подушкой.

– Пошел ты телепортом, придурок!

– Я же только предложил, – рассмеялся этот гад, вовремя юркнув за дверь и крикнув уже оттуда: – А вообще, ты подумай! Для тебя это реальная возможность восстановиться!

Я с грохотом захлопнула дверь и зарычала.

Идиот! Нашел, чем шутить! В последний раз, когда я слышала что-то подобное, меня приковали цепями в холодном подвале и отдали в полное распоряжение двум похотливым инкубам, которые должны были воплотить очередную маменькину задумку. И они воплотили... уроды. Так воплотили, что, когда я пришла в себя на изгрызенном собственными зубами ложе, то по доброй воле призвала светлую ипостась. А моя темная половина, хоть и кривилась от боли, при этом злорадно хохотала, глядя, как весело сгорают в очищающем огне лучшие маменькины учителя.

– Ненавижу! – прошипела я, непроизвольно выпуская клыки. – Ненавижу тварей!

– Хель, ты чего рычишь? – раздался откуда-то сзади удивленный голос. – Кто тебя обидел?

Я вздрогнула и быстро обернулась.

– Марти...

Он сидел на постели, свесив босые ноги, и удивленно таращил на меня большие голубые глаза. Растрепанный, он все еще слегка светился, но быстро терял окружающий его Свет, в котором больше не было нужды. Осунувшийся, слегка побледневший, немного сонный... но живой!

Я сама не поняла, как оказалась рядом и когда успела подхватить его на руки. Но не смогла сдержать счастливой улыбки, когда по комнате хрустальными колокольчиками разлетелся его задорный смех. Прижав нашего ангела к груди до жалобного всхлипа, я звонко чмокнула по-детски пухлую щеку и прошептала:

– Мартин, как же ты нас напугал!

– Я сам себя напугал, – гордо ответил ангел, когда я поставила его обратно на пол. – А еще... Хель, ты не поверишь, но у меня появились крылья!

Еще через два дня, с трудом дождавшись выходных, мы отправились в Город и на целый вечер сняли трактир, собираясь отпраздновать воскрешение Марти. Улька надела свое лучшее платье, черное, как обычно, но с белым воротничком. Шмуль по такому случаю стащил у леших полбочонка мухоморовки, Васька принарядился, и даже Зырян, обычно не терпящий пьянства, с чувством приложился к трофейному напитку.

– За возвращение Мартина! – прогудел он под одобрительные возгласы с соседних столиков. Чего уж греха таить – на радостях фей пригласил на вечеринку всех, с кем не был на ножах. Таких, как ни удивительно, нашлось немало, поэтому трактир наводнили кокетливые нимфы, любвеобильные сатиры, парочка леших, целая стайка чистокровных феек, с которыми наш крылатый друг откровенно заигрывал, а также несколько оборотней различных родов и даже однокурсник-вампир, который, впрочем, постарался отсесть от меня подальше.

Оно и понятно, однажды паренек попробовал меня склеить, но, оказавшись чересчур настойчивым, получил по самому уязвимому месту кочергой. Смертельного урона ему это не нанесло, вампиры – твари живучие, но ближе нескольких шагов неудачливый ловелас ко мне больше не приближался. И теперь лишь настороженно посверкивал из угла алыми глазами и неторопливо цедил из стакана кровь, которая у дядюшки Гринго – владельца трактира – каким-то чудом завалилась.

Впрочем, медведеподобный хозяин уже привык, что в УННУНе хватает представителей самых разных рас, и поэтому в его закромах имелось все, что могло понадобиться вечно голодным студентам. Включая березовый сок, свежую кровь и даже обычную кашу, которую по выходным и я уплетала с удовольствием.

– За Мартина! – поддержал очередную здравицу Шмуль и взмыл под самый потолок, едва не расплескав мухоморовку. – Добро пожаловать, мой пернатый друг, в общество крылатых мерзавцев!

Ангел, и без того смущенный избыточным вниманием, покраснел как рак и попытался спрятаться под стол. Но успевший набраться фей, которому уже было море по колено, заставил его подняться и в сотый, наверное, раз продемонстрировать свое новое приобретение.

Вообще-то крылышки были фиговенькие – маленькие, серенькие,

лишенные свойственной чистокровным ангелам ослепительной белизны, – словом, младенческие, какие бывают у пернатых сразу после рождения и меняются по достижении трехлетнего возраста. Но Мартин-то был полукровкой, поэтому невзрачные комочки перьев, больше похожие на детский пушок, появились у него очень поздно. Держать его вес не могли, постоянно мешались, да и требовали замены всей мартиновской одежды... но ангел был счастлив. И, смущаясь до красноты, неловко демонстрировал свои детские перышки, даже не представляя, сколько Света на них ушло.

Положив подбородок на скрещенные руки, я безмятежно смотрела на огонь, стараясь не слышать восторженного рева и не обращать внимания на сыплющиеся со всех сторон тосты. Мне было хорошо. Выпитая мухоморовка уже ударила по мозгам, но, вопреки ожиданиям, сегодня мне хотелось не шумной вечеринки, а какого-то домашнего уюта, тишины, мягкой перины под боком...

– Засыпаешь? – вкрадчиво поинтересовался откуда-то сбоку незаметно подобравшийся Йержик. – И правильно, подруга, тебе уже давно пора баиньки, а то по общаге ходят слухи, что ты спуталась с вампиром и теперь не только не спишь по ночам, но и питаешься кровью бедных студентов.

– Отстань, – зевнула я. – Радуйся лучше, что твой бессонник проработал на двое суток дольше, да и сейчас еще... уа-у-у... не до конца выветрился.

Целитель хмыкнул.

– Это же сколько ты его за это время выпила?

– Сколько влезло, – охотно призналась я, не поднимая головы.

– Вот дурочка! Если ты сейчас уснешь, проснешься только послезавтра.

Я зевнула в третий раз.

– А мне все равно. Марти живой, бесам я отомстила, зачет по ведьмовству все-таки сдала...

– Когда ты успела?

– О-ох, – снова душераздирающе зевнула я. – Надо же мне было ночами чем-то заниматься? Вот и выучила, на радость нашей Веде. И даже четверку получила, первую за три года. Здорово, да?

– Хоть в чем-то бессонник пошел тебе на пользу, – рассмеялся Йерж, хлопнув меня по обнаженному плечу. – И платье на тебе сегодня потрясающее.

Я только отмахнулась. Платье как платье – короткое, открытое, весьма смелое и обтягивающее так, что видно даже то, что не стоило бы

показывать. Но суккубы иных не носят. А у меня сегодня к тому же праздник – планирую второе свидание с собственным мужем, потому что бессонник действительно закончился. Так же, как и моя выдержка, кстати. Причем готовилась я к встрече долго и старательно, большими глотками прихлебывая краденую мухоморовку и целеустремленно напиваясь в хлам. Надеюсь, вырубит меня так качественно, что даже Князь Тьмы не добудится. В крайнем случае Мартина вызову – минут так на пять, – но потом, разумеется, снова усну, потому что просто не могу больше, так что мухоморовка все же надежнее.

– Иди, развлекайся, – оттолкнула я руку целителя. – Вон на тебя сразу три нимфы засматриваются, так что, если поторопишься, будет тебе подруга на ночь.

– Да ну их, приставучие как банный лист, – проворчал Йерж, не торопясь уходить. – А у меня зачет завтра.

– Завтра же выходной!

– А я упросил нашу змею его перенести. Отчитаюсь ей по нейтральным расам, а на той седмице сразу три выходных возьму. Мне в Городе дела кое-какие доделать надо, а они времени требуют. Васька, кстати, травы, что я заказывал, добыл?

Я лениво глотнула мухоморовки.

– Утром тебе отдаст, если вспомнит, конечно. И Шмуль еще пару мензурок присовокупит, сдай их за полцены. Все равно они почти просрочены.

Наш главный сбытчик краденого наострил уши.

– Уж не те ли это мензурки, что намедни потеряла дражайшая госпожа Травиль?

– Да ты что? – ухмыльнулась я. – Шмуль на улице нашел. Случайно. Летал себе, понимаешь, туда-сюда... сюда-туда... Он у нас такой любознательный! А потом вдруг – раз! – и нашел в траве редкие зелья с интересными эффектами.

– И правда. И о чем я говорю? – сокрушенно покивал Йерж. – Он у вас такой молодец, что ни день, то что-нибудь находит.

– Понимаешь процесс, – хрипло рассмеялась я.

– Ладно, пойду, – поднялся наконец парень. – За ангела вашего рад, но мне еще готовиться. Удачи тебе.

Я подняла на него удивленный взгляд.

– С кем?

– С духом сна, конечно, – хмыкнул целитель. – И учти, если ты его не одолеешь, я вновь начну верить, что в этом Мире невозможны чудеса.

Я только отмахнулась и с чувством приложила к стакану.

Как же, с моим муженьком вряд ли можно договориться нормально. Если бы я его не перехитрила, он бы не женился, если бы не женился, я бы не сбежала. Если бы не сбежала, он бы не разозлился, и мы не начали обсуждать этот вопрос в горизонтальном положении... так в итоге ничего и не сделав.

И какого только демона меня потянуло спорить с феем?

С тоской поглядев на дно опустевшего стакана, я снова уставилась на огонь.

Безусловно, все мои теперешние проблемы – результат моих же дурацких действий. Уступила бы Князю сразу, он бы уgomонился. А теперь леший знает, что он там себе за эту неделю надумал. Может, костер на месте кровати уже разжег? И ждет меня с распростертыми объятиями, надеясь сполна потешить уязвленное самолюбие?

А с другой стороны, куда мне было деваться? И так по самой кромочке прошлась. Еще бы чуть-чуть, и никто не вернул бы меня из пропасти. Не знаю, как жить буду дальше, но маменьке, пожалуй, спасибо придется сказать. Не зря ее помощницы кнутами мне спину секли и пятки углем прижигали. И инкубы те уродские тоже были не зря. Иначе потеряла бы я голову окончательно. И властвовал бы над моими желаниями Князь до самой моей смерти, заставляя разрываться между болью и наслаждением, ненавистью и страстью, желанием покориться и стремлением летать.

Я тихо вздохнула.

Прости, мама, что не верила твоим словам. Спасибо за то, что ты была со мной так сурова. Утратить волю и проиграть саму себя для нас смерти подобно, а ты меня от этого уберегла. Ведь ты с детства готовила своих дочерей именно к такому бою – яростному, жестокому, на пределе сил, когда ставкой в игре становится не жизнь, а нечто гораздо большее. Бою, который может случиться у каждой суккубы. И который не каждая способна выиграть.

Наверное, в нашем мире иначе нельзя, ведь проигрыш в Преисподней – это смерть. Но я выиграла этот страшный бой, мама. Сберегла свою душу. И только теперь смогла по достоинству оценить твои старания...

В какой момент моя гудящая голова окончательно склонилась к столу, а из ослабевшей руки выпал пустой стакан, я уже не запомнила. Собственно, я практически ничего не помнила, кроме того, как впотьмах пробиравась мимо шатающихся, как в сильный шторм, стен. Пару раз едва

не падала, помогая себе вялыми крыльями, судорожно за что-то хваталась, чтобы сохранить равновесие, что-то вроде даже порвала, затем раздраженно фырчала, сбрасывая с себя в темноте мешающую одежду, и со счастливой улыбкой смотрела на большую кровать, которая только меня, кажется, и дожидалась.

Я также помню, как, обняв восхитительно мягкую подушку, я с облегчением уткнулась носом в прохладный шелк и, накрывшись крыльями вместо одеяла, блаженно закрыла глаза. А когда кто-то требовательно дернул меня за руку, сперва лягнулась, а потом жалобно простонала:

– Мартин, уйди, а? Дай бедной девушке выспаться!

И только ощутив, как растерянно разжимаются чужие пальцы, смогла крепко уснуть, напоследок с чувством пробормотав:

– Спасибо.

Глава 10

– Хельриана Арей Нор Валлара! – Бешеный вопль раздался над моей головой, как всегда, неожиданно. – В кабинет к директору! Живо!

– О-о-о... – жалобно просипела Улька с верхнего яруса. – Хе-э-эль... Что ей от тебя надо в выходно-ой?

– Понятия не имею, – так же жалобно простонала я, открывая глаза и сиюсь вспомнить, что вообще вчера было. – У-у-у, как же башка боли-ит! Уль, у тебя еще лечебные зелья остались?

– На столе посмотри... или в сумке... Ох, грехи мои тяжкие, что ж я вчера так напилась?

– Зачем *мы* так напились, если знали, что будет плохо?

Я со стоном сползла с кровати, придерживая раскалывающуюся голову, на карачках доползла до стола и открыла брошенную на пол сумку. В глазах все двоилось, в ушах шумело, во рту поселился мерзопакостный привкус, от которого к горлу то и дело подкатывала тошнота. Спустя какое-то время я нащупала пузатую склянку с розовой жидкостью и, вытащив дрожащими руками пробку, махом в себя опрокинула.

– Да-а-й, – простонала мучимая похмельем баньши. – Хель, кинь и мне, а то я сама не дойду-у...

Пришлось, шатаясь, вставать и тащиться обратно, вручая страдающей подруге второй пузырек, а затем плестись в душевую – смывать с себя тяжкие последствия вчерашней пьянки.

Кто нас сюда вернул, догадаться не трудно – на оракула алкоголь практически не действовал, потому-то он и не любил гулянки. Тяжко быть трезвому среди пьяных дураков, но он мужественно дождался окончания банкета, нанял экипаж и растащил нас, больных, по комнатам, забросив на кровати, как мешки с зерном. Впрочем, может, ему Васька помогал – оборотень легче переносил высокоградусные возлияния, да еще и Марти мог подсобить, избавив друга от опьянения. В такие моменты я очень жалела, что мы с баньши темные – лечение ангела на нас, к сожалению, не действовало.

Мне пришлось почти полчаса простоять под холодной водой, пока Улькино зелье не начало наконец действовать, а потом нехотя выбираться из душа, заслышав громогласное:

– Хельриана Арей Нор Валлара! Долго мне вас еще ждать?!

«А на телепорт она на этот раз не разорилась, – мстительно подумала

я, влезая в юбку с провокационно длинными разрезами. – Значит, не так уж и срочно я ей понадобилась. Подождешь, Жабонька, пока я оденусь и доплечусь до тебя, не особенно при этом торопясь».

Улька, высосав зелье до капли, даже не шелохнулась, когда я открыла дверь. Счастливая. Наверняка снова уснула, чтобы через часок-другой проснуться в полном порядке. А мне пришлось по улице тащиться в главный корпус, щуриться от бьющего прямо в глаза яркого света, морщиться от громкого птичьего пения и строить кровожадные планы, как я однажды изведу всю эту гадкую живность, благословив ее... ну, скажем, на самоубиение в особо жестокой форме.

– Хельриана! – в третий раз взревела госпожа директриса, когда я уже поднималась по лестнице.

Я простонала.

– Да иду я уже... иду!

И начальство, словно услышав, перестало мучить мою больную голову громкими воплями. А когда я доплелась до нужного кабинета, заметно сбавило тон:

– Садитесь.

Я удивилась, но виду не подала. Предложение присесть в устах Старой Жабы звучит как приглашение на королевский бал. Сроду от нее такого было не дожидаться. Никак случилось чего?

Не забыв снять ботинки, я босиком прошлепала по зеленой травке и под сверлящим взглядом директрисы опустилась на выросший прямо у меня на глазах пенёк. Удобный, кстати. Лучше, чем многие кресла. А выставший его мягкий мох по уровню комфорта ничуть не уступал бархатной подушке.

Итак, что госпоже Девелар от меня понадобилось?

– Почему я только сегодня узнаю, что в вашей группе произошли изменения, Хельриана? – тихо прошипела директриса. – Почему мне никто не доложил о взрослении вашего ангела?

Я подняла на драконицу изумленный взгляд.

– А у нас разве шпионы появились? Кто вам должен был докладывать?

– Вы! – потеряв терпение, рявкнула Жаба. – Как староста группы вы отвечаете за одnogруппников! И вы должны были поставить меня в известность о том, что ангел оуклился!

– О... – прониклась я. – Значит, вот как это называется?

– Хельриана!

Я изобразила максимально возможное внимание.

– Да, госпожа Девелар?

Ящерица долго изучала мое невинное лицо, а потом обреченно махнула лапой.

– Я уже сожалею о том, что позволила вашей группе некоторые... вольности. И еще больше сожалею, что староста именно вы. На мой взгляд, Зыроаренок на эту должность подошел бы лучше.

– Все в ваших руках... то есть лапах, госпожа Девелар, – ощерилась я. – К тому же, если вы забыли, я – не староста. У меня даже значка соответствующего нет.

В качестве доказательства я ткнула пальцем, указывая на свою куртку, на отвороте которой действительно не имелось знаков различий, а следовательно, никаких обязанностей, положенных старосте, я не должна была и не собиралась исполнять.

На морде Старой Жабы появилось странное выражение.

– Как нет?

– Вот так, – пожала плечами я. – Когда происходило формирование групп и выбор старост, наша группа как раз сидела в подвале. А потом никто про это не вспомнил.

Да. В самый первый день, когда мы еще только стояли в очереди на зачисление в универ, Шмуть от скуки решил повздорить с Васькой, чтобы спровоцировать того на оборот. Оборотень не смог, потому что не умел. Разозлился из-за этого, естественно. Каким-то чудом поймал вредного фея и повредил ему крыло, отчего перед административным корпусом завязалась настоящая драка с криками, воплями и ущербом для драгоценного газона директрисы. Добросердечный ангел попробовал разнять драчунов, так его чуть не пришибли. Он в ответ кого-то укусил. Потом они возились уже втроем. Перепачкались – страх. Надавали друг другу тумачков. Сбили с ног стоящего поодаль Зыряна, заставив его выронить булочку. Едва не задавили Ульку, которая тут же подняла страшный визг. А мне, как самой умной, приспичило их разнимать. Разняла, на свою голову. Потом три дня в канализационной трубе вшестером отдыхали. Но зато сдружились так, что и теперь не разлей вода.

Жаба нервно забарабанила пальцами по своему столу-пню.

– И вы только сегодня мне об этом говорите?

– А что, я должна была на что-то напрашиваться?

Директриса резко взмахнула лапой, и с ее когтя сорвался крохотный светящийся шарик, намертво прилепившийся к моей куртке и расцветший там каким-то дурацким цветочком.

– С сегодняшнего дня вы официально назначены старостой группы номер шестьдесят шесть третьего курса Университета нетрадиционных

наук и уникальных нововведений, – нудным голосом сообщила госпожа Девелар. – Теперь вы несете ответственность за действия своих одноклассников и отвечаете за последствия...

Ха-ха. Можно подумать, раньше было не так!

– Также с сегодняшнего дня вам в обязанности вменяется докладывать обо всех нестандартных ситуациях, происходящих внутри вашей группы, о проблемах успеваемости, открытии неожиданных способностей и иных событиях, требующих моего пристального внимания. Вам понятно, Хельриана?

Я кисло улыбнулась.

– Более чем.

– Тогда я должна задать вам еще один вопрос... – У Старой Жабы как-то нехорошо сузились глаза, превратившись в щелочки. – Несколько дней тому назад на территории библиотеки произошло чрезвычайное происшествие.

Оба-на... Что-то позновато она об этом вспомнила. Больше недели ведь прошло. Я думала, раз не прошла волна репрессий, то никто не заметил.

– Вам что-нибудь об этом известно, Хельриана? – Взгляд директрисы стал совсем нехорошим.

Я подумала и честно ответила:

– Понятия не имею, что вы имеете в виду.

– Хотите сказать, вы в этом не участвовали?

– Я? Одна? – Изумлению на моем лице позавидовала бы даже баньши. – Да что вы? Как вы могли так плохо обо мне подумать?!

Конечно. Одна бы я туда не сунулась.

Старая Жаба несколько секунд буравила меня подозрительным взглядом, но потом устало отвернулась.

– Это все, что я хотела от вас узнать, Хельриана. Можете идти.

Я с достоинством поднялась, дошла до двери, с самым невозмутимым видом обулась, а потом все-таки решила поинтересоваться:

– Прошу прощение за любопытство, мадам... а что произошло в библиотеке?

– В одну из закрытых секций кто-то проник.

– Да что вы говорите! Что-нибудь пропало?

Директриса чуть сдвинула брови.

– Насколько я могу судить, нет.

– Тогда, наверное, нет смысла волноваться? – совершенно искренне предположила я, мысленно вознеся хвалу все пернатое, о которых

слышала и знала. Никогда больше в жизни не буду верить Шмулю на слово! А к старым артефактам с аурой Тьмы и близко не подойду. Хватит с меня приключений! А что было бы, если бы Улька сумела цапнуть с постамента книгу?

Старая Жаба снова посмотрела на меня так, будто хотела увидеть насквозь.

– Дело в том, юная леди, что артефакт, который находится в этой секции, украсть невозможно. Однако, по моим сведениям, какой-то студент... или группа студентов, осмелившихся нарушить наши правила, сумели заполучить в свои руки некие знания, которыми им не положено владеть по определению.

Ее голос снова упал до полного справедливого подозрения шипения:

– Вы ш-што-нибудь об этом знаете, Хельриана?

Я настойчиво покопалась в памяти, пытаюсь понять, как, и главное, когда могла стать обладательницей редких или опасных знаний, но ничего нового там не обнаружила и разочарованно вздохнула.

– Боюсь, что нет.

– Ступайте, – устало отвернулась от меня директриса, смежив кожистые веки. – Я вас больше не задерживаю.

– Ничего себе! – воскликнул Васька, когда мы расположились на лужайке на границе университетского леса и приступили к завтраку. – Выходит, мы могли урвать оттуда какие-то уникальные сведения? Вот так просто? Всего лишь прикоснувшись к книге?

– Жаль, что она пропала, – уныло протянул фей, но, перехватив мой угрожающий взгляд, поспешил добавить: – Ну и демоны с ней. Я в другом месте раздобуду, что хотел.

– Зачем тебе знания о проклятиях? – удивилась Улька, ловко перехватывая у оборотня бутерброд.

Васька недовольно заворчал, а Шмуль тут же нахохлился.

– Не твое дело.

– А мне кажется, мое, – совершенно спокойно заметила баньши, сосредоточенно жуя. – Из-за твоего интереса Хельке пришлось выйти замуж, Мартин едва не погиб, а мы чуть не попали под действие какого-то дурацкого артефакта. По-моему, мы имеем право знать, почему ты так настойчиво ищешь сведения по этой теме.

– Фмуль, – удивленно обернулся оракул, забыв о зажатой в зубах котлете. – Тебе фто, и пвавда нувны шведения о пвоклятиях?

– Правда, – хмуро откликнулся фей, отвернувшись.

Мы переглянулись.

– И зачем?

Шмуль насупился еще больше, но потом посмотрел на Мартина, увлеченно читающего книгу о благословениях, и вздохнул.

– Мой род проклят. Уже давно. Кто-то из предков разозлил заклинательницу, и у нас почти перестали рождаться чистокровные светлые. Сами знаете, в любой семье так или иначе присутствует посторонняя кровь. Особенно если родственники так любвеобильны, как мои, и этим мало в чем уступают суккубам. Но если для кого-то другого риски минимальные, и, к примеру, согрешившая с человеком эльфийка имеет высокие шансы родить такого же, как она, светлого или хотя бы нейтрального полукровка, то у нас любая примесь тут же вылезает наружу. Во мне вон демоническая кровь проснулась, хотя никто не смог мне сказать, откуда она вообще взялась в нашем роду.

– Ты поэтому хотел, чтобы Хелька тебя благословила! – догадалась баньши.

Фей кинул в мою сторону виноватый взгляд.

– Я подумал, что благословение уничтожит мою темную ипостась. А светлая не пострадает.

– Дурак, – спокойно констатировала я. – Марти, что по этому поводу в книге написано?

– Уничтожить одну ипостась у полукровок невозможно, – не отвлекаясь от чтения, сообщил ангел. – Убиваешь одну, умирает и другая. Это факт.

Улька чуть не выронила изо рта надкусанный бутерброд.

– То есть если бы Хель его благословила...

– Он бы сдох, – кивнула я. – Я ему так и сказала. Но кто бы мне тогда поверил, а?

Шмуль помрачнел.

– Тогда мне казалось, что это хорошая идея. Твои благословения действуют очень выборочно.

– И снова неправда. – Мартин, вслепую нашарив плюшку, задумчиво ее надкусил. Однако от книги так и не оторвался. – В действительности Хель не может накладывать на вас с Улькой полноценные благословения, поэтому делает это не напрямую. Например, благословляет расческу, чтобы Улька быстрее расчесывалась и не вопила поутру, что полшевелюры на ней оставляет, или мыло, чтоб у кого-то шерсть не курчавилась после мытья...

Баньши густо покраснела, торопливо спрятав глаза, а Зырян поперхнулся.

– Когда ты успела, Хель?

Вот теперь насупилась я.

– С чего-то же надо было начинать?

– А разве меня нельзя было благословлять? – заволновался Васька. – Я же вроде нейтральный!

– Можно. Только аккуратно и малыми дозами, потому что мой дар еще не до конца изучен. Вот я и действовала по чуть-чуть, пока мы не установили точно, что для тебя и Зыряна это безопасно.

– Хель! – возмущенно вскинулся Васька.

– К тому моменту, когда дело дошло до блох, мы это уже доподлинно выяснили, – очаровательно улыбнулась я.

– Это называется не прямое направленное благословение, – наставительно перебил Ваську ангел, дожевывая свой кусок. – А есть еще и прямое направленное, это она проделала на днях со мной. И с собой, когда сбегала из Преисподней. Но если бы она точно так же воздействовала на Шмуля, то его темной ипостаси пришлось бы несладко. А если бы Хель при этом неправильно дозировала силу, фея мы могли потерять насовсем.

Друзья окинули меня задумчивыми взглядами – таких подробностей они не знали.

– А не прямое ненаправленное благословение бывает? – поинтересовалась баньши.

– Конечно. Это когда благословение бросается по принципу «на кого Создатель пошлет». Кому-то в чем-то повезет, быть может, даже всем, но понемногу. Совсем по капельке. И, скорее всего, этого даже не заметят, потому что у Хель пока слабый дар.

– Да уж, слабый... блохи-то вон сбежали! – недовольно буркнул оборотень.

– Могу вернуть, – тут же предложила я, и он недовольно умолк.

– Это потому, что Хелькин дар еще продолжает развиваться, – невозмутимо продолжал ангел, поднимая голову от книги. – А если учесть, сколько дней она непрерывно пребывала в Свете, когда отдавала мне благодать, думаю, при желании осилит и направленное среднее благословение.

Взгляды в мою сторону стали не только задумчивыми, но и оценивающими.

– Наконец, если учесть, что у Хель периодически бывают спонтанные выбросы силы, как в свое время произошло с лесом, который три года назад был лишь группой чахлых кустиков и парой засохших деревьев... – Мартин звучно откусил очередной кусок и в полной тишине перевернул

страницу. – Можно сказать, что наша суккуба – серьезная угроза для чистокровного темного. И когда и чем она полыхнет, если очень захочет, – я, например, понятия не имею.

– Вот поэтому мне и запрещено трогать темных, – фыркнула я, раздраженно ухватив еще один бутерброд. – А вообще, Марти, хватит народ стращать. До полноценного очищения я все равно никогда не дорасту, а ты уже нервы всем взбудоражил. Что ты еще интересного нашел?

Мартин проглотил очередной кусок и задумчиво пошевелил крыльями.

– Такого, чтобы уж совсем интересного – ничего. Но тут есть один любопытный момент... Раньше я, как и ты, считал, что благословение – это как проклятие, только наоборот. И чем больше благодати в него вложишь, тем сильнее будет эффект. А здесь говорится, что количество благодати существенной роли не играет, потому что эффект зависит от искренности благословляющего и степени выраженности проблем благословляемого.

Я ненадолго подвисла.

– Мм... хочешь сказать, если у меня благословение в принципе слабенькое, но при этом я очень захочу кому-то помочь, то эффект будет таким же, как у архангела?

– Именно. Это как лавину с гор спустить – много ума не нужно.

– А почему с проклятиями не так? – удивился немного успокоившийся оборотень.

– Потому что наложение проклятий – качественно иное умение, требующее серьезных знаний, врожденного таланта и очень точных расчетов. Более того, при малейшей ошибке проклятие способно зацепить проклинателя. И, если благословение вреда не причинит...

– Я слышал, что есть проклятия, которые, наоборот, усиливают темных, – возразил Зырян, и я очень внимательно на него посмотрела.

– Ты прав.

– Ты же говорила, что они ослабляют нас обратно пропорционально уровню силы! – воскликнул Шмуль, обеспокоенно дернув крыльями.

– Так и есть. Но в истории были случаи, когда именно проклятие позволяло темному возвыситься. Об этом много где писали, еще больше обсуждали, пытались даже повторить, но мало кто знает, почему это стало возможным. Доподлинно известно, что далеко не любое проклятие на это способно, иначе демоны напроклинали бы себя до такой степени, что давно подмяли все миры. Да и проклятийники такого уровня рождаются очень редко. Но если кто-нибудь из темных найдет себе такого...

– Будет беда, – хмуро кивнул ангел, бросив на меня такой же внимательный взгляд, что и я на Зыряна недавно. – На наше счастье, подобное случалось всего несколько раз. И я очень надеюсь, что в ближайшее время такие проклятийники не родятся.

– Аналогично, – кивнула я. – В учебниках по этой теме ничего не пишут, но я однажды по малолетству стянула у маменьки одну любопытную книжку. Там и подсмотрела.

Мартин понимающе хмыкнул.

– А я от наставника узнал. И у него же выяснил, что при всем при том законы Преисподней намного более упорядоченны, чем на Небесах, и только там всегда работает закон положительной прямой связи, когда сила проклятия напрямую зависит от силы проклинающего. Именно поэтому, кстати, любое проклятие можно спрогнозировать и точно рассчитать.

Оборотень от таких тонкостей озадаченно крикнул, а Улька изумленно моргнула.

– Хель, а почему Кобре ты об этом не говорила?

– А зачем? – резонно возразила я. – Если она знает, то все равно никому не скажет. А если нет... Думаешь, нашему Марти нужно повышенное внимание?

Оборотень смущенно замолк, а Зырян задумчиво погладил раздувшийся живот.

– Все это, конечно, интересно. И Мартина мы, разумеется, подставлять не станем. Но все же мне непонятно – вот если я, например, стану темным и захочу однажды кого-нибудь проклясть, причем захочу так сильно, что вот прямо страх... почему мое желание не усилит само проклятие, как это происходит с благословениями?

– Потому что так устроен мир, – очень серьезно ответил ангел. – Создатель сотворил ангелов и подарил им Небо. А затем создал демонов и отдал им власть в Преисподней. Первых Он одарил Светом и возможностью отдавать благодать безвозмездно, а вторым дал большую силу, но сам же ее и ограничил. Если бы демоны могли проклинать друг друга так же легко, как мы дарим благословение, Небо и Преисподняя уже сгорели бы в огне войны. А так до сих пор поддерживается равновесие.

Улька с любопытством потянулась к книге.

– Это все тут написано?

– Не только. – Мартин благоразумно отодвинулся от баньши подальше. Книга хоть и не испускала днем заметного свечения, но обжечь могла очень сильно. – Но кое-какие вещи даже мне оказались внове.

– Например?

– Мм... например, устройство миров.

Зырян лениво отмахнулся.

– А-а, теория «пузыря»? Знаю такую. Дескать, летает в великом Ничто куча разноцветных пузырей, в которых спрятаны миры. Кто об этом первый сказал? Гредрикс... или Кередрикс? Забыл, короче. Но эта теория до сих пор не подтверждена.

Мартин только улыбнулся.

– Подтверждение ей может дать только Создатель, но в книге есть пара интересных мыслей, которые мне показались логичными. Например, о так называемых пузырях. Нам всегда говорили, что миры со сходными свойствами и законами располагаются рядом, как шарики, заключенные в один большой мыльный пузырь. И чем ближе миры, тем чаще они соприкасаются, порождая всевозможные аномалии, провалы материи, а иногда даже взаимно проникают друг в друга. В качестве примера часто приводят эльфов и фей, которые находятся в одном пузыре, но в разных мирах. Соприкосновение там настолько тесное, что постепенно изменились законы и там, и там, и теперь это не два, а один мир с едиными законами и магией. Однако есть и другие миры, где живут русалки, орки, гоблины, где есть люди, не слышавшие про магию, или маги, не слышавшие про обычных людей. Пузырей во вселенной плавает много, и все они друг от друга, как нас уверяли, надежно изолированы, что делает очень сложным построение межмировых порталов. И по сути только отсюда, из Мира, можно куда-то свободно попасть.

– Так и есть, – шумно вздохнул Васька. – Лекции по истории миров я не все прогулял.

– Тогда представь, что нам все говорили правильно, – улыбнулся ангел. – Но забыли упомянуть одну-единственную вещь о том, что на самом деле все миры друг с другом связаны. И в каждый из них можно попасть, если знать как.

Зырян в сомнении поскреб подбородок.

– В разных мирах настолько разные законы, что постройка телепорта невозможна.

– А если это будет не телепорт?

– Что же еще-то? – удивилась Улька. – Черная дыра?

Мартин поморщился.

– Ну зачем сразу крайности? Обитатели Неба, к примеру, не нуждаются в межмировых телепортах. Как и демоны, кстати. Это врожденная особенность расы, благодаря которой о нас знают почти

езде. Да, называют нас по-разному и относятся тоже, но суть-то остается прежней: аналоги Неба и Преисподней есть почти во всех сказаниях и мифах, даже в мирах, где отсутствует магия. Что, если есть какие-то способы перемещения, которые просто не всем доступны? И что, если сами миры все-таки связаны прочной нитью не только с этим Миром, но и друг с другом?

– Хм, пузыри на ниточках? Что-то сомнительно, – покачал головой оракул. – На ограниченном пространстве они рано или поздно начнут мешать друг другу, и однажды это приведет к катастрофе.

– А если на каждой ниточке не один мир, а целая гроздь? И если внутри каждой грозди находятся миры с достаточно близкими свойствами, чтобы при мимолетном соприкосновении существующие в них законы не вступили в конфликт? А от других, напротив, будут удерживаться на расстоянии согласно той же теории Кередрикса?

Я как-то засомневалась, представив в уме такую конструкцию. Но в принципе, если привязать центральные нити к какой-то одной точке, а затем распустить их во все стороны в виде сферы, чтобы «гроздь» не мешали друг другу, может, оно и сработает. Это, по крайней мере, объяснило бы факт, о котором уже сказал ангел, и дало обоснование существованию мира, где мы находились. Этакая точка опоры или отсчета, откуда по любой из существующих нитей можно добраться куда угодно.

– Ну, с натяжкой, – крикнул Зырян, тоже, видимо, попытавшись вообразить что-то этакое. – Но хотелось бы, конечно, нормальных доказательств, а не только твоей гипотезы или расплывчатых сведений из непонятно откуда взявшейся книжки.

Мартин с сожалением развел руками.

– Остальное я не дочитал. Но, если вам интересно, могу потом озвучить.

– Подождем, – согласно кивнул Васька, нагло стащив со скатерти последний оставшийся бутерброд. – А теперь пошли в Город. Веселиться и отдыхать. У нас выходной или как?

Глава 11

К вечеру мной постепенно начало овладевать беспокойство. Почти сутки прошли с тех пор, как я пила бессонник. Одна ночь пролетела, к счастью, незаметно, а настойку мне нельзя было пить еще два дня. Идей, чем ее заменить, тоже не находилось. Разве что использовать проверенное средство?

При одной мысли о мухоморовке я аж передернулась. Но лучше уж головной болью мучиться, чем погостить еще одну ночь в Преисподней, так что как вариант возьму на заметку.

– Ты куда? – сонно спросила Улька, забираясь в кровать.

– Марти пойду проведаю, – почти не соврала я.

– Так он же вроде в порядке?

– Пока – да. Но я все равно лучше проверю. Ничего, если вдруг Шмуль еще разок здесь переночует?

Баньши громко зевнула.

– Мне без разницы. Ты, главное, не задерживайся там и будь осторожнее. А то мало ли...

Я только хмыкнула и, накинув поверх рубахи куртку, вылетела в окно.

При виде меня, деловито усевшейся на подоконник, Шмуль, еще не успевший лечь, только страдальчески скривился.

– Опять?!

А Мартин, напротив, тревожно посмотрел. С молчаливого обоюдного согласия мы друзей в мою проблему не посвящали. А то советами еще замучают. Особенно пошлый фей. Впрочем, Шмуль не особенно сопротивлялся, когда я попросила его погулять. Буркнул только, что к Ульке больше не пойдет, и умотал в женское общежитие на пятый этаж. К феям. Где, вероятно, зависнет до самого утра и, наверное, не останется без дела.

– Сколько тебе еще осталось? – тихо спросил ангел, когда я, сбросив верхнюю одежду, забралась на кровать Шмуля.

– Двое суток. А потом еще на неделю свободна.

– Через неделю у нас грянет целая череда контрольных...

– Ночами потом наверстаю, – отмахнулась я и, чувствуя, как наваливается накопившаяся за день усталость, закрыла глаза.

На этот раз комната была другая – просторная, чистая, без черных пятен и кроваво-красных стен. Высокие потолки – как раз такие, чтобы я

могла свободно взлететь. Поразительно светлые ткани, ласкающие взор, красивая бронзовая люстра, испускающая мягкий приглушенный свет, нежно-зеленый ковер, напоминающий по цвету молодую травку, и тончайшие шелка на небольшой, аккуратно убранной постели, которая прямо-таки умоляла на нее упасть и зарыться в подушки лицом.

От такого великолепия я поначалу даже растерялась. Но потом проворно облетела всю комнату, вдумчиво оглядывая углы, обнаружила полное отсутствие окон и толстую металлическую дверь без ручки. Осмотрела себя, с некоторым удивлением отметив, что выгляжу по-прежнему чешуйчатой, крылатой, но в чем-то даже симпатичной змеюкой. Обнаружила, что висящее на мне мешком платье снова безмерно раздражает, и без колебаний забросила его в дальний угол. А потом опустилась вниз, с недоумением уставившись на побелевшие, почти исчезнувшие следы от браслетов, между которыми висела бледная, не стесняющая движений, полупрозрачная и неосязаемая цепь... и задумалась.

– Нравится? – Раздавшийся со спины бесстрастный голос заставил меня вздрогнуть и резко обернуться.

Когда и, главное, как он сумел сюда войти, я опять не поняла, поэтому непроизвольно оскалилась и зашипела. Однако Князь не делал попыток приблизиться. Просто стоял у дальней стены и, сложив на груди руки, спокойно наблюдал. Ипостась менять почему-то не торопился – снова пришел человеком. Но смотрелся в своих черных одеждах посреди этого бежево-бело-золотого великолепия настолько чужеродно, что я от неожиданности снова растерялась и недоверчиво покосилась по сторонам.

Может, и правда сон?

– Гостевые покои, – спокойно пояснил Князь в ответ на мой настороженный взгляд. – Полагаю, здесь тебе будет удобнее.

Да. Когда рядом нет цветов боли и крови, мне легче. Но с чего это он озаботился моим комфортом?

«Ловушка», – без сомнений решила я и открыла рот, намереваясь воззвать к Марти. На что Князь мгновенно отступил на шаг и примирительно поднял руки:

– Не беги. Не трону. Просто хочу кое-что выяснить.

Я недоверчиво прищурилась.

Чего это он? Тянет время? Зубы заговаривает? Выжидает?

– Только поговорить, – подтвердил он, когда я снова предупреждающе зашипела. – Клянусь Тьмой, что сегодня тебя не покалечу, не убью сам

и никому другому этого не позволю.

Я сперва опешила от мысли, что он вдруг пошел на уступки, потом заколебалась, а когда поняла, что венценосный супруг по-прежнему держит себя в руках, все-таки рискнула заговорить:

– Темной ночи, Княже...

Хм. Ну и голосок у меня – глубокий, вибрирующий и довольно низкий, в котором то и дело прорывалось то урчание, то шипение, а то мурлыканье, как у дикой кошки. Некоторых, наверное, должно пробирать до костей.

– Темной, – так же спокойно кивнул Князь. – Как тебя зовут?

Ишь, спохватился... В прошлые разы ему было все равно. Мне, впрочем, и сейчас без разницы.

Я снова задумалась, но все-таки решила ответить, выбрав нейтральный слог из своего имени.

– Можете звать меня Ри.

– Тебя устраивают эти покои, Ри? – чуть наклонил голову Князь. – Цвета, мебель, ткани... Если нет, скажи, и все будет переделано в соответствии с твоими пожеланиями.

Я снова подозрительно прищурилась. Какая мебель? Он шутит? Кроме кровати, ничего же нет.

– Что-то вы темните, Княже... И почему-то вдруг решили оказать любезность. Вы неожиданно вспомнили, что я – не рабыня, а законная супруга?

– Считаю, что так.

– Очень сомнительно, – тихонько фыркнула я, переведя крылья в активное положение. – Но будем считать, что я поверила. Чуть-чуть.

В комнате внезапно поднялся ледяной ветер, на месте Князя образовался белый вихрь, а еще через мгновение на меня в упор взглянули жутковатые глаза без белков.

– Я дал тебе слово, женщ-щина! – прошипел преобразившийся, находящийся на грани смены ипостаси и откровенно раздраженный демон. – Это значит, что с-сегодня тебе ничего не грозит!

Мать моя суккуба...

Впрочем, Князь отступил так же быстро, как и приблизился, поэтому я даже укусить его не успела. Какой-то жалкий миг, когда меня обжигало его дыхание, а душу насквозь просвечивал тяжелый взгляд... А потом он снова оказался у стены, в том же виде, только рубаха на животе оказалась располосована острыми когтями.

– Что вам нужно? – настороженно осведомилась я, подчеркнуто

медленно опускаю руку.

– Как я и сказал, пока только информация, – ответил он, словно не заметив испорченной одежды. – Я хочу знать, что именно между нами произошло и как ты это сделала.

Я заколебалась.

Рассказывать о себе было нельзя – он потом против меня же эти сведения и использует. Молчать, конечно, тоже не вариант – терпением его темнейшество не отличался. И вообще, он сегодня чем-то взбудоражен, от бывшего безразличия не осталось даже воспоминаний. Что это? Брачные браслеты в действии? Его кто-то уже успел сегодня взбесить? А может, неделя ожидания вкупе с сомнением, что я вернусь, сделала его столь неуравновешенным?

Надо быть начеку. Вон как глаза уже сузились, пальцы потихоньку сжимаются в кулаки... Он еще сдерживает себя, старается меня не напугать, что само по себе довольно необычно, но его выдержка не беспредельна. И мне совсем не хочется испытывать ее на прочность.

– Говори! – совсем тихо приказал Князь, на лице которого мелькнули и пропали белесые чешуйки, и я беспокойно переступила ногами.

Уже пора бежать или еще нет? А если я сбегу сейчас, то через какое время меня снова сморит сон? И не будет ли от этого хуже?

– Прошу прощения, Княже, – все еще надеясь, что обойдется, кашлянула я, – но это не в моих силах.

– Почему? – Его голосом, казалось, можно было замораживать океаны, а чешуйки на лице стали отчетливее.

Я поежилась.

– Боюсь, тогда вы точно не удержите свою вторую ипостась, а мне придется покинуть вас навсегда, потому что с оторванной головой даже темные долго не живут.

– Думаешь-шь, если ты промолчишь-шь, будет лучше-шь-ше?! – прошипел он и внезапным рывком сменил ипостась до конца.

Отшатнувшись от неожиданности, я инстинктивно попыталась защититься Светом, но вдруг с ужасом поняла, что не могу этого сделать, и запаниковала. Более того, опасно промедлила. А когда попыталась сбежать, демон так же внезапно распахнул крылья и с такой силой ими хлопнул, что поднявшейся воздушной волной меня буквально снесло. Пушинкой отлетев к стене, я ударилась так, что перед глазами заплескали разноцветные звездочки. Во рту стало солоно, в глазах потемнело. А в спине – там, откуда росли мои крылья, что-то подозрительно хрустнуло, заставив меня выгнуться и непроизвольно вскрикнуть.

– Ты знаешь, что бывает, если меня разозлить?

Да уж, знаю. До сих пор чувствую, как ваши когти пропарывают меня насквозь. Но, Тьма вас заberi, где же этот проклятый Свет, когда он так нужен? И где ангел, обещавший вытащить меня, если вдруг попаду в беду?!

– Мар...хр-р...

Когтистая рука властно ухватила меня за подбородок, давя крик в зародыше, сильные пальцы стиснули так, что я даже прошептать ничего не могла, а злой голос, то и дело срываясь на змеиное шипение, свирепо выдохнул:

– Говори!

Побелевшее лицо Князя жутко исказилось. Из-под верхней губы стремительно поползли клыки. Его тяжелый взгляд угнетал, подавлял волю, пугал ощущением своей дикой силы, принуждая склонить перед ним голову. Признать за ним право повелевать и распоряжаться моей жизнью. А когда я упрямо дернулась, Князь глухо зарычал и впился зубами в мою шею. Властно. До крови. Требуя беспрекословного и безоговорочного подчинения. Как доминирующий самец, решивший усмирить непокорную самку.

И вот тогда меня самым настоящим образом переклинило.

А может, я все-таки сошла с ума, раз рискнула протестовать?

Не знаю, почему, но в тот момент меня буквально накрыло волной неконтролируемого, неистового, какого-то звериного бешенства, которое мгновенно помутило рассудок и вырвалось наружу хриплым, протестующим ревом, в котором звучала одна-единственная разумная мысль: *«Да как он посмел?!»*

Уже не соображая, что делаю, я вскинула руку и со всей силы полоснула когтями по его груди. Да так, что Князь непроизвольно отшатнулся, разжимая когти, и попятился, не сводя с меня изумленного взгляда. Тут бы мне и сбежать, воспользоваться возможностью и больше никогда сюда не возвращаться... но в тот момент я об этом уже не думала, потому что, отбросив всякую осторожность, набросилась на Князя сама.

Наверное, со стороны это выглядело дико – он был гораздо массивнее, тяжелее и неизмеримо сильнее, но я отчаянно набрасывалась на него снова и снова, не понимая, что в этом бою мне не победить. Не замечала, что под градом моих ударов он медленно и осторожно отступает. В бешенстве полосовала когтями предплечья, которыми он пытался закрывать лицо. В клочья раздирала кожу на груди, если он не успевал увернуться. Била его руками, стегала крыльями, хлестала по животу хвостом, на кончике которого обнаружилось острое жало... и полностью

отдалась на волю охватившего меня безумия, уже не думая ни о чем, кроме того, что хочу убивать.

Даже когда Князь извернулся и, подло обвив мои ноги хвостом, свалил меня на пол, я продолжала биться, кусаться и царапаться, извиваясь всем телом и надеясь еще хотя бы раз его достать. Бессильно рычала, когда он уверенно навалился сверху и, надежно меня обездвигив, снова впился зубами мне в шею. Неистово выла, не желая сдаваться до последнего. И рвалась на волю до тех пор, пока он не прихватил губами мое ухо и не выдохнул:

– Как же ты хороша в ярости! Это так возбуждает...

Прокатившаяся от его слов волна жара, моментально охватившая все тело, стала для меня полной неожиданностью. От растерянности я даже замерла, не сразу поняв, что происходит. Несколько мгновений просто лежала, тяжело дыша и чувствуя, что не в силах шевельнуть даже пальцем. Раздраженно зашипела, посчитав, что надо мной издеваются. А потом почувствовала, как напряжено его тело, увидела, как подрагивает от возбуждения обвившийся вокруг моих бедер хвост. Вздрыгнула, ощутив прикосновение к коже горячего языка, а потом с холодком сообразила, что за то время, пока мы боролись, Князь не только не озверел, а напротив – моя ярость взбудоражила его. Разбудила охотничий азарт, отчего стремительные укусы мужа быстро превратились в нетерпеливые, яростные поцелуи, в которых одинаково ярко переплелись наслаждение и боль. А настойчиво прижимающиеся к моему животу чешуйки внезапно стали более выпуклыми, горячими и возбуждающе гладкими.

Когда я замерла от этой ошеломительной мысли, прильнувший губами к моей шее Князь с наслаждением заурчал и, оставив на моей коже еще один бескровный след, так же хрипло прошептал:

– Ты – моя. Никто и никогда не посмеет к тебе прикоснуться. Никто и никогда не назовет тебя своей. Ты – только моя женщина, Ри. Моя добыча. Отныне и навечно. Я решил.

И это привело меня в чувство.

– А моего мнения ты не хочешь спросить, Княже?! – прошипела я и, извернувшись, вцепилась зубами в его плечо.

Он недовольно рыкнул, но не отстранился.

– Ты выбрала свою судьбу, когда надела брачные браслеты. Осталось лишь закончить брачный ритуал.

Князь чуть ослабил давление на мои бедра и, уверенно втиснув между ними колено, усмехнулся.

– Мы сделаем это сейчас, женщина.

– Если помнишь, я давала тебе всего *один* шанс, Княже, но ты его упустил!

– Я передумал. Так что радуйся – ты все-таки сумела меня заинтересовать.

Я уставилась на демона злыми глазами и четко сказала:

– Я никому не буду принадлежать против воли. Тьмой клянусь, что больше никто и никогда меня к этому не принудит!

Он лишь пренебрежительно отмахнулся и, оплетья мои щиколотки невесть откуда взявшимися веревками, перестал удерживать мои ноги, а затем с довольным смешком наклонился... однако именно в этот момент Тьма неожиданно откликнулась. Выглянула из его глазниц, растеклась вокруг нас черным облаком и, внезапно рванувшись на свободу, наполнила разгромленную комнату. Бесшумная, как смерть. Холодная, как могильный камень. И справедливая, как верховный судья, только что отмеривший заслуженную кару за мои грехи.

– Я клянусь, – упрямо повторила я, чувствуя, как каждое прикосновение едва угадывающегося во Тьме демона буквально высасывает из меня жизнь. – Никогда против воли. Или смерть.

– Слово дано – слово услышано, – усмехнулся он, и у меня в глазах окончательно потемнело. – Да будет так...

Первое, что я увидела, когда пришла в себя, – ровно вздымающаяся грудь, покрытая крупными белыми чешуйками без единого следа от нанесенных мною ран. Поверх нее – расслабленно лежащая и абсолютно невредимая лапа, на толстом запястье которой красовался матово-черный браслет. Чуть выше виднелась мощная шея, заостренный подбородок и украшенное более мелкой чешуей лицо с плотно закрытыми веками.

Князь раскинулся на постели вольготно, умудрившись занять ее почти целиком. Лежал на спине, распластав крылья во всю ширину. Невозмутимый, расслабленный, обнаженный... и по-хозяйски прижимающий меня к себе, словно любимую супругу. Мы лежали так близко, что я могла почувствовать каждую чешуйку на его боку и бедре, а при желании – и ниже. Срам он, правда, прикрыл простыней, но смотреть это не мешало. Даже напротив – нежнейший шелк лишь подчеркивал безупречную белизну его кожи и оттенял перламутровый блеск его чешуи.

От неожиданности я дернулась, отшатнувшись назад, но почти сразу поняла, что лежу на самом краю и вот-вот свалюсь. Непроизвольно качнулась обратно, инстинктивно обхватив его рукой за живот. Прижалась снова. Только потом сообразила, что сделала, и растерянно замерла,

не зная, что думать и как себя вести.

– Пришла в себя? – невозмутимо осведомился Князь, и его рука ненавязчиво притянула меня за талию.

Я вскинула голову, чтобы сказать какую-нибудь гадость, но наткнулась на неподвижный, тяжелый, пронизывающий взгляд... и замерла. На меня смотрел не человек – демон, внутри которого жила и извивалась первородная Тьма. Причем могущественный демон, о чем я едва не забыла. Древний. Обладающий невероятной силой хищник, который лишь чудом меня не убил.

Да, сейчас он был спокоен и сыт. Он выглядел словно дикий кот, поймавший для развлечения маленькую мышку. Пока она сидит тихо, он забавляется, лениво трогая ее лапой. Рассеянно обнюхивает, иногда облизывает, желая ощутить на языке ее вкус, и с интересом следит за ее суматошными метаниями, прекрасно зная, что она никуда не сбежит.

Но стоит только мышке заупрямиться или попробовать укусить, как вся вальяжность слетает с него, как маска. И он мгновенно превращается в то неуправляемое чудовище, которого боятся даже демоны, от рева которого дрожит Преисподняя и которое одним движением огромной лапы способно раздробить драконий хребет, не говоря уж о том, чтобы играючи раздавить одну слабую, недогадливую, рискнувшую вызвать его гнев суккубу.

Но если раньше я понимала этот факт разумом и плохо отдавала себе отчет в том, что творю, то сейчас меня неожиданно пробрало до самых печенок. Ощувив себя той самой мышкой, над которой нависла тень от кошачьей лапы, я как-то сразу вспомнила, почему таких, как он, называют Князьями Тьмы. Запоздало сообразила, что уже дважды сегодня побывала на краю. Чудом одним уцелела, пока нащупывала границы терпения демона. И вот сейчас, в этот самый момент, готовлюсь совершить еще одну глупую ошибку.

Проникнувшись этим пониманием до мозга костей, я настороженно кивнула.

– Да, Княже.

– Не обольщайся – ты по-прежнему моя жена и принадлежишь мне до самой смерти, – едва заметно сузились его глаза. – Не стоило тебе призывать в свидетели Тьму – она не любит, когда ее беспокоят понапрасну. Но что сделано, то сделано. Я не трону тебя. Пока что.

У меня радостно екнуло сердце, но мне под подбородок тут же ткнулся острый коготь, заставив усомниться, что повод для радости существует. А затем холодные глаза, похожие на два черных колодца, заглянули прямо

в душу, заставляя поневоле цепенеть и покрываться громадными мурашками.

– Никогда не зли меня, женщина, если хочешь жить, – так же ровно сообщил Темный Князь. – Не зли, потому что, даже не желая того, я могу тебе навредить. И я убью тебя, если ты еще раз посмеешь мне перечить. Понятно?

Завороженная клубящейся в его зрачках Тьмой, я снова машинально кивнула.

– Да, ваше темнейшество.

– Недавно ты осмелилась называть меня на «ты», – едва заметно нахмурился он. – Мне понравилось. Продолжай.

Я изумленно вскинула брови и попыталась сесть. А затем удивилась еще больше – тому, что он позволил. Даже не поленился подвинуть ногу в сторону, чтобы я могла уместиться рядом. А когда я осторожно устроилась, негромко бросил:

– Жаль, что я могу призвать только твою темную ипостась. Это неудобно. Но браслеты, к сожалению, не дают над тобой полной власти. А того, что есть, мне уже недостаточно.

Я опустила взгляд на свои запястья.

– Почему они теперь белые, Княже?

– Потому что я тебя признал.

«А твои тогда почему черные?» – чуть не ляпнула я, но вовремя прикусила язык.

О том, что ему подвластна лишь темная моя половина, я и сама уже догадалась. Это стало ясно, когда мне перестал подчиняться Свет.

К сожалению, Мартин ошибся: призыв – это не проклятие, а всего лишь природная власть Темного Князя над более слабыми темными сущностями, многократно усиленная влиянием брачных уз. Однако тот факт, что я – не чистокровная темная, все же не давал безоговорочно подчиниться. От поражения меня уберегла та самая порченная, как считала маменька, кровь, которая уже не единожды спасла мою шкуру. Помогала сопротивляться. И избавляла от угрозы оказаться полностью зависимой от властолюбивой натуры мужа, перед которым любая суккуба давно упала бы на колени.

Как ни удивительно, но именно Свет стал причиной моей относительной свободы. И именно его загадка в действительности так интересовала Князя.

По крайней мере, до сегодняшнего дня.

– Ты – моя, – без тени сомнения подтвердил он, когда я снова подняла

взгляд. – И рано или поздно тоже меня признаешь. Тогда я смогу завершить брачный ритуал, как положено.

– Долго же тебе придется ждать, Княже, – пробормотала я, с облегчением поняв, что у меня появился еще один слой защиты. Хотя это и странно, что Тьма явилась засвидетельствовать мою клятву. А еще более странно, что Князь предпочел отступить, а не настаивать на своем.

– У меня впереди вечность, – протяжно зевнул супруг, забрасывая вторую руку за голову. – Большой опыт и целое море времени, чтобы убедить тебя передумать. Ты сама ко мне придешь... однажды. А пока живи спокойно, женушка. Тебе все равно никуда от меня не деться. Раны твои я залечил, поэтому летать ты можешь. Однако лучше обождать с этим пару дней, чтобы окрепла перепонка. О нашем разговоре я не забыл, не надейся. Но мне нужно восстановиться, поэтому сиди тихо и не мешай.

Я растерянно повернула голову, одновременно приподнимая крылья, и, убедившись, что порванная перепонка действительно в порядке, так же растерянно пробормотала:

– Спасибо.

Он не соизволил ответить; снова закрыл глаза и, кажется, даже задремал, вызвав у меня еще один приступ недоумения. Неужто Князю настолько невыгодна моя смерть, что он предпочел перевести неравный бой в затяжное противостояние? Неужели он надеется победить? Или у него еще что-то на уме? Хочет попытаться взять меня не силой, а убеждением? Заставить снова себя желать – до боли, до безумия, чтобы я забыла обо всем, и снова, как тогда, пожелала ему отдаться?

Я тревожно покосилась на спящего мужа и зябко поежилась. Но, убедившись, что прямо сейчас мне ничто не угрожает, тихонько подтянула колени к груди, прикрылась сверху мягкими крыльями и застыла, раздумывая, как лучше поступить.

С одной стороны, я могу вернуться, и даже Темный Князь не успеет меня остановить. С другой – у меня появился шанс выспаться, и завтра я уже не буду похожа на одного из тех зомби, которых так ценила мадам Лициана. К тому же мне и следующую ночь предстоит пережить без бессонника, а если из-за моего внезапного ухода муженек снова взбесится, сделать это станет на порядок сложнее. Сражаться с ним в открытую у меня не хватит сил. Даже сейчас я уверена: при малейшем неверном шаге с моей стороны Князь отреагирует мгновенно. И он уже не будет так благодушен, как минуту назад. А в свете того, что с настойкой я откровенно перестаралась и она вполне может перестать действовать не на сутки, а насовсем...

Я скользнула рассеянным взглядом по раскинувшемуся передо мной мужскому телу, даже сейчас излучающему нечеловеческую мощь.

Хорошо. Допустим, я останусь и терпеливо дождусь рассвета, изобразив покорность и стараясь его больше не раздражать. Допустим, что, когда его темнейшее проснется, он смирится с неизбежностью моего ухода. Но до этого счастливого мига еще несколько часов. Князь спит, читать тут нечего, убивать вроде некого... Чем себя занять? Выйти за дверь он же не позволит?

Мой взгляд, пробежавшись по мускулистому животу, покрытому сложным узором из белесых чешуек, так же рассеянно заскользил по бедру, дивясь его совершенной форме. Зацепил неровно лежащую простыню, под которой виднелась характерная выпуклость, но без особого интереса скользнул дальше и, упав на обвившийся вокруг мускулистой голени Князя хвост, непроизвольно задержался.

Интересно, а жало у него есть? А если есть, то какое – обычное или ядовитое? И есть ли разница в правой и левой половинках, когда они находятся в боевом положении?

Я украдкой покосилась на расслабленное лицо демона и протянула руку... но тут же ее отдернула, усомнившись, что мне ее ненароком не оторвут. Потом выудила из-под простыни собственный хвост с пушистой кисточкой на конце, внимательно его осмотрела, выпустила наружу острое жало, вдоволь им налюбовавшись. Даже потрогала кончиком когтя, с огорчением убедившись, что яда там нет. А затем с задумчивым видом отпустила, ненароком задев мужское бедро.

– Что ты хочешь, женщина? – тут же спросил Князь, распахнув бездонные черные глаза и внимательно на меня уставившись. – Проси.

Я опешила от такой постановки вопроса, но потом решила, что иначе он не умеет, и, указав на интересующую меня часть его тела, неловко кашлянула.

– Можно я взгляну?

Хвост одним гибким движением взметнулся в воздух и величественно опустился на мою ладонь, как изъятие наивысшего расположения откинувшегося на подушки демона. А я, с трудом подавив изумление, осторожно сжала пальцы.

Кисточки на конце у него не оказалось – просто два костяных шипа, растущих из единого основания. Угол расхождения острый, вероятность сдвоенного удара в одну и ту же часть тела очень высокая. При нажатии на основание, что выяснилось опытным путем, из обоих шипов с тихим щелчком выскакивают две очень острые иглы. Однако, судя по строению

кончиков, ядовитых желез внутри нет, что несколько усложняет процесс умерщвления жертв и в то же время требует виртуозной точности при нанесении удара. Причем сила удара должна быть такой, чтобы запросто прошить насквозь даже закованное в доспехи тело.

Интересно, я тоже так могу?

Задумчиво почесав кончиком шипа скулу, я поискала глазами подходящий снаряд для опыта, но ничего не нашла и огорченно вздохнула.

– Что опять? – снова спросил Князь, не открывая глаз.

– Ничего, Княже. Отдыхай, лечись. Я сама себя как-нибудь развлеку...

Кожистое веко неохотно приоткрылось.

– Проси.

Я заколебалась, но, раз уж он сам велит, неловко продемонстрировала свою проблему.

– Ты не мог бы подсказать, с какой силой он умеет бить?

– Всего-то? – фыркнул демон и, материализовав в воздухе приличный по толщине чурбачок, одним изящным движением пробил его насквозь. Тонкие иглы, едва успев выскочить, тут же спрятались, и чурбак рухнул на мои колени, развалившись на две половинки. – Довольна?

Восхищенно цокнув языком, я проворно осмотрела хвостище на предмет повреждений, никаких следов не нашла и пораженно отложила его в сторону. Затем примерила необычный прием на себя и, убедившись, что демон снова задремал, попыталась повторить удар, но, к собственному разочарованию, особых успехов не добилась. Деревяшка почему-то не развалилась, а хвост вообще застрял, и мне стоило немалого труда освободить воткнувшееся до основания жало.

Решив, что нашла, чем убить время, я аккуратно, стараясь не потревожить Князя, сползла с постели и, отойдя в дальний угол, попыталась снова, однако чурбак и в этот раз намертво прилип к хвосту. Огорченно дернув утяжелившейся конечностью, я с трудом выдрала жало и, подумав, опять примерилась. Неудачно. Третья попытка вышла чуть лучше, но отлетевшая щепочка меня не устроила. А в последний раз, размахнувшись посильнее, я добилась лишь того, что чурбак, не удержавшись, с грохотом врезался в стену, после чего с еще большим грохотом рухнул на пол и с шумом укатился к двери.

Инстинктивно вжав голову в плечи, я кинула тревожный взгляд на кровать, надеясь, что мне не придется в спешке улепетывать обратно в УННУН... и ойкнула, когда со спины ко мне плотно прижались, похозяйски притянув за талию, да еще так, что я не только все чешуйки смогла кожей почувствовать, но и другие части тела прекрасно ощутила.

– Ты неправильно используешь силу, женушка, – пощекотал мое ухо горячим дыханием Князь и, одним движением вскинув с пола многострадальную деревяшку, с легкостью разбил ее еще на две половинки.

Я перевела дух и попыталась осторожно высвободиться.

– Наверное, я просто мало тренировалась. Но я больше не буду тебя будить, Княже, прости. Я не подумала, что получится так шумно.

– Мне нравится, как ты просишь прощения, – неожиданно усмехнулся он, лизнув меня в ямочку за ушком. – Это звучит многообещающе... проси еще.

Я ошеломленно моргнула. Что значит – проси? За что? Но, ощутив на мочке чужие клыки, поспешила напомнить себе: «Не злить, не перечить...» – и послушно сказала:

– Прости, пожалуйста, что я на тебя напала...

– Превосходно. Еще, – довольно рыкнул он, не то кусая, не то целуя мою шею.

– Прости, что я тебя поцарапала...

– Мр-р-р... – Его губы жадно прошлись до самых ключиц. – Это восхитительно. Хочу еще.

Я вздрогнула, когда его рука нахально скользнула на мой живот и хозяйски огладила чешую над лоном.

– Прости, что напоминаю, Княже, но ты обещал...

– Разве я тебя к чему-то принуждаю? – По моим позвонкам совсем легонько пробежались острые когти, вызвав невольную дрожь. – По-моему, ты очень даже не против, не правда ли, дражайшая супруга? Тебе нравится, когда я делаю так?

Я сжала зубы, когда он легонько прикусил кожу и, тут же ее отпустив, снова лизнул. Вот поганец! Но мне есть чем на это ответить.

– Княже, прости еще раз, но, если ты не прекратишь со мной играть, мне придется уйти досыпать наверх.

– Нет! – Вокруг меня стальным капканом сомкнулись чужие руки, коснувшиеся кожи зубы заметно удлинились, готовые вырывать из податливой плоти огромные куски, а прикосновение когтей перестало быть волнующим и приятным. – Ты – моя, Ри! Только моя!

– Я скоро проснусь, – осторожно напомнила я, когда он недовольно зарычал. – И поскольку здесь лишь половина меня, этого ни ты, ни я не изменим. Однако в твоих силах сделать так, чтобы я снова вернулась. Тебе же выгодно, если я останусь надолго?

Клыки на моей шее тут же разжались. Короткий порыв ветра, и вот

на меня опять в упор смотрят опасно сузившиеся глаза.

– А ты вернешься?

– Да, – внутренне поежившись, пообещала я. – Завтра точно, а дальше... как получится.

– Я буду ждать, – с угрозой в голосе предупредил Князь прежде чем отступить. – И у меня найдется много вещей, которые могут тебя заинтересовать.

Я облегченно выдохнула. Невероятно, но, кажется, с ним все-таки можно договориться?

– Я это запомню.

Он нахмурился и попытался что-то сказать, но неожиданно начал быстро истаивать. Вместе с кроватью, стенами и разбросанными по полу деревяшками. Я улыбнулась, не отказав себе в маленькой шалости – помахала ему ручкой. А когда он поморщился и раздраженно отвернулся, промурлыкала:

– Спокойного дня, мой Князь. Пусть он будет для тебя нескучным...

Глава 12

– Ты выпалась, – утвердительно сказала Улька, когда увидела меня поутру. – Похоже, твои кошмары закончились?

– Сегодня обошлось, – призналась я, размышляя о том, что, пожалуй, не зря посвятила в свою проблему только Мартина. Если бы любопытная баньши знала причину так называемых «кошмаров», то уже замучила бы расспросами, что там у меня с Князем происходит, как и почему.

– Отлично! Значит, завтра на «невербалке» ты больше не будешь тупить, и мне не придется тебе подсказывать.

Я замерла.

– А у нас разве завтра зачет по «невербалке»?

Улька укоризненно на меня посмотрела.

– Хель, зачет через неделю. А завтра проверочная по последним трем темам. Надеюсь, ты успеешь хоть что-нибудь прочитать за оставшийся выходной?

У меня все похолодело внутри.

Традиционная невербальная магия – мой самый страшный кошмар, исключая, пожалуй, только Темного Князя. Единственный предмет, на котором невозможно списать. Потому что теорию по нему мы готовили самостоятельно, зато всевозможные жесты, как раз и являющиеся предметом изучения, на зачете требовалось наглядно продемонстрировать. А я в них с самого первого дня ни в зуб ногой. И хотя невербальная магия началась только в этом году, уже с ужасом думала об экзаменах и о том, что пересдача закончится для меня или сломанными пальцами, или жутким стрессом для преподавателя. Последнее, естественно, было предпочтительнее, но вряд ли господин Знудиян, который будет доставать нас еще три года, обрадуется, если поймет, что я использовала на нем свою пылицу.

– Хель, ты чего застыла? – с подозрением спросила баньши. – Только не говори, что ты опять не читала!

Я промолчала, а про себя подумала, что в последнее время мне было не до этого. Для Знудияна это, конечно, будет слабеньким оправданием, а значит, в скором времени меня ждет очередной «несданчик», которых к концу семестра точно наберется штук пять или шесть.

Улька, все поняв по моему выразительному лицу, всплеснула руками и отправилась в душ, прекрасно зная, что стыдить меня бесполезно.

Ну не даются мне точные науки! Никогда не давались, иначе я бы уже получила диплом в единственной в Преисподней Академии демонов, откуда меня поперли в первый же год за конфликты с руководством.

Зато свой последний выходной мы провели с пользой. Васька, облазив окрестности Города, добыл для Йержа кучу полезных и несколько очень редких трав на продажу; Улька, забравшись на ближайшие к лесу скалы, смогла посоперничать в громкости завываний с ветром; Мартин почти дочитал свою книжку и от радости в буквальном смысле светился изнутри. Зырян на природе сладко выспался и снова налопался от пуза; Шмуль познакомился с очередной очаровательной феечкой. А я... ну, пожалуй, только я не смогла осилить к обеду даже одну главу из учебника, хотя приложила к этому массу усилий.

– Уф! – сказал после обеда оборотень, сыто рыгнув и отвалившись от стола. – Уже забыл, когда я так наедался.

– Все неделю одни перекусы, и те на бегу, – кивнул Шмуль, догрызая свиную кость. Зубки у фея даром что маленькие, но по остроте не уступят врыдловским, так что костный мозг он добывал с такой легкостью, что только хруст стоял. – Но у нас возникла непредвиденная проблема: Марти придется менять гардероб. Мои рубашки, как выяснилось, ему не подходят.

Мы дружно посмотрели на неловко заерзавшего ангела, за спиной которого трепетали небольшие крылышки, и так же дружно задумались. Деньги за ворованные зелья он принципиально не брал. Соответственно, никаких сбережений не накопил, поэтому сменить гардероб самостоятельно ему было не на что. Однако позволить ему ходить по улице в драной рубашке, в которой пришлось на днях прорезать отверстия, чтобы не мялись перья, тоже было нельзя. А нормальная одежда продавалась только в Городе – УННУН снабжал своих студентов лишь минимумом вещей и защитными балахонами для особо опасных предметов. Стипендий нам тоже не платили, поскольку считалось, что мы находимся на полном университетском обеспечении и таким образом расплачиваемся за шесть лет безбедной жизни, которой нас по определению не могли лишить. Все остальное мы добывали сами, включая деньги и всяческие излишества. Но если те же нимфочки выходные подрабатывали подавальщицами в трактирах, лешие продавали городским забулдыгам бражку собственного изготовления, а кто-то, как мы, сбывал ворованный товар, то Марти ничего этого не умел. В плане самостоятельности он оказался абсолютно никчемным и совершенно не приспособленным к жизни, поэтому проблема, озвученная Шмулем, действительно была серьезной.

– У кого остались заначки? – задал справедливый вопрос фей, когда мы прониклись ситуацией.

И все почему-то сразу посмотрели на меня.

– У Хельки пусто, – тут же сдал меня оракул, лениво потягивая морковный сок. – Она на книжку все спустила. Улька свою долю с врыдлы опять на ингредиенты для эликсиров извела. Я могу дать пару золотых, у Шмуля найдется около десятка, а на Ваську даже не оборачивайтесь – он сегодня на свидание идет, так что денег у него нет.

Под веселым взглядом Зыряна мы неловко переглянулись, но фей, надо отдать ему должное, тут же выложил на стол свою наличность. Одиннадцать монет, к которым оракул добавил два золотых. Из них часть суммы мы должны были заплатить трактирщику за роскошный обед. Еще часть – отложить про запас, потому что до следующей недели, когда Йерж отдаст деньги за новый товар, надо было как-то дожить. В итоге потратить мы могли примерно половину, да и то с оглядкой на цены, которые в Городе ой как кусались.

– К мадам Мими пойдем, – решила я, сгребая наличность в карман. – На пару-тройку рубашек и нормальную куртку этого хватит, а потом докупим остальное.

– Там же дорого, – попытался было возразить оборотень, заставив Мартина сникнуть, но под моим взглядом тут же осекся.

– Зато без обмана. И размеры с него снимут точно, а не как в дешевом салоне – на глазок. Молодые крылья нельзя мять – неправильно вырастут, – добавила я, сбавляя тон. – А у Марти они могут вообще из-за этого не раскрыться, и тогда шиш нам всем будет, а не настоящий ангел.

Васька понятиво вздохнул, и больше возражений не последовало.

– Хель, а Лициана тебе на днях привет передавала, – вспомнила баньши, когда мы, расплатившись, вышли на улицу. – Сказала, что заботу твою оценила, и пригласила заглянуть как-нибудь в гости.

– Чего это она? – удивленно обернулся Васька. – Светом сильно ударилась?

Я хмыкнула и, пока мы добирались до салона, просветила всех относительно своей страшной мсти обнаглевшим бесам. Мартину очень понравилось. Нарезающий круги над нашими головами Шмуль только уважительно присвистнул. Улька, узнав подробности, сперва злобно зашипела, а затем мстительно расхохоталась, потому что Гидес в свое время и ее успел достать. А прижимистый оборотень и вовсе пришел в такой восторг, что к салону мы подошли дружной гогочущей толпой. Внутри, правда, пришлось затихнуть, потому что его владелица не уважала

шум. Но мне и там нашлось чем заняться, пока многоуважаемая хозяйка, дама весьма впечатляющих пропорций и довольно крутого нрава, забрала покрасневшего до корней волос ангела, чтобы снять с него мерки.

К счастью, о посетителях она заботилась, так что нам было где посидеть, пока Мартина крутили и вертели смешливые девчонки-примерщицы, а потом такие же смешливые раскройщицы перебирали всевозможные ткани. Мельком оглядев предложенное великолепие, я ткнула пальчиком в то, что мне понравилось, а потом снова забилась в уголок и, пока народ с удовольствием распивал травяные чаи, углубилась в дебри учебника, надеясь, что мои пальцы не сломаются к завтрашнему зачету в попытке повторить описанные жесты.

Больших успехов, кроме онемевших до ломоты кистей, я, разумеется, не достигла, потому что начинать их растягивать нужно было два месяца назад, а не накануне зачета. Зато, когда Мартин напялил на себя сшитые тут же, при нас, обновки, почувствовала удовлетворение. Наконец-то наш чудаковатый приятель выглядел как нормальный человек.

– А для вас, Хельриана, у меня небольшой сюрприз, – решила меня напоследок удивить благоухающая мощным цветочным ароматом хозяйка.

Я, уже собравшись уходить, удивленно обернулась и недоверчиво уставилась на небольшой сверток, который, загадочно улыбаясь, протянула одна из девиц.

– Подарок для постоянного клиента, – благодушно напутствовала меня мадам Мими, величаво проплывая мимо. – Всегда рада видеть у себя в салоне истинных ценителей красивых вещей.

Я озадаченно поскребла в затылке, но сверток все-таки взяла.

– Мм... спасибо. Будут еще деньги – зайду.

– Всего доброго, юная леди, – покровительственно улыбнулась мадам и, махнув длинным подолом, исчезла в недрах мастерской, откуда вскоре послышался ее зычный голос: – Ну кто же так, неучи, складывает кардоганскую шерсть? Смотрите, что вы наделали!

Выйдя на улицу, я в сомнении повертела подарок, но на глазах у прохожих решила не разворачивать. Вдруг хозяйка салона туда эксклюзивное нижнее белье засунула? Или какое-нибудь провокационное одеяние для особо извращенных брачных игр? Она могла – коллекция уникальных диковинок у мадам Мими была обширной. Я ее в свое время почти всю пересмотрела, пока не остановилась на своей любимой ночнушке. Некого мне тогда было соблазнять и очаровывать. Да и сейчас... гм... что-нибудь поскромнее стоило приобрести, чтобы не провоцировать лишний раз муженька.

Правда, долго шила в мешке не утаишь – стоило нам вернуться в общагу, как Улька тут же приперла меня к стенке и, грозно сверкнув черными глазищами, потребовала:

– А ну показывай!

Пришлось капитулировать перед готовой взорваться от любопытства подругой и покорно примерить подаренную обновку, оказавшуюся чем-то средним между деревенским платьем и просторным саваном. Ни единого стежка вышивки на лифе, ни кружев, ни украшений. Просто широкий, явно не по размеру скроенный балахон на затейливо переплетенных веревочках, хоть и сшитый из сверкающего сардонийского шелка. Да еще с разрезами на боках, сквозь которые проглядывала смуглая в моем привычном облике кожа. Признаться, давно я не испытывала такого сильного разочарования от одежды. А Улька и вовсе растерялась, когда я напялила *это* и явилась на ее строгий суд.

Оглядев меня так и этак, мы с одинаковым недоумением воззрились друг на друга.

– Пойду сниму, – неловко кашлянув, я приподняла чрезмерно широкий подол и на цыпочках двинулась в душевую. – Сколько всего за свою жизнь переносила, но такого убожества не видела.

– Да-а, перемудрила что-то мадам, – шокированно покивала баньши, с нескрываемым сожалением глядя на струящийся шелк. – Эх, какой материал испортили...

Я мысленно согласилась и, проходя мимо большого зеркала, скривилась. А потом подумала, что в этот балахон я могла бы нормально влезть только во второй ипостаси. Вздогнула, едва представив, с какой точностью белый шелк обрисовал бы все изгибы моего второго, более крупного и намного более подходящего к такой одежке тела. Почти воочию увидела, как соблазнительно заблестит в широких разрезах чешуя... и, покрывшись холодным потом, сорвала с себя коварную тряпку.

«Мадам Мими – ведьма!» – без колебаний решила я, зашвыривая в угол откровенный наряд, всю привлекательность которого мог по достоинству оценить только Темный Князь. После чего умышленно переоделась в самую страшную и старую, но приятную телу ночнушку и, бросив огорченно вздыхающей баньши:

– Я – спать! – отправилась на боковую.

Насчет покоев Князь не обманул – я снова стояла посреди той же спальни, в которой, судя по всему, кто-то успел прибраться. Пострадавший в драке ковер заменили на новый, дырки в стенах заделали, брызги крови

убрали и даже кровать аккуратно перестелили. К тому же, кажется, она стала шире, чем в прошлый раз.

А еще меня умилили три деревянных чурбачка, которые какая-то добрая душа аккуратно поставила в угол, видимо, надеясь, что у меня снова появится желание испробовать на них остроту своего жала.

Обнаружив, что дражайший супруг изволит опаздывать, я заново облетела комнату, стараясь заглянуть в каждую щелочку. Дверь оказалась, конечно, заперта, окна так и не появились, зажженных свечей на люстре несколько поубавилось, но мягкий полумрак мне даже нравился. А вот того, что надетая ради скромности ночнушка так сильно начнет раздражать кожу, я, если честно, не ожидала. И поскольку моя темная ипостась терпением никогда не отличалась, после нескольких минут напряженной внутренней борьбы я все-таки содрала с себя мешающую тряпку и с наслаждением вытянулась на прохладных простынях.

– Наша чешуя способна выдержать даже очень сильный удар, – прошелестел совсем рядом знакомый голос, и постель ощутимо прогнулась, когда на нее опустилось тяжелое тело. – Но при этом крайне чувствительна к легчайшим прикосновениям...

Я вздрогнула, когда по моему боку едва заметно пробежались чужие пальцы, а голень ласкающим движением погладил гибкий хвост, и резким движением откатилась на самый край.

– Княже!

Князь, лениво развалившись на кровати, только усмехнулся.

– Я же сказал, что буду ждать. Чего ты испугалась?

– А чего ты все время подкрадываешься? – буркнула я, машинально прикрывшись крылом от его плотоядного взгляда.

– Жертва не должна знать, что на нее нападут. Иначе вся охота насмарку. – Он так же лениво перевернулся на спину и, забросив руки за голову, протяжно, с подвыванием зевнул. – А пришел я через портал. Кто же знал, что ты даже его умудришься не заметить?

Я подвинулась, чтобы на постели уместилось его крыло, и настороженно спросила:

– У меня нет другой магии, кроме своей. А почему ты в темной ипостаси? Мне казалось, высшие не любят призывать ее слишком часто.

– Для меня нет разницы, в каком облике пребывать. Но в этом я тебя лучше чувствую. Или тебя что-то смущает? – насмешливо поинтересовался расслабленно откинувшийся на подушки демон, на этот раз пренебрегший даже простыней. Правда, интимных подробностей сейчас видно не было – весь пах оказался закрыт толстой кожной складкой, больше похожей

на бронированную ракушку.

Я фыркнула.

– Я – суккуба, твое темнейшество. И обнаженное мужское тело меня не способно смутить в принципе.

– Докажи, – неожиданно мурлыкнул он, сдвигая в сторону крыло. – Сядь ближе.

– Княже... – Я укоризненно покачала головой. – Неужели ты решил, что я поведусь на такую примитивную уловку?

– Сядь, – холодно приказал он, и в повернувшихся ко мне черных глазах что-то неуловимо изменилось.

Я замерла, напряженно раздумывая, хватит ли мне остатков бессонника еще на неделю, но супруг так же неожиданно расслабился и гораздо мягче повторил:

– Сядь. Я хочу к тебе прикоснуться.

Поколебавшись, я все-таки подвинулась чуточку ближе – настороженная, как лань, и готовая сорваться с места в любой момент. Затем, ежась под тяжелым взглядом, подползла еще чуть-чуть, нерешительно замерев на расстоянии вытянутой руки. А затем меня со спины обняло теплое крыло, нетерпеливо притягивая вплотную, и отстранилось только тогда, когда мое бедро коснулось ровно вздымающейся груди демона, а когти левой руки уперлись в его твердую чешую.

– Останься, – уже ровнее приказал Князь, закрывая глаза и больше не пытаясь посягнуть на мою свободу. Только крылом все так же придерживал, чтобы я не вздумала уползти обратно. – Пока я спокоен, тебе ничего не грозит.

Посидев какое-то время в тревожной неподвижности, я тихонько выдохнула и расслабилась. После чего поерзала, отыскивая более удобное положение, и в конце концов оперлась спиной на чужое крыло, используя его вместо подставки.

Князь, судя по всему, не возражал, потому что никак на эту наглость не отреагировал. Но, когда я уже решила, что он уснул, неожиданно обронил:

– Ты не похожа на обычную суккубу.

– Что? – От удивления я едва не упала.

– Обычная суккуба не упустит шанса подчинить понравившегося ей самца, – задумчиво проговорил Князь, не открывая глаз. – Все, что вас интересует, это сила, хоть вы и получаете ее весьма сомнительным способом. Но ты не такая. Ты не захотела власти и ударила туда, куда я

совсем не ждал... Почему, Ри?

На меня вдруг в упор взглянули наполненные Тьмой глаза.

– Почему ты меня не убила?

Я, не выдержав, отвернулась и буркнула:

– Мне запрещено убивать темных своими силами.

– Суровое испытание для суккубы, – ничуть не усомнился в моей искренности Князь. – Кто тебя наказал?

– Семья.

– Гм, наверное, было за что? – предположил он, с интересом приподнявшись на локтях. – Что тебя сдерживает? Магическая клятва? Обещание? Страх?

Я прикусила губу и, мгновение поколебавшись, все-таки отодвинулась.

– Я покажу, Княже. Только дай мне встать.

Он без возражений развернул крыло, позволяя мне подняться с постели и отойти на пару шагов. Но очень внимательно следил за каждым моим движением, когда я выпрямилась и закрыла глаза. Напряженно шевельнулся, когда я резким движением отвела за спину руки. И шумно выдохнул, когда на моем животе начал проступать затейливый узор из наведенного прямо на кожу заклинания.

Это древняя магия. Наша, темная. И очень жестоко карающая заслушание. Избавиться от нее нельзя – маменька позаботилась о том, чтобы я даже под пытками не сболтнула лишнего. Но при большом желании эту магию можно ненадолго призвать. Хотя это и потребовало от меня некоторого усилия.

– Заклятие на смерть, – странным голосом протянул демон, когда я открыла глаза и выразительно на него посмотрела. – Теперь понимаю, почему вчера ты не захотела говорить. Сведения о вашей истинной силе тоже охраняются подобным образом?

Я поморщилась, когда извивающаяся змеей надпись на моем животе больно опалила кожу. К несчастью для меня, даже косвенный ответ на определенные темы приравнивался к послушанию и немедленно наказывался. Поэтому я не говорила вслух. Только показывала. И то не всегда помогало.

– Обмануть его как-то можно? – осведомился его темнейшее, вдоволь насмотревшись на узор.

Я медленно покачала головой.

– Обходные пути? Намеки? Замена понятий?

Я развела руками, стараясь не замечать, как с каждым новым вопросом на моем теле расцветает очередной ожог.

– Но хоть что-то ты можешь рассказать о своем даре? О Свете? И о том, как он воздействует на других?

Я виновато опустила глаза.

– Тогда отзывай обратно, – кивнул Князь, когда удовлетворил свое любопытство, а в комнате ощутимо запахло паленым. – И иди ко мне. Я уберу боль.

На этот раз я не сопротивлялась и без колебаний легла на спину, когда он жестом велел подчиниться. И послушно замерла, хотя смотреть, как он склоняется над моим животом, было несколько... тревожно. Но он не обманул, его губы на самом деле дарили облегчение, а бережное прикосновение пальцев действовало лучше всяких бальзамов. Эх, как жаль, что моя природная магия не позволяла лечить! Впрочем, Князь и сам неплохо справился, сумев исцелить меня так, что даже следов на коже не осталось. Более того, процесс исцеления оказался приятным. Но как только он начал незаметно перетекать в соблазнение, я неожиданно вспомнила:

– Княже, а ты мне вчера обещал что-нибудь интересное показать!

Князь на мгновение замер, словно забыл, что его губы, так же, как и руки, находятся в неподобающем месте, а потом с неудовольствием поднял голову.

– Что ты хочешь?

– Найди мне книгу почитать, – стеснительно попросила я, лежа в кольце его рук, как в ловушке. – Что-нибудь о проклятиях, если не трудно.

Он чуть сузил глаза, но по соседству с моей головой рухнуло что-то тяжелое и тут же утонуло в шелках.

– Эта подойдет?

Медленно-медленно повернув голову, я кинула быстрый взгляд на виднеющийся из-за края подушки корешок. А потом ахнула, мощным рывком вывернулась из инстинктивно сомкнувшихся на моих бедрах рук и, не обратив внимания на украсившие кожу порезы, хищным коршуном спикировала на вожака добычу.

– «Полное собрание существующих проклятий»! – восторженно прошептала я, сцапав бесценную книжку и прижав ее к груди, как родную. А когда недовольный демон с ворчанием приподнялся, звучно чмокнула его в щеку. – Княже, спасибо! Ты прелесть!

Он растерянно моргнул, но я уже умчалась на другой конец кровати, где удобно уселась, скрестив ноги, торопливо раскрыла книгу и надолго погрузилась в изучение всяких важных и нужных в хозяйстве вещей, которые в свое время мне так и не удалось добыть. Невероятно,

что у дражайшего супруга нашелся полный и никем еще не испорченный экземпляр, которых в Преисподней уже не осталось. Но еще невероятнее, что Князь без возражений отдал его мне, да еще без всяких условий. Это настоящее сокровище для тех, кто понимал его ценность! Легендарный и считавшийся утерянным клад, который мне случайно повезло найти!

Торопливо пожирая глазами пожелтевшие от времени страницы, я даже не услышала раздавшийся возле уха странный смешок. И не заметила, как когтистая пятерня легким движением погладила мое бедро, заживляя нечаянно нанесенные порезы. Не отодвинулась, когда супруг с довольным вздохом улегся рядом, властно притянув меня за талию. И без возражений оперлась на него, когда он выразительным жестом показал, что именно так ему нравится ко мне прикасаться.

Надо отдать Князю должное, он не мешал мне с жадностью впитывать мудрость тысячелетий. И не разозлился, что я променяла его поцелуи на какую-то, пусть даже ценную, книжку. Напротив, он нагло воспользовался ситуацией и, получив неограниченный доступ к увлеченно читающему телу, продолжил начатую игру. Так что время от времени мне приходилось стряхивать со своих бедер требующий внимания хвост и убирать настойчивые руки со стратегически важных мест, но в целом это не сильно мешало. А когда муженек сообразил, что отвлекаюсь я только на откровенные приставания, сменил тактику и начал действовать осторожно, исподволь, прикасаясь едва-едва и так, чтобы я не сразу заметила.

В итоге, когда первый информационный голод был утолен, а я со вздохом отодвинула книгу, то внезапно обнаружила, что мне нравится, когда притихший супруг рассеянно перебирает мои распущенные волосы. Нравится слушать его дыхание, то и дело обжигающее мне руку. И ощущать прикосновения его твердых пальцев, ненавязчиво ласкающих чешуйки на моей обнаженной спине.

– Что я еще могу сделать, чтобы ты испытала удовольствие? – хитро прищурился Князь, когда я повернулась и одарила его выразительным, полным скепсиса взглядом. – Проси. Я сегодня щедрый.

Я собралась было гордо сказать «нет», заявив, что мне больше ничего не нужно и вообще, что я давно разгадала его коварный план, но потом поразмыслила над двусмысленным предложением... и решила ни от чего не отказываться.

Глава 13

– Хельриана Арей Нор Валлара, – скрипучим голосом возвестил господин Знудиян, когда очередной бедолага, дуя на нещадно ноющие пальцы, покинул «экзаменационную» парту. – Я могу вам сразу поставить «неуд» или вы попробуете доказать, что не напрасно посещали мои занятия?

Я с независимым видом поднялась со своего места и, гордо прошествовав через весь класс, плюхнулась напротив преподавателя.

– Суккубы без боя не сдаются!

Сидящий за преподавательским столом старый, абсолютно седой тролль поднял на меня скептический взгляд, который я бестрепетно выдержала. Вот уж правда, нашел чем пугать. Когда супруг на меня смотрит, вот это да. Реально внутренности превращаются в ледышку. А эта жалкая попытка произвести впечатление... Пф-ф! Даже сравнивать смешно.

– Боюсь, вы переоцениваете свои силы, – наконец изрек преподаватель, когда стало ясно, что я по-прежнему собираюсь отчаянно сражаться за тройку с минусом. – Но, раз вы настаиваете и твердо решили сдать предзачет – пожалуйста, покажите мне жест «Ойги». И поясните заодно, где и для чего он должен применяться.

Я, охотно кивнув, переплела пальцы обеих рук самым зверским образом и четко отбарабанила:

– Этот знак – усилитель призыва Огня, учитель. Один из самых простых и наиболее часто используемый. Почти не требует концентрации. Прост в исполнении. И обладает достаточной силой, чтобы наполнить даже среднее заклинание. Единственное ограничение – его нельзя использовать вблизи открытого огня. Знак обладает довольно неустойчивым воздействием на огненную стихию, поэтому способен вывести ее из повиновения.

– Гм, – озадаченно приподнял брови тролль. – Верно. Тогда покажите мне знак «Войи», пожалуйста. И дайте ему краткую характеристику.

Пальцы на моей правой руке сложились в две почти полноценные фиги.

– Знак призыва Воды, – невозмутимо пояснила я, даже не поморщившись. – Характеристики сходны с предыдущим знаком, за тем исключением, что использование этого, напротив, предпочтительно вблизи

от источника воды. По силе ближе к слабому, чем к среднему, и доступен даже магам низшей ступени. Единственный минус – предназначен только для правой руки и задействует сразу четыре пальца, поэтому ограничен в использовании и непопулярен.

Брови господина Знудияна поползли выше, а в классе повисло недоуменное молчание. Даже шепотки со стороны тревожно подпрыгивающей Ульки и державшего за меня кулачки Мартина прекратились. Не говоря уж о том, что с надеждой ожидавшие моего провала нимфы, которых я намеренно шуганула от Йержа, дружно прекратили щебетать.

– Хорошо, вижу, вы не все мои лекции проспали за последней партой, – наконец сказал тролль, переварив мой ответ. – Будьте любезны продемонстрировать мне знак «Арри», Хельриана. И начертайте на листе руну, которая может быть использована с ним в паре.

Я широко улыбнулась.

– Легко.

Мои пальцы с некоторой натугой разогнулись, но после короткого интенсивного массажа согласились взять в руки перо и правильно его удержать. Более того, я даже уверенно вывела несложную руну, посадив на бумагу всего три крохотных кляксы, а не десяток, как обычно. Закончив с рисованием, я снова переплела пальцы в замысловатую фигуру, больше похожую на вежливый посыл учителя куда-нибудь в немыслимые дали, а затем довольно улыбнулась и отчеканила:

– Знак Земли, господин учитель. Второй ряд из группы средних по силе знаков. Требуется подпитки напрямую от мага и нуждается в стабильном канале силы. Соответственно неудобен и малоэффективен в бою, зато прекрасно работает в спокойной обстановке.

– А руна? – задал вопрос господин Знудиян, когда я замолчала, чтобы перевести дух.

– Единственная руна, которая может использоваться с ним в паре, – это руна «Ха». Я ее тут изобразила. Прошу прощения, если слегка неточно, – я понимаю, что еще недостаточно тренировалась. Но собираюсь в ближайшем будущем это исправить. А еще должна сказать, что главным условием нанесения этой руны является наличие прямого контакта с землей или камнем. И никаких исключений для этого правила не существует.

Я вопросительно посмотрела на замершего за столом тролля.

– Все правильно?

Господин Знудиян прокашлялся.

– Да, Хельриана. Все верно. Как, по-вашему, есть ли разница, какую основу для этого использовать? Будет ли меняться степень воздействия двух одинаковых рун, если одну из них нарисовать на камне, а вторую – просто на земле?

– Естественно. Камень, как более плотный материал, хуже вбирает в себя силу, поэтому на нем эффект будет менее заметен, зато намного дольше сохранится.

– А какой носитель предпочтительнее? – хитро прищурился тролль.

Я улыбнулась.

– Все зависит от целей. Где-то достаточно небольшого, но длительного воздействия, а где-то, наоборот, требуется быстрое и мощное.

– А для стихии Огня есть усиливающие руны? – снова спросил он, отложив перо и устроив широкие, как лопаты, ладони на столе.

– Нет, учитель.

– А для Воды?

– Тоже нет. И для Воздуха усиливающих рун также не существует, поскольку эти три стихии и без того довольно подвижны. А любой лишний всплеск провоцирует угрозу сбоя в заклинании, поэтому для данных стихий, как правило, используются сдерживающие руны. Для каждой – строго свой набор и в строго определенном порядке.

Господин Знудиян помолчал, а затем откинулся на спинку стула и с любопытством меня оглядел.

– Вы правы – я весьма удивлен, Хельриана. Скажите, вы умышленно скрывали интерес к моему предмету или какие-то иные причины заставили вас так легкомысленно вести себя на моих занятиях?

– Скорее иные причины заставили меня проявить наконец интерес к вашим занятиям, – призналась я, покосившись через плечо и краем глаза увидев растерянные лица друзей. – Но причины эти таковы, что не дай Создатель у кого другого такие возникнут.

Тролль помолчал.

– Что ж, меня только радуют ваши успехи. Но справедливости ради я должен задать вам еще несколько вопросов.

– Задавайте, – чуть не оскалилась я, расслабляя пальцы. – Ваших вопросов я как раз не боюсь...

Спустя полчаса я с облегчением поднялась из-за парты и, отдав учителю исписанный рунами листок, вернулась к друзьям. Помучил Знудиян меня, конечно, знатно, и далеко не на все вопросы я ответила точно, но честно заработанная четверка в проверочном листе неожиданно грела душу.

– Ты – молодчина, Хелька! – восторженно прошептала баньши, прежде чем отправиться к занудному троллю, чтобы стать следующей жертвой его внимания. – Всего за день – три темы... У меня б пальцы отсохли!

«У меня и отсохли, – печально подумала я, заученными движениями разминая сведенные судорогой ладони. – Но разве кому-то было до этого дело? И зачем я попросила его помочь?»

– Во ты даешь, – толкнул меня в бок расплывшийся в широкой улыбке Васька. – Даже у меня трояк, хотя я учил всю ночь!

«Я тоже учила, – чуть не буркнула я в ответ. – Только, в отличие от тебя, за каждый неправильный ответ меня наказывали!»

Оракул загадочно ухмыльнулся, когда я машинально коснулась губ, которые все еще казались распухшими, а Мартин только сочувственно посмотрел. Но так или иначе, предварительный зачет я сдала, а уж какая цена за него была уплачена, об этом, кроме меня, никто не узнает.

– Одна ночь – это слишком мало для полноценного изучения такого материала, – с гнусной ухмылкой заявил Князь, уяснив, что мне нужно. – Но когда у разумного есть достойный стимул, даже лентяй и тупица начнет усваивать информацию с поразительной скоростью.

Я согласно кивнула – стимул потратить все каникулы на пересдачу был достаточно веским, чтобы я рискнула просить дражайшего супруга о помощи.

– Поскольку именно ты меня просишь, меру воздействия за ошибку я выберу сам, – с еще более гнусной улыбочкой, заставившей меня насторожиться, добавил муженек. – И ты с ней согласишься. Или никакого обучения не будет.

– Надеюсь, до пыток дело не дойдет? – беспокойно уточнила я. – Знаю, что тебе это в радость, но на такие условия я не согласна.

Он только фыркнул.

– Калечить тебя за неправильный знак мне невыгодно. Стегать кнутом за ошибочно нарисованную руну – неинтересно. Поэтому я буду... целовать тебя за каждую промашку, Ри. Причем до тех пор, пока ты мне не ответишь.

«Поцелуй – это не укус, – рассудила тогда я, понадеявшись на свою выдержку. – А зачет пересдавать будет намного сложнее, чем потерпеть каких-то два часа. Рискну...»

Эх, если бы я знала, что буду так часто ошибаться и окажусь столь

бездарной художницей, ни за что бы не согласилась на его условия! В трех главах этого кошмарного учебника содержалось тридцать рун и восемнадцать знаков. Сорок восемь долгих, мучительно сладких, выматывающих и временами яростных поцелуев. Целых сорок восемь бесплодных попыток устоять, раз за разом терпящих сокрушительную неудачу. Да – Князь действительно показал каждый знак и даже сложил мои пальцы, как нужно, научил правильно готовить их к работе и разминать, если руки вдруг сведет. Он с легкостью заставил меня запомнить каждый из знаков, причем большинство даже с первого раза, – всего лишь тем, что, когда я ошибалась, звонко клацал зубами возле неправильно торчащего пальца, вынуждая испуганно его отдергивать. Но даже так к рассвету мы успели не все. И мне пришлось разрываться между злостью и нетерпением и все чаще уступать ему без боя.

Он измывался надо мной до последнего, с каждым знаком потихоньку усиливая напор. Все яростнее набрасывался, с жадностью терзая мои распухшие губы. Все медленнее отпускал. Все чаще начинал прикусывать кожу. И все ближе к себе притягивал, настойчиво обвивая хвостом и заставляя вплотную прижиматься чувствительными чешуйками к его твердому животу.

Но я нашла способ отомстить. Уже под утро, но придумала, как он расплатится за свою насмешку. И, дождавшись, когда будет изучена последняя руна, с громким рыком опрокинула его навзничь, целуя уже сама. Так же яростно. Жадно. Неосторожно впиваясь клыками в ставшие на удивление податливыми губы. Неистово нахлестывая его кожу хвостом. С силой стискивая его бедра своими. Размеренно задевая ягодицами самые нежные чешуйки и доводя его этим до неистовства. А когда он, распалившись до предела, рывком опрокинул меня на спину, я совершила – таки свою жуткую месть – в последний момент с тихим смехом растаяла, успев напоследок шепнуть:

– Спокойного дня, Княже. Прости, но мне пора возвращаться...

– Шмуль, у меня для тебя хорошая новость! – возвестила я, когда с занятиями было покончено и мы с Улькой ближе к вечеру заявили в их с Мартином комнату.

Зырян, который тоже тут частенько квартировал, радостно махнул нам рукой, мечтательно смотрящий в потолок ангел встрепенулся, а фей, как раз раздумывающий, чем бы заняться, покосился на меня с подозрением.

– Это какая же?

– Я кое-что выяснила насчет родовых проклятий, – заявила я,

с грохотом захлопывая дверь.

Скучающая рожица Шмуля мгновенно приобрела заинтересованное выражение.

– Ну-ка, ну-ка... Марти, освободи даме место – ты и на столе поместишься!

Недоумевающий ангел послушно перебрался с единственного стула на стол, а я, благодарно кивнув, плюхнула перед ним тяжелую книгу, которую после обеда успела умыкнуть из библиотеки.

– Это – «Основы наложения проклятий», – гордо возвестила я, шустро пролистывая страницы. – И тут есть пара абзацев, посвященных родовым проклятиям, со ссылкой на тот справочник, что мы недавно упустили... Где ж они были? Совсем недавно видела... Нет, не здесь, наверное, дальше...

– Ты погоди листать. Ты словами перескажи, – нетерпеливо спикировал вниз Шмуль, и на стареньком столе совсем не осталось места.

Я с готовностью уселась на скрипучее сиденье и кивнула.

– Лады. Суть в том, что любое родовое проклятие – это проклятие высшей степени с прямым направленным воздействием, согласны?

– Само собой, – с умным видом протянул Зырян, облокотившись на жалобно скрипнувший подоконник. – Иначе в потомках не закрепится.

– А еще во всех книгах говорится, что проклятия такого уровня – неснимаемые.

Шмуль настороженно коснулся корешка.

– Я тоже слышал. Но засомневался, потому что, как ты говорила Кобре, в этом случае проклинательница, скорее всего, погибла бы, а мне совершенно точно известно, что она не пострадала. Поэтому я и решил, что есть какая-то лазейка и, возможно, не все родовые проклятия нельзя снять.

– Ты был прав, – довольно улыбнулась я, выразительно похлопав по толстому корешку. – И я совсем недавно это выяснила.

– Дай я тоже посмотрю, вдруг ты что-нибудь упустила? – тут же загорелась Улька и, с трудом взвалив толстенный фолиант на плечо, единолично заняла мартиновскую кровать. – Ты давай рассказывай, мне тоже интересно послушать, а я пока буду искать и, может, что-то еще добавлю...

– Вообще-то я читал эту книгу, – неожиданно нахмурился фей. – Но не помню, чтобы там было что-то толковое.

Я пожала плечами.

– Мелким шрифтом написано, потому и не найти никак. Жаль,

я сглупила – закладок не оставила. Но, если поверишь мне на слово, готова пересказать почти дословно.

В глазах Шмуля мелькнуло сомнение, но он все же кивнул.

– Давай. Все равно другие варианты не сработали.

– Я нашла одно место, где говорится об отсроченных проклятиях девятой ступени, способных воздействовать на род аналогично тем, что относятся к десятой, – торжественно сообщила я. – При этом силы на него затрачивается гораздо больше, эффект тот же, но риски для проклинателя сведены к минимуму.

– Такого не бывает! – протестующе вскрикнула баньши. – Ступень не может меняться. Законы мироздания нерушимы!

– Я не говорю о смене ступени. А всего лишь сообщаю, что есть родовые проклятия, которые не относятся к высшим. Чувешь разницу? А раз так, то они подчиняются общему правилу снятия...

– Которое утверждает, что снять проклятие должен тот, кто его наложил, – деревянным голосом закончил Шмуль. – Хель, а ты уверена, что это – мой случай?

Я пожала плечами и честно ответила:

– Нет. Но я натолкнулась на описание очень похожего родового проклятия, затрагивающего темную кровь, поэтому и притащила талмуд сюда... Улька, не рви страницы! Если ты что-нибудь испортишь, нам головы открутят!

– Я не могу найти, где ты такое увидела. Оглавление пустое, – раздраженно отозвалась баньши, ожесточенно листая книгу. – Где это было, Хель? В какой главе?

– Понятия не имею, – так же честно призналась я, умолчав о том, что имела в виду совсем другой учебник, о котором некоторым знать не следовало. – Но если книга не врет, то у Шмуля есть еще шанс почистить кровь и стать обычным светлым.

Фей с гудением поднялся в воздух и возбужденно заметался под потолком.

– Шансы... не так уж они и реальны, потому что тут слишком много «если»... И вообще, ты можешь ошибаться, проклятие может быть совсем другим... А если и похожим, то за столько лет его эффект мог стать стойким...

– У девятой ступени он не бывает стойким, – тут же отреагировала всезнающая Улька. – Максимум тысяча лет, не больше.

Шмуль фыркнул.

– Нас проклинали три поколения назад, так что все только начинается.

Будет хуже, если проклинательница за это время померла.

– Демоны живут долго, – возразил Васька, с удобством расположившийся на верхней койке. – Но, если что, можно попросить мертвологов нам помочь. Уль, чему вас там Личиана учит? Это реально – призвать душу мертвого демона?

– Угу.

– Тогда демоницу нужно найти! – Шмуль заметался еще быстрее. – Хотя бы для того, чтобы спросить, какое проклятие она использовала. Если оно девятой ступени, ее можно будет убедить или купить. А если нет... это же элементарно, демонов хвост! Почему я не подумал раньше?!

– Вообще-то, – дипломатично заметила я, – демоницу можно и призвать, если ты забыл. Это намного проще, чем обыскивать все миры в поисках невесты когда пропавшей гадины. Особенно если она успела помереть от старости или погибла по неосторожности.

– Для вызова желательно знать ее имя, – вставил свое веское слово ангел.

– Да, – поддакнула баньши. – И нарисовать очень сложный круг для призыва, с которым я пока не справлюсь.

Шмуль, перестав маячить у нас перед глазами, двумя руками зарылся в свои короткие волосы и растерянно обернулся.

– Почему сложный?

– Ну, она же как-то смогла наложить проклятие высокой ступени. Если бы не боялась отката, наверное, и высшего бы сумела, правда? От девятого уровня до десятого совсем недалеко. А значит, демоница вам попалась сильная и опасная. Думаешь, ей понравится, если мы выдернем ее из Преисподней без согласия?

Я со знанием дела закивала.

– В пепел развеет, это точно. Или на куски порвет. А если прибудет в темной ипостаси – скорее всего, так оно и получится, – мы сто раз пожалеем, что вообще с ней связались. Улька права, защитный круг надо рисовать самый большой и сложный.

Шмуль устало опустил обратно на стол и, подперев рукой подбородок, печально вздохнул.

– Значит, шансов нет?

– Почему? – оторвалась наконец от книги баньши. – Если даже Хель говорит, что круг – это вариант, значит, надо пробовать. Только мне ингредиенты нужно кое-какие достать и у Личианы совета спросить – она тетка опытная, может, что подскажет.

– Точно! – подпрыгнул фей, и в его глазах снова загорелась надежда. –

Спроси, Уль, я тебе должен буду!

– Да иди ты... телепортом, – отмахнулась от него баньши. – И учти, призывать демоницу будем, когда я стану сильнее, – это раз. И когда закончим УННУН – это два. То есть как минимум через три года. За это время нам придется добыть много чего необходимого для призыва, а кое-где и кровушкой своей расплатиться. Если вас это не пугает...

Она обвела строгим взглядом все нашу компанию, но мы только переглянулись и одновременно пожали плечами. Подумаешь, кровушка... Ради друзей шкурой рискуют, а тут какие-то несколько капель.

– Три года – это не тысяча, – просиял Шмуль, когда с молчаливого согласия группы план по его спасению был принят в разработку. – Три года я как-нибудь потерплю. Спасибо, Уль! Спасибо, ребят! Честное слово, я так вам буду благодарен...

От избытка чувств он спланировал баньши на колени и порывисто затряс ее руку, отчего, естественно, Улька выронила учебник, и тот с торжественным стуком захлопнулся.

– Ну вот, – расстроилась баньши. – Я опять страницу потеряла!

– Ничего страшного. Потом найдешь, – рассмеялась я, вставая и подбирая книгу, которую намеревалась поутру благополучно где-нибудь «потерять». – И вообще, нам спать пора.

Улька огорченно вздохнула, но послушно поднялась.

– Спать так спать...

А затем оправила юбку и, услышав первый удар колокола отбоя, поспешила на выход.

Глава 14

– А ты умеешь быть жестокой, – негромко сказал Темный Князь, бесшумно возникая из темноты и останавливаясь в нескольких шагах от разобранной постели.

Я без спешки отложила книгу о проклятиях, с которой коротала время, спустила ноги на пол и спокойно, словно не чувствуя изучающего взгляда супруга, выпрямилась. Обнаженная, невозмутимая и ничем не напоминающая ту обезумевшую от страсти хищницу, которая так взбудоражила его прошлой ночью.

Страшно мне не было – за прошедший день он успел успокоиться, и в его глазах не горело знакомое бешенство. А если и чувствовалось некое напряжение, то лишь оттого, что он перестал меня понимать.

– Я умею быть разной, Княже, – так же негромко ответила я, уверенно встретив его пронизывающий взгляд. – Вы ведь знаете – в этой ипостаси я такая, какой вы хотите меня видеть. Все, что во мне есть, – лишь отражение ваших желаний.

Он неуловимо быстро скользнул ближе и, подцепив когтем мой подбородок, заставил поднять голову.

– А какая ты настоящая, Ри? Мне интересно, сколько в тебе сейчас от самой себя?

Я улыбнулась.

– Столько, сколько вы позволите.

– Я же велел называть меня на «ты», – нахмурился он, беспокойно дернув хвостом, и я тут же опустила глаза, выражая смирение.

– Прости, Княже. Я забылась.

Он помолчал, раздумывая, стоит ли меня наказывать за вчерашнее, и если да, то как именно, но потом все-таки убрал когти. Перестал подозрительно сверлить меня глазами. После чего властно притянул к себе и, предупреждая укол хвостом в спину, потребовал:

– Проси еще.

На этот раз я подготовилась лучше и не была застигнута врасплох странным требованием, поэтому молитвенно сложила руки на груди и, не замешкавшись ни на миг, с чувством пропела:

– Прости, драгоценный Князь мой, за то, что я не могу быть полностью тебе покорной. Прости, что я посмела тебя разозлить. Прости за то, что мне пришлось так быстро тебя покинуть. И за то, что я

не вернулась, когда ты этого возжелал. Прости, мой муж, что я не могу быть с тобой все время. Прости, что мне постоянно приходится исчезать. Прости, что от меня это не зависит! И снова прости... прости... прости...

Потеревшись щекой о его подбородок, я с удовлетворением отметила, как с каждым словом все больше расслабляется лицо мужа и как уходит из его тела напряжение. Как медленно опускаются кожистые веки, словно для него сейчас было важнее слушать, чем смотреть. И постепенно разжимаются впившиеся в мою кожу пальцы, начиная ее не мять, как поначалу, а рассеянно поглаживать.

Желая закрепить успех, я коснулась губами его ключицы и совсем тихо прошептала:

– Прости, мой Князь, что тебе приходится уделять мне время...

Он вздохнул.

– Прости, что вынуждаю тебя отрываться от важных дел...

Он медленно и неохотно опустил плечи.

– Прости за все, Княже. Очень тебя прошу... и буду просить столько, сколько ты пожелаешь.

– А ты коварна, женщина, – наконец открыл глаза Темный Князь и посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом. – Но мне нравится, как ты просишь. Не думай, что ради тебя я от чего-то отказываюсь, – дела в Преисподней, если ты помнишь, делаются исключительно в темноте.

Я недоуменно вскинула голову.

Как это? В наших мирах разные временные рамки? Но тогда... ой-ой-ой... тогда понятно, почему он каждый раз приходит таким взбудораженным.

– Княже, неужели я отрываю тебя от дневного сна? – воскликнула я, в шоке воззрившись на бесстрастное лицо Князя. И совершенно искренне повторила: – Прости! Я не знала!

– Я могу долго обходиться без отдыха, – неожиданно усмехнулся он и провел тыльной стороной ладони по моей щеке. – А вот ты, женушка, кажется, слишком давно покинула дом, раз перестала ощущать смену дня и ночи в родном мире. И это плохо – значит, ты скрываешься от меня не здесь.

Я вздрогнула, а он порывисто прижался губами к моей шее и, стиснув меня в железных объятиях, проорчал:

– Ты хорошо сумела спрятаться. Полагаю, мои слуги напрасно обыскивают Преисподнюю, спрашивая о тебе в соседних княжествах и в Суккубском герцогстве. Но рано или поздно кто-нибудь все-таки вспомнит твой необычный дар, и тогда я заполучу тебя всю, целиком,

а не только темную половину, которой мне уже не хватает...

Мою спину осыпало морозом.

Создатель, я чуть не забыла, что Князь настойчиво меня ищет! Но ничуть не сомневаюсь, что он перевернет вверх дном все миры, пока действительно не найдет.

Однако я не зря приложила столько усилий, чтобы оказаться в УННУНе. И не зря так долго обивала пороги всевозможных академий, чтобы сперва в них с радостью попасть, а через некоторое время с громким треском вылететь. К сожалению, УННУН не принимал в свои стены всех подряд – в него можно было поступить, лишь оказавшись на пороге отчаяния, когда действительно некуда пойти и больше некуда деваться.

Я потратила два с половиной года, чтобы заполучить в свои руки долгожданное приглашение. Побывала в большинстве учебных заведений для демонов, откуда меня с завидной регулярностью вышибали за неуспеваемость и хамское отношение к руководству. Я так старательно поганила свою репутацию, что вскоре меня перестали пускать на порог даже самых захудалых школ. Но я пробовала снова и снова, пока в один прекрасный день не поняла, что больше меня никуда не возьмут, и не обнаружила в изголовье крохотный черный конвертик.

УННУН стал для меня домом и одновременно убежищем. В его стенах я наконец обрела ту самую защиту, о которой так долго мечтала и которую нельзя было получить ни у одного, даже самого влиятельного покровителя. Из этого мира даже Темный Князь не сумеет меня выцарапать. Не говоря уж о том, что маменьке с ее грандиозными планами больше ничего не светит.

– Ты почти не испугалась, – не отрываясь от моей шеи, промурлыкал супруг, когда я закрыла глаза и замерла, позволяя ему делать все, что заблагорассудится. – Полагаешь, у меня не получится? Настолько уверена в своих силах? Очень самонадеянно с твоей стороны, женушка. Впрочем, не важно, так даже интереснее...

Пользуясь тем, что он не видит, я мимолетно улыбнулась.

Ищи-ищи, Княже. Я замела следы так тщательно, что даже твоим ищейкам их не сыскать. За годы изгнания я не пользовалась Светом ни разу. Да и в УННУНе о моих способностях не знает никто, кроме пятерки друзей, хитроумного, но уже доказавшего свою надежность целителя, одной старой жабы и трехсотлетнего умертвия, которое, полагаю, умеет хранить секреты. Так что эти ниточки для тебя оборваны, дорогой муженек.

В герцогстве моих следов тоже не осталось – маменька собственноручно вырвала языки всем, кто видел и знал про плененного ею

ангела. Ее же стараниями никто, даже мои сестры, не поняли, что за дар я унаследовала от отца. Светлую ипостась я, проникнувшись маменькиной осторожностью, ни разу, кроме того досадного случая, при посторонних не демонстрировала. Так что, если кто и помнил, что была у мамули младшая дочь со звучным именем Хельриана, которая впоследствии исчезла, это точно не суккуба-полукровка Ри, которую ты будешь искать.

Наконец утолив необъяснимую жажду прикосновений, Темный Князь с довольным рыком отстранился. С подозрением оглядев мое безмятежное лицо, сорвал напоследок еще один яростный поцелуй. Убедился, что я действительно не противлюсь. Жадно зарылся когтистой пятерней в мои длинные волосы и, только пропустив их между пальцами, окончательно уgomонился.

– Проси, – шумно выдохнул он, с протяжным рыком растянувшись на постели. – Что хочешь проси – я тобой сегодня доволен.

Я спрятала улыбку.

– Можно я рядом посижу? Почитаю, пока ты отдыхаешь?

Он поскреб когтями грудину и благодушно кивнул. А когда я, примостившись у него в ногах, снова взялась за книжку, пощекотал кончиком хвоста мою голень и вкрадчиво предложил:

– Может, научить тебя еще чему-нибудь полезному?

Я на мгновение оторвалась от текста и, одарив его понимающей улыбкой, покачала головой.

– Спасибо, Княже. Мне пока хватит того, что есть.

– Тогда, может, хочешь освоить удар хвостом? Я покажу...

– Разве что когда ты сбросишь усталость, – снова качнула головой я. Дневной сон для демонов – это святое. Это мне приходится бодрствовать в любое время суток, но я уже привыкла, а муженьку необходим полноценный отдых, иначе рано или поздно он начнет слабеть. – Отдыхай, Княже. Я тебя не потревожу. Но, если хочешь доставить мне удовольствие, забрось сюда какие-нибудь книги по оборотничеству. Меня эта тема давно интересует, а нужного материала под рукой нет. Ты поможешь?

Он чуть прищурился, и в углу моментально материализовалась стопка книг.

– Спасибо, – снова улыбнулась я, наклонившись вперед и осторожно погладив его крыло. А затем бесстрашно подвинулась ближе, оперлась спиной на согнутое бедро и снова уткнулась в книгу, продолжая рассеянно почесывать тонкую перепонку и делая вид, что не слышу раздавшегося сзади довольного сопения.

Какое-то время демон лежал, настороженно к чему-то прислушиваясь

и внимательно за мной наблюдая, но потом все-таки прикрыл веки и расслабился. А я, покосившись на его спокойное лицо, только хмыкнула про себя и бесшумно перелистнула страницу. Помимо родовых проклятий девятого уровня в справочнике оказалось немало других интересных вещей...

– Завтра я не смогу прийти, мой Князь, – сообщила я, когда мое время почти истекло.

Клац!

Недавно проснувшийся супруг, только что сыто жмурившийся и показывавший зубы в смачном зевке, звучно сомкнул челюсти и, моментально вскочив, мощным рывком опрокинул меня на спину.

– Что?!

– Я не смогу к тебе прийти, – тихо, но твердо повторила я, глядя на нависшего сверху мужа снизу вверх. Недавнее благодушие слетело с него вместе со сном, и теперь на меня снова смотрел раздраженный, подозрительный и готовый сорваться в любой миг демон. – Прости.

В его глотке зародилось глухое рычание, а гибкий хвост с силой хлестнул воздух.

– Почему ты не придешь?

– У меня встреча.

– Где? С кем? – свистящим шепотом поинтересовался он, сузив глаза. А потом снова рявкнул: – Кто смеет к тебе прикасаться, кроме меня?!

Я поморщилась – когти больно царапали кожу.

– Княже, не злись. У меня встреча не с мужчиной, а с пожилой и весьма начитанной дамой, которая пригласила меня в гости.

– Ночью?

– Да. Она плохо переносит дневной свет.

У Князя недовольно раздулись ноздри.

– Она что, демоница? – на тон тише рыкнул он, продолжая буравить меня подозрительным взглядом. – Вампирша? Ведьма?

– Нет. Но тоже ведет ночной образ жизни. А мне очень нужно с ней поговорить.

Он чуть ослабил хватку и все еще недовольно спросил:

– Зачем?

Я чуть шевельнула плечами, на которых расцвели глубокие царапины.

– Моего хорошего знакомого проклинали, и теперь он хочет избавиться от последствий. А проклинали его хитро – в книгах про такое мало написано. Но дама, с которой я должна встретиться, много чего успела повидать,

поэтому я и хочу у нее спросить – сможет ли она помочь?

– Что за знакомый? – снова насторожился Князь.

– Фей-полукровка.

– Мм... ты поэтому просила эту книгу? – Демон покосился в сторону упавшего справочника. – И поэтому хотела изучить простейшие стихийные знаки?

– Да, – кивнула я, и только тогда он успокоился. Но потом снова прищурился и, проведя когтем по моему горлу, вкрадчиво спросил: – А скажи-ка мне, женушка, этого фея случайно не Мартином зовут?

Я чуть не фыркнула.

– Ну и ревнив же ты, Князюшка! Не волнуйся, никто на твою добычу не покушается. Ни фей, который не вышел для меня ростом, ни тем более Мартин, который посмотрит на меня как на женщину еще очень не скоро. Ты ведь не думаешь, что я живу посреди глухого леса в избушке на врыдловых ножках? И света белого не вижу, страшась, что ты, Князюшка, вдруг пролетишь однажды поверху и ненароком меня заметишь? Рядом со мной постоянно находится довольно много разумных. Причем и мужского, и женского пола. И проблемы некоторых, чтобы ты знал, имеют для меня большое значение. Поэтому завтра я собираюсь пожертвовать чудесным вечером в твоих нежных объятиях ради сомнительного удовольствия побеседовать со старым умертвием. И если ты даже такую собеседницу начнешь подозревать в стремлении забраться мне под юбку... Прости, Княже, – я в тебе разочаруюсь.

Он озадаченно щелкнул зубами и наконец убрал когти.

– Умертвие?

– Да, – страдальчески поморщилась я. – Отличная собеседница для твоей законной супруги.

– А почему ты не спросишь у меня то, что хотела спросить у нее? – снова нахмурился он.

– Потому что не хотела тебя тревожить – это раз. Потому что встреча уже давно назначена – это два. Наконец, потому что мадам Лициана – крайне памятливая особа и, если я не отвечу на ее любезное приглашение, может больше не пустить меня на свое кладбище. А у меня там травы полезные скоро расти будут. Как я их тогда получу?

– Зачем тебе трава на кладбище? – опешил демон.

– Продавать.

– Кому?

– А кто купит, – хмыкнула я, стирая с зажившей царапины корочки подсохшей крови. Быстро заживать стало. Не иначе Князюшка со своими

желаниями... чтоб его... постарался. – На обычном кладбище сажать нет смысла – обязательно кто-нибудь уворует к следующему полнолунию, а мадам Лициана охраняет свои владения так, что даже мышь незамеченной не проскочит. Поэтому я собираюсь предложить ей за небольшую плату или равноценную по стоимости услугу вскопать пару грядочек где-нибудь в углу, на которых она может потом дрессировать своих мертвяков.

Князь отступил, позволяя мне сесть, и задумчиво шевельнул крыльями. А потом с нескрываемым подозрением осведомился:

– Чем ты занимаешься, Ри? На что живешь?

Я снова хмыкнула.

– Да как получится. Травки ращу, зелья варю, неверных мужей отпугиваю, чтобы женам изменять не смели... Простой суккубе, чтобы выжить, нужно крутиться, как зомби в мясорубке.

– Простая суккуба добывает все, что ей нужно, своим телом, – отрезал муж. – А у тебя давно никого не было. И уже не будет, за исключением меня.

Последние слова он произнес с нескрываемой угрозой, но я только улыбнулась.

– Я уже поняла, Княже: или ты, или смерть.

– Вот именно. Расскажи мне о Мартине, – потребовал он. – Кто он? Почему ты звала его, когда явилась ко мне полумертвой? И почему с твоих губ слетело его имя, когда чуть позже я нашел тебя мертвецки пьяной?

Я неловко кашлянула.

– Извини. Я не думала, что меня в таком состоянии сюда затянет. А Мартин... это друг.

– Р-р-ри-и... – предупреждая зарычал демон.

– Хороший друг, – упрямо продолжала я, словно не замечая, что он зарычал громче. – Ты хотел услышать правду или нет? Или, может, сразу шею мне свернешь, чтобы я была поговорчивее?

Демон сжал кулаки и сухо велел:

– Не провоцируй меня, женщина!

– Мартин – ребенок, – с укором посмотрела я на раздраженного Князя. – Наивный, беззащитный и одинокий. Без меня он погибнет, поэтому я его берегу. Только и всего.

Его темнейшее лицо брезгливо поморщилось.

– Зачем он такой нужен: мелкий, никчемный, слабый?

– Он спас мне жизнь, – просто сказала я. – А теперь я спасаю его.

– То, что ты его звала, как-то связано с тем, что ты сбежала от меня раньше времени? – быстро сложил два и два демон.

Я неохотно кивнула.

– Да, Княже. Когда нужно, Марти умеет меня разбудить.

– И, если ты позовешь его сейчас...

– Я проснусь, – подтвердила я, чтобы у него не возникло иллюзий.

– Мартина твоего убью, – буднично сообщил супруг, снова опускаясь на подушки. – Друг, который отбирает тебя у меня, тебе не нужен.

Ах ты...

Я чуть не выдала резкость, которая уже давненько вертелась на языке, но в последний момент остановилась. Не надо его провоцировать. Проблему это не решит, а будет только хуже. Проверено опытным путем.

Так. Вдох. Выдох. Успокоиться. Не злить и не перечить... не перечить и не злить... В рамочке себе на стену эту фразу повешу. И буду каждый день читать перед сном, чтобы больше не забыть.

– Кто тебя тогда поранил? Откуда были ожоги? – так же буднично осведомился демон, когда убедился, что возмущаться и говорить гадости я не буду. – Кто посмел поднять на тебя руку?

Мне все-таки удалось вернуть утраченное спокойствие.

– Никто, Княже. Собственный Свет покалечил.

– Он причиняет тебе боль? – с недоумением приподнялся на постели супруг.

– Конечно. Я же темная, хоть и наполовину. Кто меня от него защитит?

Князь сдвинул брови к переносице и, нахмурившись, неопределенно шевельнул пальцами.

– От кого ты защищалась, раз рискнула призвать Свет?

– От смерти, Княже, – вздохнула я. – От смерти. Хотя, может, это того и не стоило.

– Тебе что-то угрожает?

– Разве что ты...

Демон так же неожиданно успокоился.

– Мне можно. Ты – моя женщина. Сам пораню, сам и исцелю.

– Так тыпустишь меня? – вернулась я к самому важному, пока разговор не ушел далеко в сторону. – Я могу сходить в гости, надеясь, что ты меня потом за это не убьешь?

Князь на мгновение задумался. И, судя по недовольно сдвинутым бровям, думал как раз о том, что в принципе я могла бы и не спрашивать – не пришла к нему на встречу, и все. Его бы это, разумеется, разозлило, но я в своем праве – вернуться с гарантией я обещала только прошлой ночью, а на последующие он с меня обещаний не требовал.

– Можешь, – наконец решил он и тут же предупреждающе

оскалился: – Но послезавтра я проверю, была ли ты мне верна! И у меня будет два условия: первое – ты всегда будешь приходить сюда, когда я потребую...

Я покачала головой.

– Княже, прости великодушно, но иногда мне будет нужно отлучаться. Мои дела не сделаются сами по себе.

– Женщ-щина...

– Но я всегда буду предупреждать тебя, если не сумею появиться. Клянусь Тьмой, что это будут отлучки строго по необходимости. А остальные ночи я посвящу исключительно тебе.

– С-соглас-сен, – все еще раздраженно прошипел Князь. – И второе условие: ты поцелуешь меня... Не спорь, женщина! Ты поцелуешь! И так, чтобы я остался доволен!

– Какой поцелуй ты хочешь получишь, твое темнейшество? – смиренно спросила я, посчитав, что это еще не самый плохой вариант. Мог ведь потребовать удовлетворить его иным образом, верно? Причем не нарушая моей клятвы. – Нежный или жесткий? С болью или с наслаждением? Короткий или долгий? Что ты хочешь, мой муж? Скажи, и я сделаю, как ты скажешь.

– Поцелуй меня так, как если бы любила! – приказал он.

Я дрогнула от удивления, но послушно склонила голову. А затем подобралась ближе и, закрыв глаза, медленно наклонилась к его губам.

Глава 15

– Хель, а что это у тебя на шее? – с подозрением осведомилась Улька по дороге на кладбище.

Я, раздраженно поморщившись, рывком поправила ворот.

– Синяк.

– Откуда?

– Какая тебе разница? – хмуро ответила я, на всякий случай чуть ускорив шаг, чтобы подруга не всматривалась.

– А по-моему, это засос, – гаденьким до невозможности голосом заявил кружащий над нами Шмуль. – На синяк это не очень похоже.

Я зыркнула на него снизу вверх.

– Я сказала синяк, значит, синяк.

– Засос! – хихикнул подлый фей и на всякий случай взмыл высоко вверх, откуда и гаркнул на всю округу: – Ура-а! У нашей Хельки наконец-то появился ухажер! Гы-ы-ы!

Я сузила глаза, уже пожалев, что взяла его с собой к Личиане. Рассудила, понимаешь ли, что его, поганца, это тоже касается и, дождавшись, когда у баньши начнется очередной урок, потащила с собой. А ему, видите ли, весело. Смешно подлецу. А то, что мне даже лечебные притирания почти перестали помогать, ему невдомек, хотя я уже все запасы извела!

– Хе-э-эля, – настороженно протянула Улька. – У тебя что... правда кто-то есть?

– Муж у меня есть! И больше никого не надо! – рывкнула я, не сдержавшись, и ускорила шаг, а баньши озадаченно замолкла.

День у меня не задался с самого утра, начиная с того, что на теле опять проступили все следы, что оставил моей темной ипостаси настойчивый муженек. Если бы у меня-змеюки не была такая прочная кожа, поутру я бы и вовсе проснулась покалеченной. Там, где *она* получала всего лишь синяк, на человеческом теле осталась бы приличная рана, а вместо крохотных, почти мгновенно заживающих порезов от когтей – самые настоящие шрамы. Но мне за последние дни пришлось вылить на себя столько всевозможных эликсиров и бальзамов, что скоро опять придется обращаться к Йержу! А денег-то почти не осталось. К тому же от некоторых укусов не спасали даже мази, и сегодня мне пришлось хитрить, чтобы прикрыть исцелованную до синяков шею. Но и это не особо

помогало.

Расстроенная этим обстоятельством, я с самого утра была на взводе, срывалась на друзей, рычала на попадавшихся под руку малолеток, шипела на мелькавших и тут же пугливо исчезающих в коридоре бесов, и вообще чувствовала себя так, будто схожу с ума. Васька, почувствовав мое настроение, сразу после уроков сбежал в лес, вроде как подружка у него какая-то объявилась. Зырян благоразумно составил ему компанию – в смысле травки новые собирать отправился и пережидать в стороне мое раздражение. Шмуль до самого вечера тоже куда-то запропастился и появился, только когда совсем стемнело. А Улька вообще ничего не понимала и поэтому утомляла больше всего.

Последняя просьба Князя далась мне нелегко. Более того, она заставила меня усомниться в себе, поколебала уверенность в собственных силах. И это бесило больше, чем несколько десятков свежих засосов по всему телу, которые я так и не смогла вывести.

Поцелуи бывают разные: поцелуй-благодарность, поцелуй-формальность, поцелуй-предложение, поцелуй-желание. Бывают поцелуи откровенно пошлые, болезненные и даже поцелуи-загадки, когда женщина сама не поняла, что именно хочет от мужчины. Но Князь пожелал получить поцелуй, выражающий любовь. Он потребовал, чтобы я подарила ему то, чего у меня не было. И то, чего я совсем не хотела ему дарить.

Поцелуй любви нельзя описать – для каждой пары он особенный и неповторимый. Он может быть трепетным или страстным, неуверенным или, наоборот, напористым. В него войдет все, что хотела бы сказать влюбленная женщина своему единственному мужчине. Ее радость от того, что он близко. Ее желание доставить ему удовольствие. Благодарность. Нежность. Забота. Искреннее стремление открыться, отдать себя целиком, и беззвучное, предназначенное только для него подтверждение: «Да, я твоя!», которого он так ждал.

Поцелуй любви это в первую очередь признание, будящее во влюбленных те удивительные, заставляющие замирать сердце чувства, которые из года в год возвращаются и охватывают обоих, словно в первый раз. Это прекрасные чувства, воспеваемые в песнях и легендах. А может, не столько чувства, сколько мечта?

Проблема в том, что моя вторая ипостась – это воплощение того, что мужчина хочет увидеть в женщине. Строение тела, цвет волос, длина ногтей, острота клыков – все во мне станет таким, чтобы максимальным образом удовлетворить его желания. Включая настроение и даже стремление ему угодить.

Я – суккуба. Это – моя суть и мое же проклятие. Поэтому я никогда не лгу – я лишь в точности повторяю. И ничего не подделываю, а просто отражаю то, что есть в других. Когда Князь пожелал любви и захотел понять, что это такое, мне пришлось ему ее дать и ощутить то, чего ощущать в отношении него ни в коем случае не стоило.

Проснувшись поутру и обнаружив, что чувства, испытанные темной ипостасью, почти целиком передались мне, я пришла в растерянность. Такого предательства я от себя не то что не ожидала – даже предвидеть не могла. И пусть эти чувства не продлились долго, пусть уже к вечеру все забылось как страшный сон, но сознание того, что это *было*, выводило меня из себя.

– Хеля, ты в порядке? – еще осторожнее, чем раньше, спросила Улька, когда вдалеке показалась знакомая ограда. – Может, сегодня не пойдешь? Может, тебе лучше поспать?

Кому? Мне?!

Задавив рвущийся наружу истерический смех, я усилием воли все-таки взяла себя в руки.

– Нет, Уль. Пропуск на кладбище нам дали всего на месяц, а Жаба на днях намекнула, что может его отнять, так что я не хочу терять время. До конца месяца у тебя осталось всего два занятия, а нам надо много чего выяснить. Шмуль, ты где?

Над моей головой застрекотали маленькие крылья.

– Прости, Хель, – неловко шмыгнул носом фей. – Я не подумав брякнул.

– Иди, Личиану буди, – отмахнулась я, показывая, что простила, и он, прибодрившись, сиреновой стрелой улетел вперед.

Скоро над кладбищем раздался громкий стук молотка.

– У нас сегодня спаренные занятия со старшекурсниками, – почему-то шепотом призналась баньши, дернув меня за рукав. – На четвертом вампирша одна есть, любит про тебя гадости говорить... Но ты не обращай на нее внимания, ладно?

Я хищно раздула ноздри и кровожадно огляделась. Настроение было в самый раз, чтобы кого-нибудь убить.

– Так. И где эта смертница?

– Не надо, Хель! – Улька молитвенно сложила руки. – Только драки тут не хватало! Личиана тебя тогда и слушать не захочет, так что просто не обращай внимания. Пожалуйста!

Я неожиданно даже для себя рыкнула:

– Посмотрим! А Личианы не бойся – ты в любом случае

не пострадаешь.

Баньши только печально вздохнула, но больше не пыталась спорить. Так что к калитке мы подходили в угрюмом молчании, думая каждая о своем. Возле ограды, как и сказала Улька, уже стояла кучка студентов в защитных черных балахонах. Двенадцать разумных: четыре мага, судя по зажатым под мышками книгам с заклинаниями, семеро темных различного происхождения, из которых только двое были женского пола, и еще одна... весьма привлекательная вампирша с белым как снег лицом, запоминающимися алыми радужками и выступающими из-под верхней губы острыми клычками.

При виде меня обладательница редкого для вампиров белого цвета волос хищно сузила глаза.

– Кто пустил сюда посторонних?!

Улька вздрогнула, инстинктивно вжимая голову в плечи, а кучкующиеся студенты одновременно обернулись. Нас с баньши пристально оглядели. Ульку признали и даже кивнули (видать, не первый раз Личиана объединяет группы), а меня осмотрели с удвоенным интересом.

С вампиршей мы раньше не сталкивались. В смысле я ее мельком раньше видела, но ни имени, ни способностей ее не знала. Поэтому разглядывала ее с любопытством, а по итогам изучения пришла к неутешительным выводам: красива, знатна, неуравновешенна и опасна.

И чем я ей не угодила?

– Что ты здесь забыла?! – с ходу прошипела красотка, едва мы приблизились.

Я очаровательно улыбнулась.

– Не твое дело, милочка. Клычки, кстати, надо регулярно подпиливать – мальчиков напугаешь. И губу оттопыренную почаще подбирать, пока не наступила. Негоже представительнице древнего аристократического рода в таком виде на людях появляться. Репутацию слюнями намочить можно.

– Хель... – беззвучно простонала Улька, в ужасе схватившись за голову. – Ну я же просила!

Вампирша угрожающе оскалилась и пригнулась, словно намеревалась напасть. Толстая коса за ее спиной тяжело качнулась, в ней блеснули искусно вплетенные в волосы серебряные иглы.

– Ты, суккубское отродье...

– Хм, – на мгновение задумалась я. – Обычно это слова неудачниц, проигравших нам поединок за мужскую душу. Разве я у тебя кого-то увела,

милочка? Напомни, будь добра, а то у меня в голове все перепуталось.

– Асака, не надо! – вскрикнул кто-то из парней-магов, когда она угрожающе качнулась вперед, и среди студентов тоже произошло волнение.

Вампиршу придержали, оттерли от меня подальше, но тяжелого гипнотизирующего взгляда она от меня так и не отвела.

– Хель, что за дела? – тут же материализовался вернувшийся от склепа Шмуль. – Что этой врыдле крашеной от тебя надо?

Вампирша уставилась на него налитыми кровью глазами.

– Как ты с-смеешь...

– Помолчи, убогая. На тебя смотреть страшно, не то что рядом летать. Хелечка, ты в порядке?

Я хмыкнула, а белокурая прошипела, с ненавистью следя за нарезающим над ней круги феєм:

– Тебе не жить, мелкий!

– Во напугала! Да я и нежитью смогу тебе подгадить, – удивился Шмуль и, зависнув над головой красотки, демонстративно оттянул лямку своих штанов, доведя тем самым вампиршу до озверения.

– Хель, ну не надо, – едва не заплакала Улька. – Шмуль, прекрати! Все вы прекратите! Хватит!

– Что тут происходит? – величаво выплыла из склепа госпожа Личиана, на корню пресекая любые конфликты.

Студенты тут же выстроились перед калиткой в две шеренги и вытянулись, как верные бойцы перед отцом-командиром. Разъяренная вампирша, чуть не подавившись от бешенства, заняла ведущее место в первом ряду, Улька, напротив, пристроилась в самый конец. Еще один мальчик-маг, которого я помнила по нашему курсу, молча составил ей пару. И только мы со Шмулем остались там, где стояли, с почтением воззрившись на неторопливо подлетающее умертвие.

– Чего шумите? – прострекотала она, окидывая цепким взглядом учеников. – Кладбище тишину любит, покой... Марш на практику, бездельники! По семь поднятий и упокоений каждому! Начали!

Мертвологи, ровно чеканя шаг, проследовали по дорожке к склепу, похожие на одинаковых солдатиков, а госпожа Личиана с удивлением оглядела нас с феєм.

– Явилась-таки?

– Темной ночи, мадам, – сочла за лучшее поклониться я. – Вы звали – я пришла.

– А источник хаоса зачем с собой притащила?

Фей под внимательным взглядом умертвия стушевался и, не придумав

ничего лучше, юркнул за мою спину.

– Спросить по поводу него вас хотела, – призналась я, безжалостно вытаскивая мелкого пакостника за крыло. – Вы не могли бы уделить нам немного времени?

Госпожа Личиана благосклонно наклонила голову.

– За бесов тебе благодарна. Наказание было отмерено справедливо и своевременно. Идем. Я приму тебя в склепе. А этого пока оставь. Будет нужен – позову.

Шмуть на радостях, что его не потащат под землю, так дернулся, что все-таки вывернулся из моих цепких пальцев и тут же взмыл на ближайшее дерево, откуда показал мне язык. Умертвие в его сторону даже глазом не повело, а вот на меня посмотрело внимательно, цепко. Как будто знало что-то, что мне пока было недоступно.

– Идем, – повторила Личиана, величественно отворачиваясь и знаком приглашая следовать за собой. – У меня редко бывают гости, но для тебя я сделаю исключение. А потом ты расскажешь мне, откуда у твоего друга такое интересное проклятие и почему в твоей ауре появилась одна крайне занимательная метка.

– Ну что, Хель? – с жадным любопытством уставилась на меня Улька, когда мы вышли с кладбища. – Тебе удалось что-нибудь выяснить?

Я рассеянно кивнула.

– Еще бы. Ты даже не представляешь, сколько всего я узнала...

– Это круто! – восторженно воскликнула баньши. – Ты – первая, кого она на моей памяти пригласила к себе. Ну и как там? Зловеще, да? Наверное, скелеты по углам, паутина на стенах и огромный гроб посередине, где она изволит отсыпаться в дневное время? Хель, ну не молчи! Ты как вышла – так слова от тебя не добиться.

Я встрепенулась и с укором посмотрела на нетерпеливо дергающую меня за балахон баньши. Ростом она чуть выше Мартина, мне примерно по плечо, а сейчас шла, даже подпрыгивая от нетерпения и по-щенячьи заглядывая в глаза.

– Уль, ну что ты как маленькая? Какие скелеты? Какая паутина? Склеп как склеп – пустой, темный и гулкий. И посередине не гроб, а самый настоящий саркофаг. Древний. И Личиана там не спит – умертвия сну неподвластны, она просто отдыхает, размышляя на разные, волнующие мертвецов темы.

– А там очень страшно? – шепотом спросила неугомонная баньши.

– Нет. Темно только. Но для гостей она зажигает свечи. И вообще,

мы беседовали совсем недолго. Некогда мне было оглядываться.

Улька возмущенно вскинулась.

– Какое «недолго»? У меня занятие уже кончилось, а ты все не выходила! Шмуль устал тебя ждать. И все пугал нас, что тебя там давно расчленили, зажарили и съели.

– Я не пугал, – наставительно заметил тихонько жужжащий над нашими головами фей. – Я высказывал предположения.

– Ну конечно! И про то, каким именно способом Личиана сперва мучает, а потом пожирает свои жертвы, заманенные в склеп злодейским способом, особенно!

– Разумеется. Просто так сидеть было скучно, а у меня, в отличие от некоторых, богатое воображение. А ты, призывательница малахольная, все за чистую монету принимаешь. Хель, так что с Личианой?

Я, уже успев снова погрузиться в задумчивость, неохотно повернулась к фею.

– Все в порядке. По ее словам, твое проклятие действительно девятого уровня. Не спрашивай, как, но она сама его на тебе увидела и оценила. Подтвердила, что снять можно, и согласилась, что призыв демоницы в этом случае – наименее затратный вариант. Ритуал она знает и продиктовала мне названия книг, в которых описаны детали. А еще подсказала, как себя обезопасить на случай буйства вашей проклятийницы. Интересные, правильные вещи подсказала – я о таких раньше не задумывалась.

– У нас в библиотеке эти книги есть? – деловито осведомился Шмуль.

– Не все, но остальное я достану, – рассеянно отозвалась я, мельком подумав, что в ближайшие ночи мне от Князя точно никуда не деться. – Названия ингредиентов для круга Личиана мне также дала. И еще намекнула, у кого можно добыть особо редкие вещи. Надо будет Йержа подключить к этому делу, как только он отдаст деньги, – некоторые компоненты дорогие, их придется заказывать заранее, но они, к счастью, не портятся.

– Так. А насчет последствий ты что-нибудь выяснила?

– Для кого последствий? Для тебя? – не сразу поняла я. – По идее ты должен стать светлым.

– Насовсем?

– Да.

– А остальные?

– У вас же исконно светлые корни. Личиана сказала, что они должны пересилить примесь крови темных.

– Уф! – облегченно выдохнул фей и, подлетев ближе, обессиленно

рухнул на мое плечо. – Значит, не зря сходили! Личиана – толковая тетка, хоть и мертвая.

Я так же рассеянно улыбнулась.

– Это точно... Уль, мне нужно будет, чтобы ты сварила для меня одно зелье.

Притихшая ненадолго баньши тут же оживилась.

– Конечно! А оно для чего?

– Снотворное, – серьезно ответила я. – Чтобы больше кошмары не снились. Я раньше считала, что бессонник от них – единственное верное средство, но Личиана нашла кое-что получше. Сваришь?

Улька кивнула.

– Попробую. Только рецепт сперва посмотрю.

Заполучив в руки исписанную моими каракулями бумажку, она тут же сунула туда нос, полностью отключившись от реальности. Я предусмотрительно придержала подругу за воротник, чтобы она, пока читает, не врезалась лбом в какой-нибудь дом, а Шмуть, что для него совсем нехарактерно, внезапно угомонился. Развалился на моем плече, наглец, свесил ножки и замурлыкал, время от времени радостно попискивая и довольно причмокивая. И лишь когда мы почти дошли до выхода из Города, так же неожиданно встрепенулся.

– Хель, впереди кто-то есть...

А затем тихо ругнулся и с жужжанием взвился в воздух – обстановку разведывать. Но мне в общем-то не требовалась его помощь, чтобы догадаться, кто мог ждать на дороге, которой мы регулярно ходили. И я нисколько не удивилась, когда с ближайшей крыши с нечеловеческой грацией спрыгнули три невероятно быстрые фигуры.

– А ты упорная, – удивилась я, встретив торжественно-мрачный взгляд Асаки, рядом с которой стояло двое молодых и симпатичных вампиров. – И не лень было столько времени в трущобах сидеть лишь для того, чтобы снова сказать, как ты меня ненавидишь?

– Ты заплатишься! – прошипела вампирша.

– Всенепременно. Напомни только за что.

– А ты не помнишь-шь?

Я честно ответила:

– Не было такого, чтобы я тебе хвост прищепила.

– А брата моего помнишь-шь, тварь? – снова зашипела она, пригнувшись для атаки.

Я сосредоточенно подвигала бровями, пока Шмуть воинственно жужжал где-то наверху. Наверняка искал, не прячется ли в темноте кто-то

еще. Но вампиры – честные создания. Жестокие, агрессивные, порой неуравновешенные, однако действительно честные. Если уж нападают, то открыто, если уж бьют – то в лицо, а если ненавидят, так о том только ленивый не знает. Даже странно, что мне раньше не доложили, у кого из них на меня зуб.

Собственно, за три года я вплотную столкнулась лишь с одним вампиром. Скромный такой, тихий... был. Пока не увидел меня и не решил, что должен непременно меня обаять.

– Ах, так ты о Рисьяре? – едва не хлопнула я себя по лбу, припомнив клыкастого тихоню с нашего курса, который с некоторых пор обходил меня по большому радиусу. – Вот демоны! Неужто он – твой братец? Все, дошло, в чем тут соль. Только в чем я-то виновата?

– Ты его обольстила!

– Чего? – искренне расхохоталась я. – Милочка, на вашу расу магия почти не действует! Так что если он и влюбился, то, прости, без моего на то разрешения. Я ему, кстати, так и сказала, когда он пытался затащить меня в койку, предварительно обработав вашим вампирским обаянием. Жаль, ему не повезло – на суккуб не действует любовная магия. Мы ее повелительницы, а не жертвы. Так что ты явилась не по адресу.

Асака сжала кулаки и выпустила наружу когти. Хорошие, кстати, коготки. Почти как у меня в темной ипостаси. Да и мальчики за ее спиной ничего себе так, внушительные. Интересно, где она их откопала, если из УННУНа в будний день их могли выпустить только на кладбище, а я там никого похожего не видела?

– Ты свела моего брата с ума! – рыкнула она.

– Он пытался меня заставить, – отрезала я. – За что и получил по кумполу кочергой. А то, что он после этого слегка сдвинулся, – не мои проблемы. С мозгами у него, вероятно, и раньше было не очень, иначе он не додумался бы подстергать меня в такой же подворотне, как эта, и предлагать интим с извращениями.

Да, кровушки ему моей захотелось. И не просто так, а в процессе. Ничего, походил потом без клыков пару месяцев и расхотел. Следующая-то пара еще не скоро вырастет.

Асака снова зашипела.

– Он ни о чем больше не может думать!

– Так найти ему девочку нормальную, из своих, – всплеснула руками я. – Пусть братик переключится, вся придурь-то и пройдет! Или, раз он у вас благородных кровей, простую девочку подобрать нельзя? Ну тогда принцессу ему подложи! Мне ли тебя учить, как мужиками крутить?

Молчавшие доселе за ее спиной вампиры предупреждающе зашипели – отношение к женщинам у них очень трепетное, не то что у демонов. Наверное, мальчики все-таки местные. Прячутся в Городе, мыкаясь по подворотням, из-за каких-то старых грешков. Тут таких много. В Городе каких только отщепенцев не встретишь. Даже суккубы, наверное, найдутся. Жаль, мальчики не знали, куда пришли. И понятия не имели, с кем связались.

– Шмуть, иди ко мне, – тихо велела я, потихоньку отступая за спину Ульки. А когда чуткий фей на удивление послушно примчался, корча вампирам страшные рожи, закрыла ему рот ладонью, а второй рукой вытащила из-за пазухи несколько скомканных, исчерканных моим корявым почерком листов и бросила вампирше: – Лови!

Та машинально подхватила и, безглаголиво оглядев, швырнула себе под ноги.

– Что это за мусор?

Я набрала побольше воздуха в грудь и, одним движением вырвав рецепт из рук зачитавшейся до полного отключения баньши, гаркнула:

– Улька! У нас секретные данные отбирают!

– Что? – опешили вампиры.

– Какие данные? – моментально вскинулась подруга. – Кто посмел?!

– Которые я только что с трудом добыла у Личианы, – сообщила я и ткнула пальцем в валяющиеся в грязи листы. – А посмели вот они. Да еще и потоптались сверху, чтобы ты точно ошиблась с заклинанием.

От искреннего негодования у Ульки волосы встали дыбом. Боязнь ошибиться была в ней настолько сильна, что от малейшей неточности баньши просто зверела. А уж если, упаси Создатель, оказывалось, что ее заставили ошибиться нарочно...

При виде вампиров, топчущих мои бумажки, наша скромная и пугливая подруга вдруг свирепо выдохнула, побелела как полотно и...

Я трусливо спряталась за ее спину, одновременно делая фею знак зажать уши.

– Портить мои сведения для ритуала?! – завизжала Улька с такой силой, что у вампиров перекошились лица, а звуковой волной мгновенно повышибало все стекла в домах – там, где они еще оставались, конечно. В ту же секунду на улице завыл ветер, на крыше тревожно зашелестела сползающая черепица, где-то звякнул недобитый фонарь, а вокруг маленькой баньши образовался настоящий смерч, который яростно рванулся в сторону замешкавшихся вампиров, играючи раскидав их в разные стороны.

У кровососущих, к несчастью, очень хороший слух, и вампиры – не исключение. Поэтому Улькины вопли для них все равно что скрип гвоздем по стеклу, усиленный в несколько сотен раз. Упав на землю, эти бедняги скрючились, тщетно зажимая руками уши. Асака и вовсе взвыла, не зная, куда деваться от дробящего даже камни звука. А баньши все визжала и визжала, выражая свое искреннее негодование и не видя, что из глаз и ушей посмевающих ее обидеть нелюдей уже потекла черная кровь.

Когда решила, что с них достаточно, я пихнула стоящую спиной баньши ногой и, как только подруга сбилась с ноты, проворчала:

– Все. Хорошо стекла бить. Это не сведения для ритуала, Уль.

На улице, хвала Создателю, воцарилась тишина.

– Что? – спустя несколько секунд ошеломленно спросила баньши.

– Я ошиблась, – невозмутимо сообщила я, убирая руки от ушей. – Это были шпаргалки по оборотничеству, которые мне сегодня не понадобились.

Улька от растерянности как стояла с раскрытым ртом, так и замерла в ступоре. Шмуть, которого я все-таки отпустила, опасно поперхнулся. А я бесстрашно подошла к ближайшему кровососу и сочувственно похлопала его по плечу.

– Вам пора, приятель, ночь на исходе. Восстанавливайтесь вы, конечно, быстро, но глухая девушка – это безобразие. Так что поспеши, пока она совсем не скисла. Авось зачтется тебе потом за спасение благородной особы.

Парень, даром что едва дышал, с тихим стоном перевернулся на живот, все еще сжимая голову окровавленными ладонями. Затем, пошатываясь, встал. Помог такому же несчастному другу, у которого лицо превратилось в жутковатую маску, после чего они в четыре руки подняли беспамятную девицу и без единого слова растворились в темноте.

– Вампиры злопамятны, Хель, – тихо заметил Шмуть, когда они исчезли. – А высшие вампиры – тем более.

Я отряхнула руки.

– Это не страшно. Зато Улька никого не будет бояться на мертвологии.

Глава 16

На этот раз он набросился сразу, стоило мне только появиться в комнате. Налетел ураганом, сбил с ног и сгреб в охапку, прижал к стене, успев, правда, подставить между холодным камнем и моей спиной широкую ладонь. Только поэтому меня не приложило об камень со всей силы, и поэтому же не пострадали мои нежные крылья.

– Княже... – задыхаясь в железных объятьях, просипела я, когда муж с урчанием вцепился клыками в мою шею, а второй рукой, как и обещал, бесцеремонно принялся ощупывать мое тело. – Да что ж ты так... с ходу... не было у меня никого! Тьмой клянусь, ни один мужчина *там* ко мне не прикасался!

Он приглушенно рыкнул, зарывшись носом в мои волосы, но не отстал, пока не обнюхал меня всю, не обшарил руками сверху донизу и не убедился, что к его законной добыче никто чужой не притронулся. Я, правда, опасалась, что это займет больше времени и закончится так же, как в тот раз, когда он меня признал, но обошлось – всего через пару минут Князь как-то странно фыркнул, поморщился, а затем с неудовольствием отстранился.

– Что это за запах?

– Какой? – переводя дух, спросила я, все еще трепыхаясь в его руках, как пойманная птица в силках.

– Он был раньше, но слабый. А сегодня его присутствие на твоей коже меня раздражает. Чем ты ее мазала?

– Мазью. Лечебной.

– Зачем?

Я воззрилась на супруга с недоумением.

– Что значит – зачем? Ты мою шкуру видел? – А когда демон непонимающе нахмурился, выразительно ткнула пальцем себе в шею. – Вот *это* мне приходится носить на себе и в реальности, если ты не знал. Да, они заживают, и с мазями даже быстро, но каждый день появляются заново. Во всяких неожиданных местах. Тебе нравится прикасаться к моей коже, когда она вся покрыта синяками?

Он раздраженно заворчал и наконец разжал руки.

– Смывай.

– Чем? – спокойно осведомилась я и чуть не вздрогнула, когда мне на руки прямо из воздуха рухнуло мокрое полотенце. После чего подавила

вспыхнувшую злость и принялась ожесточенно вытираться, до красноты растирая кожу. Вот же зараза... мог бы и вылечить, если на то пошло. Из-за его укусов я даже платье открытое надеть не могу. Скоро в монашку превращусь. Чудовище!

Долго ждать он не захотел; как только я остановилась перевести дух, тут же подступил снова и требовательно ткнулся носом в мою шею, не только нюхая, но и пробуя ее на вкус языком.

– Все равно плохо, – недовольно высказал он, хлестнув по воздуху хвостом.

Я чуть не фыркнула.

– Конечно. Который день мажусь, вот и въелось. Давай я проснусь и вымоюсь нормально, а потом снова вернусь? Сейчас Мартина кликну...

– Нет.

И я замолчала, уже усвоив, что когда он *так* это говорит, спорить бесполезно. Только разозлю.

– Хорошо, тогда проводи меня в душ. У тебя же есть во дворце?

Князь неожиданно отступил и с мрачным видом отвернулся. После чего снова обнял, клацнув зубами возле моих ключиц, но вскоре опять отошел, страдальчески поморщившись.

– Все равно придется мыть... Идем.

Я даже охнуть не успела, когда он цапнул меня тяжелой лапищей и, бесцеремонно притянув к себе, рывком куда-то прыгнул. Причем прыгнул в буквальном смысле слова – меня едва не замутило от скорости, с которой он взмыл в воздух. А потом обсыпало морозом кожу от мысли, что мы сейчас башкой в потолок ка-а-ак...

Мир вокруг меня на мгновение погас – так резко, будто кто-то выключил свет, – а затем снова расцвел всеми оттенками черного, серого и красного, внезапно полностью сменив обстановку.

То, что это был тот самый пресловутый демонический портал, до меня дошло только потом. Уже после того, как рванувшийся к небесам Князь с хлопком развернул крылья и ненадолго завис под низко нависшими тучами, как гигантская летучая мышь. А мне и деться было некуда – у меня слишком мягкие крылья, которые не умеют разворачиваться в полете; для этого их надо специально встряхивать еще на земле. Так что если муженек надумает разжать руки, которыми обхватил мое туловище, я камнем ухну вниз. И даже пискнуть не успею.

Внизу же виднелись скалы – красные, будто политые кровью, с крупными черными прожилками, придающими им совсем уж зловещий вид. А посреди скал – приличный по размерам котлован, на дне которого

что-то поблескивало.

Князь недолго думая спикировал именно туда, и у меня снова захватило дух от вида стремительно приближающейся земли. В последний момент он, правда, развернул крылья, заставив меня клацнуть зубами от рывка, а затем достаточно аккуратно поставил на ноги и хмуро бросил:

– Мойся!

Я в некоторой растерянности огляделась.

Надо же... Видимо, это какое-то природное углубление, на дне которого оказалось наполненное горячей водой озеро (видимо, подземные источники близко), несколько широких каменных уступов, по которым вода стекала вниз естественным каскадом, и даже широкая площадка, где с мрачным видом уселся мой странный демон, всем видом выражая нетерпение.

Потрогав кончиками пальцев воду и убедившись, что не сварюсь в ней заживо, я уже смелее забралась в озеро, поминутно озираясь и удивляясь тому, кто и зачем создал это необычное место. Сверху оно выглядело жутковато, но на самом деле красный камень не был таким уж противным – в черных прожилках, расцветивших его причудливыми узорами, оказалось много отражающих свет кристалликов, которые заметно оживляли это место. Делали его приятным глазу и придавали своеобразное очарование.

Покосившись на молчаливого демона, внимательно следящего за мной сверху, я подплыла к водопаду и с удовольствием забралась под падающую воду. Высоты образующей его каменной лесенки вполне хватало, чтобы я поместилась там без труда, а глубина озера оказалась настолько впечатляющей, что я не отказала себе в удовольствии не только помыться, но и с радостным «у-ух!» нырнуть.

До дна, как ни старалась, так и не дотянулась, хотя пыталась несколько раз. А когда поняла, что там три таких меня поместятся, не меньше, смерила взглядом расстояние до края котлована, решительно выбралась из воды, шлепая по камням босыми ступнями. Под пристальным взглядом супруга забралась на самую высокую ступеньку каменной лестницы, помахала подозрительно прищурившемуся демону рукой и, плотно прижав к телу крылья, рыбкой нырнула вниз.

Уф, как же это здорово!

Я, довольно отфыркиваясь, вынырнула и только тогда соизволила выбраться из воды насовсем. Уже стоя на площадке неподалеку от Князя, с силой отжала волосы, чтобы не капать на него, если снова надумает меня тискать. Беспокойно подумала о том, что все это богатство надо будет как-то расчесывать, но намокшие локоны, как ни странно, не доставили

проблем. Как только я их отпустила, они сами собой распрямились, разбились снова на пряди и улеглись на спину так, будто никакого купания не было и в помине. Блестящие, послушные, гладкие. Легонько шевелящиеся на концах и словно живущие своей собственной, ничуть не мешающей мне жизнью.

– Удобно, – оценила я, проведя по ним рукой. – Вот бы дома так слушались.

Развернув крылья, которые тоже следовало просушить, я одним резким движением стряхнула с них воду, обдав все вокруг целым водопадом сверкающих брызг. Затем вытерла лицо, с удовольствием вдохнула горячий воздух и только тогда подошла к молчаливому демону.

– Так лучше, Княже?

Вместо ответа он гибким движением взвился на ноги, сграбастал меня в охапку и, ткнувшись носом в шею, заново обнюхал, не отказав себе в удовольствии во второй раз за ночь меня ощупать и огладить во всех местах. Разошелся, понимаешь... Опять притиснул к стене, чтобы не вздумала вырываться, заурчал, засопел, жадно выцеловывая мою шею. Даже под бедра подхватил, заставляя обвить его ногами, и прижался пахом, недвусмысленно намекая, что пора бы мне наконец согласиться на большее. Но быстро понял, что я не отвечаю. Недовольно фыркнул, когда меня окутала его собственная Тьма. А потом неохотно отступил и вернулся на прежнее место, молча указав на камень рядом с собой.

Я перевела дух и послушно села, постаравшись не задеть его плечом. Но мужнино крыло бесцеремонно обхватило меня со спины и властно притянуло, заставив прижаться к могучему торсу. На большее, правда, Князюшка не замахивался, но его раздражение просто витало в воздухе. А взгляд, который он бросил на свои браслеты, был откровенно нехорошим.

– Почему мне нельзя было вымыться во дворце? – негромко спросила я, когда его темнейшее успокоился и задышал ровнее.

Муженек недовольно рыкнул:

– У меня нет купальни.

– Как это? Княже, ты шутишь? – искренне изумилась я, на мгновение отстранившись, и он неохотно поправился:

– Сейчас нет. Там обрушилась стена.

– А-а-а... И давно ты страдаешь без горячей воды?

– Два дня, – хмуро ответил муж и снова замолчал.

Хм. Интересно, кто, кроме самого Князя, мог испортить его личную купальню? Как раз два дня назад, когда я рискнула отомстить ему

за поцелуи? Не потому ли там стена рухнула, что возбужденный муженек остался без сладкого? Неужто он понадеялся, что я это всерьез?

– Мне жаль, – нейтральным тоном заметила я и поспешила сменить тему: – Можно тебя еще кое о чем спросить?

Темный Князь недобро покосился, но все же наклонил голову.

– Спрашивай.

– Что ты знаешь о темных артефактах, Княже? Я имею в виду книги-артефакты, которые могут менять названия.

Демон поморщился.

– Книги знаний... слышал о таких. Забавная вещь, но бесполезная.

– Почему? – не поняла я. – Там же знания.

– Каждый может взять оттуда знание лишь однажды, – сухо ответил он, глядя прямо перед собой. – Но иногда ты даже не понимаешь, что именно приобрел, потому что берешь то, в чем больше всего нуждаешься в момент открытия книги. И совершенно не факт, что тебе когда-нибудь это понадобится. Почему ты спросила?

– От знакомого услышала, – почти не покривив душой, сказала я. – Ему нужны были сведения о проклятии, и книга назвалась справочником по проклятиям. Но потом на нее посмотрел оборотень и понял, что внутри находятся сведения по оборотничеству.

– А почему они решили, что книга – темная?

Я пожала плечами.

– Так ее Тьма окутывала, Княже. Но ребята вроде к ней не прикасались. Это может быть опасным?

– Странные у тебя знакомые: фей, оборотень, – тяжело уронил Князь. – А к книге необязательно было прикасаться – живущая в ней Тьма уже сделала это за них. Имей в виду – если кто-то из них чистокровный светлый, твои друзья умрут: Тьма жестоко наказывает за любопытство.

Я вздрогнула.

– А если у них темные корни?

– Тогда знания, которые они хотели обрести, в нужный момент придут сами.

– Ты уверен в этом? – нахмурилась я.

Демон насмешливо хмыкнул.

– Конечно.

А я как наяву увидела черный кожаный переплет, на котором сияло золотыми буквами заглавие: «Как убить Темного Князя», и надолго задумалась.

Когда я окончательно пригрелась и почти задремала, Князь неожиданно встрепенулся. А затем рывком поднялся на ноги, едва меня не уронив, к чему-то настороженно принялся и глухо рыкнул:

– Отойди к стене и прикройся!

Я растерялась от неожиданности, но перехватила злой взгляд и молча повиновалась – отступила в сторону, почти коснувшись спиной отвесной стены, прикрыла наготу, завернувшись в крылья, как в одеяло, а потом почувствовала, как волосы сами собой укутывают мои бедра плотным коконом, и замерла. Что-то нехорошее происходит – беспокойство мужа было уже ощутимо. Он снова был зол, но, к счастью, не на меня. Но в чем дело? Почему он так напряжен?

Неожиданно наверху громко хлопнули чьи-то крылья, и я вздрогнула. А потом увидела метнувшуюся к краю котлована огромную тень и похолодела, запоздало поняв, что именно так не понравилось Князю.

Кажется, у нас гости?

– Давно не виделись, сосед, – рыкнул с шумом приземлившийся прямо над водопадом огромный серокожий демон. – Я сперва решил – показалось, что кто-то использует поблизости магию, а тут ты... и снова без предупреждения.

– Это спорные земли, сосед, – так же глухо рыкнул Князь, выпуская когти и угрожающе зашипев.

– Действительно, – охотно согласился тот, другой, и одним движением слетел вниз.

Он был велик, даже, я бы сказала, громаден – почти на голову возвышался над «моим», хотя по ширине плеч они были почти равны. Массивный, с покрытой старыми шрамами мордой, раскосыми черными глазами, в которых клубилась уже знакомая Тьма, и такими же выцветшими от времени чешуйками на обнаженной коже. Правда, если у «моего» Князя на белой коже они смотрелись естественно, то у серого они выглядели как плешь у больной лишаем змеи. И крылья такие же пятнистые, лохматые на краях, словно потертые на перепонках.

Они застыли друг напротив друга, обмениваясь тяжелыми взглядами. Два Темных Князя, могущественных и свирепых демона, столкнувшихся на нейтральной территории. Чужак был крупнее и явно старше, но стесанные на кончиках зубы и разлохмаченные в многочисленных схватках крылья делали его чуть менее грозным. Хотя и не менее опасным.

Я застыла, боясь привлечь к себе внимание, и только переводила беспокойный взгляд с одного на другого. А они упорно молчали, бодаясь взглядами, как сошедшиеся на узкой дорожке хищники, едва не напавшие

на одну жертву.

Наконец пришелец чуть растянул губы в усмешке:

– Не думаю, что имеет смысл ссориться из-за горячей лужи, сосед.

– Ты помешал моему отдыху, – сузил глаза «мой» Князь.

Чужак чуть повернул голову и, заметив меня, оскалился.

– Возможно, но это было не умышленно... Смотрю, у тебя появилась новая игрушка, сосед?

Я торопливо опустила глаза и сделала вид, что меня вообще тут нет. Еще не хватало, чтобы серокожий понял, кто я! Хотя браслеты с запястий супруга куда-то исчезли, а я только сейчас заметила. Он тоже не хочет выдавать нашу связь, суккуба для него – не престижно. Поэтому он смолчит.

– Позволь, я на нее взгляну? – Чужак улыбнулся чуть шире и плотоядно на меня уставился.

«Мой» Князь недовольно рыкнул.

– Смотри издали!

– Бережешь игрушку? – удивился сосед. – Или нет, просто не наигрался... Что ж, понимаю. Игрушечка действительно стоит того, чтобы ее берегли... пока не сломалась.

Он неуловимо быстрым движением скользнул ближе и, наклонившись надо мной, острым когтем ткнул в подбородок, заставив поднять лицо. Я съежилась, всеми силами изображая страх, но веки закрыла поплотнее, чтобы он не видел цвета моих глаз. Чужак откровенно пугал. Его сильный запах, окружавшая его аура бешеной, какой-то звериной силы, его рука, жадно протянувшаяся к моим крыльям, коготь, больно упирающийся в горло...

По моей шее скатилась крохотная капелька крови.

– Славная игрушечка, – прошептал демон, наклоняясь ближе и шумно втягивая ноздрями мой запах. – А как превосходно пахнет... Какая кожа, волосы... дивное сочетание. А уж крылья и вовсе – нет слов. Редкая добыча. Жаль, не моя.

Когда откуда-то со стороны раздалось предупреждающее рычание, он так же быстро меня отпустил и, вернувшись на прежнее место, небрежно бросил:

– Я хочу ее, сосед. За сколько уступишь?

– Она не для продажи, – спокойно ответил «мой» Князь. – Я ломаю ее под себя.

Чужак ненадолго задумался и разочарованно опустил крылья.

– Жаль. Твои игрушки после ломки ни к чему не пригодны. Тогда

развлекайся, сосед. Не буду тебя отвлекать.

Я с облегчением проследила за тем, как незнакомец взмывает в небо, а потом устало опустила крылья и ощутила, что ноги все-таки дрожат.

– Иди ко мне, – сухо приказал Князь, пристально всматриваясь вверх, и требовательно протянул руку.

Я бесшумно подошла, все еще неловко прикрывая наготу – на случай, если чужак не улетел далеко, и смиренно опустила глаза, когда супруг быстро наклонился и больно укусил меня в шею.

– На колени! – зловещим шепотом велел он, слизывая с моей кожи выступившие капельки крови. И я послушно бухнулась ему в ноги. – А теперь кричи! Громко кричи! Или покалечу.

– Не-э-эт! Только не это-о! – взывала я что было сил, заламывая руки. А когда он хищным зверем набросился и, сцапав меня за талию, резко взлетел, забила в его руках, как бешеная, и отчаянно завопила: – Умоляю, не надо-о-о!

Рывок, мощный хлопок развернувшихся крыльев, мгновение темноты – и мой визг долгим эхом загулял между знакомых стен, заботливо укрытых светлыми тканями. Отразившись от потолка, он потревожил зажженные магические светляки на люстре, всколыхнул саму люстру и заставил опустившегося на мягкий ковер демона поморщиться.

– Хватит.

Я послушно замолчала и подняла на него спокойный взгляд.

– Это был враг, Княже?

– Сосед, – напряженно отозвался демон, по-прежнему крепко держа меня за талию. – Но в данном случае это одно и то же. А ты молодец, сообразила.

Я промолчала, а про себя подумала, что демоны – слишком большие собственники, чтобы чем-то делиться, так что всерьез опасаться, что меня отдадут, не было повода. Была бы я рабыней – еще да, возможно, если бы супруга устроила цена. Но властью и женщинами демоны не делятся ни с кем и никогда.

– Плохо, что ты его почти не испугалась, – обронил супруг, уткнувшись носом в мою шею и до конца зализывая нанесенные ранки. – Теперь он тебя запомнит.

Я снова смолчала, когда Князь жадно заурчал, прокладывая губами дорожку к моим ключицам, на редкость бережно, аккуратно, почти не больно. И изрядно удивилась, когда он так же резко оторвался и, словно что-то вспомнил, отрывисто сообщил:

– Я должен уйти.

Как?! Сейчас? Значит, сегодня меня соблазнять уже не будут? Эх, а я уже настроилась...

– Конечно, Княже, – озадаченно кивнула я. – Я подожду.

– Нет, – снова удивил он. – Сегодня не вернусь. Надо много сделать. Но не сомневайся: завтра все наверстаю.

В его глазах мелькнул и пропал голодный блеск, сменившийся неподдельной озабоченностью. А затем муж нахмурился и, пристально посмотрев мне в глаза, негромко сказал:

– Надеюсь, ты действительно хорошо спряталась, Ри. Демон, которому я сегодня отказал, очень любит упрямых демониц. Боль – его привычный инструмент. Чужие страдания – любимое блюдо на завтрак. Ему доставляет несказанное удовольствие видеть, как пленницы медленно и неотвратно сходят с ума. И ему нравится это намного больше, чем мне – ломать других. Если он найдет тебя первым...

Я печально улыбнулась.

– Я все понимаю, Княже.

– Тогда, раз понимаешь... – Он помолчал, а затем резко отвернулся и сухо бросил: – Веди себя осторожно.

Я проводила глазами уходящего мужа, пока он не исчез в портале. Подождала на случай, если он передумает. Помялась, зябко закутавшись в крылья. Но потом все-таки сходила за стоящими аккуратной стопкой в углу книгами и со вздохом забралась с ногами на постель.

Времени до утра оставалось еще много.

Глава 17

– Зелье будет готово через месяц, – заявила Улька через три дня, когда мы возвращались с уроков. – Я поговорила с Йержем – он обещал достать все, что нужно.

– Денег-то у нас хватит? – хмуро спросила я, мысленно подсчитывая, сколько он нам должен за травы.

– Впритык. Но Васька обещал еще по лесу побегать, Шмуль ему поможет, а я сегодня после мертвологии на кладбище схожу. Вдруг там тоже что-нибудь выросло?

– Так. А на Шмулькино проклятие средства останутся?

– Хель, мы же договорились, – удивленно обернулась баньши. – Сперва я учебу закончу, а только потом попробую. Демонология у нас будет лишь на последнем курсе, а до этого рисовать круг рискованно. Мы еще успеем собрать деньги.

Я нервным движением поправила рукав.

– Прости, что-то я плохо соображаю.

– Опять не выпалась? – проницательно посмотрела на меня подруга. А потом прищурилась и, оглядев мою открытую шею, заметила: – Синяки твои уже прошли. Все в порядке, Хель?

Я быстро кивнула.

Последние две ночи выдались у меня чуть более спокойными. Кажется, я начала потихоньку привыкать и нащупала границы дозволенного, в пределах которых Князь разрешал мне существовать. Самым главным было его не злить, аккуратно отвлекать, когда он раздражался, и беспрекословно повиноваться, когда он чего-то требовал.

Как и все демоны, муженек крайне не любил отказа, но, если соблюдать некоторые правила, его ярость можно было предупредить, а чрезмерную активность его вездесущих рук несколько снизить. В частности, стоило держать вместе колени и бедра, почаще прикрывать грудь и пах волосами, использовать крылья в качестве ширмы, поменьше шевелиться и почаще прикасаться к нему самой. Еще лучше – тесно прижаться к его боку, обхватив руками грудь или живот, чтобы Князь поменьше видел и побольше ощущал.

Как это ни странно, но легкие, едва заметные прикосновения его успокаивали, помогали справиться с раздражением и делали его чуточку менее агрессивным. Размеренное почесывание чешуи на груди и легкий

массаж перепонки доставляли ему удовольствие. Бережное перебирание длинных волос настраивало на мирный лад, а мягкое поглаживание беспокойно дергающегося хвоста гарантированно расслабляло.

Самым важным было не касаться нежных чешуек в районе бедер или паха – это вызывало возбуждение. И очень опасно было приблизиться к супругу сзади или коснуться, даже случайно, основания крыльев: за такое он мог убить без разговоров.

Демоны – крайне недоверчивые и подозрительные создания. Тогда, возле котлована, я не обратила внимания, но потом поняла: оба Князя, не сговариваясь, встали так, чтобы не только видеть друг друга, но чтобы их спин не смогла ни увидеть, ни коснуться даже я. Это было что-то на уровне совсем уж древних инстинктов. Жизненная необходимость прикрывать тыл, развившаяся у высших темных в условиях жесткой конкуренции. По этой же причине Князь никогда не поворачивался ко мне спиной. Даже во сне. А стоило ему только почувствовать, что к уязвимому месту что-то приближается, пусть даже это моя рука, в которой не могло быть оружия, он моментально каменел и предупреждающе скалился.

Зато он любил, когда его о чем-то просили. Не умоляли, не требовали – именно просили. Ему нравилось оказывать покровительство. И еще больше нравилось, что кто-то, в частности я, от него зависел.

Поняв, что от меня требуется, я смирилась с необходимостью и просила столько, сколько было нужно, чтобы чувствовать себя в безопасности. Я просила у мужа книги, которые он давал без разговоров; одежду, в которой он, не раздумывая, решительно отказал; просила остановиться, если его приставания становились слишком уж настойчивыми; но еще больше я просила у него прощения. По любому поводу. За все свои существующие или еще только назревающие недостатки. Потому что извинения мой несговорчивый демон мог слушать часами, испытывая от них какое-то необъяснимое наслаждение.

Все наши встречи начинались и заканчивались одинаково: Князь, едва ворвавшись в гостевые покои, первым делом властно притягивал меня к себе, зарывался носом в волосы, жадно обнюхивал, исцеловывал мою шею, оглаживал все до единой чешуйки, всю ощупывал, покусывал и вылизывал особо понравившиеся ямки, и только потом, надыхавшись, позволял себе расслабиться. Тот же самый ритуал неизменно повторялся перед рассветом, порой даже более агрессивно, чем вечером, Князюшка упорно не хотел меня отпускать. Его раздражала необходимость мириться с моими исчезновениями, и доводила до ярости мысль, что где-то там, непонятно где, я целый день нахожусь без его навязчивого присмотра.

Благовониями и всякими мазями он пользоваться запретил – чуткое обоняние демона улавливало даже малейшие изменения в моем запахе, и это выводило его из себя.

Ложиться спать в одежде Князь запретил тоже, потому что ему надоело срывать с меня всевозможные тряпки, которые тут же превращались в лоскуты под его острыми когтями.

Количество синяков на моей коже за эти дни так и не уменьшилось, зато теперь супруг соизволял избавить меня от них перед уходом. Однако на следующую ночь все повторялось заново, и он получал лишнюю возможность прикоснуться к желанному телу.

О моей клятве он больше не вспоминал. И на завершении брачного обряда не настаивал. Однако это не мешало ему раз за разом пробовать свои силы и пытаться меня соблазнить. Устоять перед ним было действительно сложно – Князюшка оказался более чем настойчив, весьма искусен в любовных играх, изобретателен и поистине неутомим. Не желая пока моей смерти, он добивался моего согласия всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Через наслаждение и боль, нежные поцелуи и грубые ласки, ночь за ночью. И он все чаще раздражался, когда я не отвечала. Еще больше злился, если я начинала отвечать, но без особого желания. Рычал, когда я проявляла равнодушную покорность. Угрожал. Портил когтями подушки. И отступал лишь тогда, когда вокруг меня начинала сгущаться вызванная им же самим Тьма, ненавязчиво намекая, что пора остановиться.

Эти игры изматывали меня так, что через пару недель я вставала поутру с еще большей усталостью, чем ложилась с вечера. А однажды, дожидаясь прихода муженька, умудрилась даже уснуть – да, прямо так, во сне. Забравшись под шелковое покрывало и по-детски положив ладошку под щеку, надеясь, что прикрою глаза всего на минутку.

О том, насколько его это взбесило, я узнала только ближе к рассвету, когда с трудом разлепила глаза и обнаружила, что лежу в тесном кольце обычных, теплых, почти человеческих рук. Когда спросонья потерлась щекой о его кожу и доверчиво прижалась, слыша раздающееся сверху злое сопение, но не понимая его причины. Когда осторожно приоткрыла один глаз и с беспокойством оглядела разгромленную комнату. И наткнулась на следы глубоких царапин на внезапно постаревших, выщербленных и похожих на клетку обезумевшего узника стенах.

– Прости, Княже, – пробормотала я, ожидая заслуженного рыка. – Надо тебе было меня разбудить...

Он тогда ничего не сказал – просто без предупреждения сграбастал

в железные объятия, голодным демоном впился в мои губы и терзал их до тех пор, пока я не растаяла прямо у него на руках. Но у меня еще долго стоял в ушах запоздалый, полный бессильного бешенства рев, которым его темнейшее существо сопровождал мое очередное исчезновение.

Больше спать в его присутствии я не рисковала. Предпочитала утыкаться в книги, коих теперь в комнате развелось великое множество. Или просто сидела рядом, если при виде книг у Князя начинали темнеть глаза. Но перед этим применяла все известные женские уловки и хитрости, чтобы агрессивный супруг хотя бы чуть-чуть смягчился.

И он смягчался. На какое-то время. Особенно если перед этим был слишком усталым или, напротив, злым. Но тогда он требовал для себя больше нежности и ласки. Больше ответных поцелуев и участия в играх. Он не отпускал меня ни на миг, жаждая в такие дни особенно много прикосновений. И именно в эти дни он больше всего хотел чувствовать и видеть, что я принадлежу только ему.

Зачетная неделя пролетела как один миг. Впервые за три года я вышла на полугодовую сессию с минимумом троек, что несказанно удивило преподавателей. Но у меня просто выхода не было – когда я не читала, муж использовал мое время на свое собственное усмотрение. И чтобы этого избежать, приходилось вникать в написанное.

Почему он не задал напрашивающегося вопроса о том, зачем мне понадобилось столько литературы, я не знаю, хотя, на мой взгляд, это был самый скользкий момент в моей легенде. Проверить высшие учебные заведения в близлежащих мирах намного проще, чем просто рыскать по окраинам, заглядывая во все дома подряд. Но даже так шансы на то, что он догадается, были невысоки.

Поэтому я регулярно возвращалась, добросовестно училась и терпеливо ждала, когда же закончится этот долгий месяц. А когда Улька сообщила, что все готово, почувствовала себя наконец спокойно – у меня впервые появился не только выбор, но и уверенность в завтрашнем дне.

– Ты сегодня задумчива, – обронил Темный Князь, аккуратно перебирая мои волосы. – Что-то случилось, Ри?

Я откинула голову на его плечо и улыбнулась.

– Нет, Княже. Мне просто хорошо.

– Тебе хорошо со мной? – Его рука на мгновение отстранилась, но я чуть повернула голову, чтобы коснуться щекой его кожи, и легонько потерлась.

– Да, Княже.

Мы лежали так уже давно – расслабленно и мирно, словно не было сковывающих меня цепей, не было его вспышек необъяснимой злости, яростных поцелуев, сменяющихся такими же яростными укусами... ничего не было. Только я и он посреди приятного полумрака. Только тишина, покой и легкие, совсем невесомые прикосновения, дарящие такую непривычную, удивительно приятную негу.

Сегодня Князь впервые за много дней умудрился меня не поранить. Его бешеный натиск впервые был не таким неистовым, объятия – не такими колючими, а поцелуи – не столь болезненными, как раньше. Почему-то именно сегодня он в первый раз не напал, а просто бесшумно подошел сзади. Не схватил, а просто крепко прижал. Даже ритуальный поцелуй на этот раз не выглядел как подтверждение его права на обладание мной, а был самым обычным... и это тоже случилось впервые.

Поначалу растерявшись от неожиданности, я не сразу оценила этот великодушный жест. А когда поняла, что Князь не настроен сегодня сражаться, послушно легла рядом, обняла его в ответ и прижалась, молчаливо благодаря за нечаянно проявленную заботу.

Чем он занимался вне этих стен и какие трудности у него были – он никогда не говорил, поэтому я могла лишь догадываться о причинах столь странного поведения. Почему именно сегодня? Почему сейчас? Может, это еще одна уловка? Какой-то хитрый план?.. Он не собирался рассказывать. И вообще был на удивление молчаливым в этот вечер. Только сосредоточенно хмурил брови, о чем-то напряженно размышлял и рассеянно гладил мои разметавшиеся по подушкам волосы, заставляя меня замирать от этой неожиданной ласки.

Сколько это продолжалось, не знаю – полночи, ночь, час или вечность... Но нарушать хрупкий мир отчего-то не хотелось. Я даже за книги сегодня не взялась, как обычно. Лишь прикрыла глаза и позволила себе расслабиться, слушая размеренное биение его сердца, рисуя кончиками пальцев замысловатые узоры на его чешуе и ни о чем не думая, чтобы даже неосторожной мыслью не спугнуть эту волшебную тишину.

Если закрыть глаза и лежать вот так, действительно не думая и не вспоминая, то очень легко представить, что рядом находится кто-то близкий и родной. Что его прикосновения – это проявления нежности, а не задумчивости; его объятия – всего лишь знак защиты, а не попытка подмять под себя. Но демон есть демон. Его силой можно восхищаться, однако ее нельзя испытывать. Его можно возжелать, но опасно подпускать близко. Ему можно даже отдаваться, но никогда нельзя доверять. И ему

можно подчиниться, вот только любить, увы, не получается.

– О чем ты думаешь? – неожиданно спросил Князь, когда я тихонько вздохнула и опустила руку.

– О тебе.

– Почему?

Я приподняла голову и посмотрела на его бесстрастное лицо, на котором пылали Тьмой страшноватые глаза.

– Потому что мне так хочется.

Он едва заметно нахмурился, но руку от моих волос не отнял.

– А почему тебе этого захотелось?

– Не знаю. Я женщина... а мы часто думаем не о том, о чем надо.

– И что же именно ты обо мне думаешь? – так же спокойно осведомился он, и его пальцы медленно прошлись вдоль моего позвоночника сверху вниз.

Я улыбнулась.

– Многое, Княже. Например, о том, что ты очень сильный. И хотя ты и бываешь жестоким, твоя жестокость не беспричинна. Я думаю о том, что ты хорошо умеешь убивать и с легкостью убьешь даже меня, несмотря на брачные оковы. При этом ты, в отличие от многих, не наслаждаешься болью – ты используешь ее как самый обычный инструмент. Еще я думаю о том, что твоя человеческая ипостась гораздо лучше сохраняет невозмутимость, тогда как демоническая – намного более живая. В ней, мне кажется, ты настоящий, а все остальное – лишь шелуха.

Он негромко фыркнул.

– Я настоящий в любом облике, женщина. Но в человеческом облике мыслится и чувствуется иначе. Не так остро. Находиться рядом с высшим демоном опасно, поэтому иногда его приходится сдерживать.

Это верно. Мой муж в своей темной ипостаси похож на вулкан, готовый в любой момент взорваться. В человеческом облике этот вулкан укрыт снегами и тихо дремлет, лишь изредка выстреливая наружу густым облаком пепла. Но стоит только его разбудить, удар разбушевавшейся стихии будет страшен. Живой огонь, сжирающий на своем пути дома, людей и демонов послабее. Не потому, что плохой или злой – такова его природа. И упаси вас Создатель когда-нибудь встать на пути этой чудовищной, не рассуждающей и не способной на созидание силы.

Раньше, до встречи с ним, я об этом не подозревала. Мне казалось, Князя всегда такие – ледяные, равнодушные, мертвые. Впрочем, о них мало что было известно. Высшие не стремились к тому, чтобы их понимали, – им вполне хватало беспрекословного подчинения.

– На самом деле тебе не все равно, – неожиданно поняла я, когда муж снова закрыл глаза. – Ты не безразличен. Ты просто устал.

– Долгая жизнь – не всегда благо, – сухо ответил Князь, не пошевелившись. – Иногда от нее устают даже демоны.

Я снова погладила чешуйки на его груди.

– Но ты ведь еще сражаешься, правда? Твоя вторая ипостась создана, чтобы бороться. Необходимость побеждать – вот что дает ей силы жить, поэтому борьба – это то, чем ты дышишь, борьба с миром, с соседями, с самим собой.

Князь замер на мгновение, а затем резко отстранился и холодно сказал:

– Ты ничего обо мне не знаешь, женщина.

– Конечно нет. Я – всего лишь суккуба, которую ты собираешься использовать, а потом убить...

Меня рывком отбросили на край постели, перевернули на живот, а затем больно заломили основание крыльев.

– Еще одно слово, и я вырву их вместе с ребрами!

Я покорно замолчала. Ну да, ошиблась, бывает. Жаль, такой момент испортила. А теперь надо лежать тихо и снова ждать, когда он успокоится.

На удивление, ждать пришлось недолго – раздраженное рычание почти сразу стихло. Спустя пару минут тяжелое дыхание тоже выровнялось, а потом и мои крылья обрели свободу.

– Ты выводишь меня из равновесия, женщина! – прошипел, низко склонившись надо мной, Князь. – И порой мне начинает казаться, что ты делаешь это специально!

Я благоразумно промолчала. А он, убедившись, что я все осознала и больше не буду рыпаться, отпустил меня окончательно и, улегшись обратно на спину, хмуро велел:

– Иди сюда.

Я молча повиновалась.

– Говори. Я разрешаю.

– Прости меня, Княже, – так же покорно сказала я. – Ты спросил, о чем я думала, и я ответила правду. Прости. Больше не буду тебя раздражать.

Он глухо заворчал, но его дыхание все же выровнялось, стало почти таким же размеренным, как до вспышки. Да и рычание в голосе различалось едва-едва.

– Мне не нужно, чтобы ты молчала. И мне не нужна ложь. Но впредь думай, о чем говоришь, женщина!

– Как прикажешь, Княже.

– Поцелуй меня, – приказал он без всякого перехода.

Я мысленно вздохнула, но все же подняла голову.

– Хорошо, мой Князь. Что именно ты хочешь?

– Повтори то, что сделала в прошлый раз, – велел он, и мне сразу поплохело. А я-то надеялась, ему не понравилось. – Поцелуй так, словно любишь.

Я закрыла глаза, чтобы он не увидел там ничего лишнего, и снова вздохнула. На этот раз – вслух.

– Как прикажешь, Княже...

А потом склонилась над ним, страстно надеясь, что делаю это в последний раз.

Глава 18

– Хель, у меня к тебе разговор, – заявил Йерж, когда мы закончили взаимные расчеты и я стала богаче на несколько десятков золотых. – Это важно и касается твоих способностей.

Я покосилась по сторонам, но на нас никто не таращился; люди увлеченно пили, пожирали доставленную шустрым мальчишкой-подавальщиком снедь и пьяно хохотали, дубасили по залитым пивом столам тяжелыми кулаками. Да, трактир для встречи с целителем я выбрала не самый престижный, зато сюда городская стража почти не заглядывала. А поскольку стражникам мы, особенно Шмуль, уже давно примелькались, лишний раз светиться не хотелось.

Мельком оглядев нетрезвых посетителей, я поднялась из-за стола.

– Пошли навстречу. Я комнату сняла на ночь. Там и поговорим.

Йерж неожиданно замялся, поняв, как это выглядит со стороны, а когда нам вслед понеслись пошлые шутки и одобрителный свист, вовсе покраснел. Но лучше пусть местные завсегдатаи считают, что ночная бабочка нашла себе очередного клиента, чем прислушиваются к нашим разговорам. Мой откровенный наряд к такому мнению весьма располагал, а искреннее смущение Йержа и его ученический значок только подтверждали вывод.

– В последний раз я сюда прихожу, Хель! – прошипел целитель, чуть ли не быстрее меня поднимаясь на второй этаж. – Мерзкое место! Мерзкие люди! Как тебе самой не противно?

– Никак, – спокойно отозвалась я, отпирая нужную дверь. – Заходи. В ближайший час нас никто не потревожит.

– Это гадко, Хель! – брезгливо поморщился белобрысый, проскальзывая в погруженную в полумрак комнату.

Я только хмыкнула. Что бы сказал этот чистюля, если бы знал, что я больше двух лет в подобных заведениях промыкалась и давно научилась пользоваться даруемыми ими преимуществами.

Здесь меня хорошо знали – успела примелькаться за два с половиной года, – поэтому вопросов не задавали. Снять, разумеется, пытались, но мало у кого хватало средств на оплату моих «услуг». Для простой девушки по вызову запрошенная цена в двадцать золотых за ночь была нереальной, так что внимание я к себе привлекла довольно быстро. Местные завсегдатаи, само собой, возмутились, решив доказать, что я

не права, но я очаровала двоих и натравила на остальных. После этого трактирщику пришлось менять мебель в общем зале, а целителям – в срочном порядке заниматься пострадавшими.

Не всех это остановило. Не всем это понравилось. Поэтому на протяжении нескольких месяцев меня настойчиво пытались поймать, побить и изнасиловать. Но о суккубах здесь, к счастью, мало кто слышал, так что я методично избавлялась от агрессивных поклонников до тех пор, пока они не перевелись.

Обычно я появлялась здесь две ночи в неделю – выходные, когда нам разрешали беспрепятственно покидать УННУН. Использовала одну и ту же личину, не имеющую ничего общего с моей настоящей внешностью. Чаще всего проводила время впустую, но иногда, дабы поддерживать легенду, приглашала наверх исключительно вежливых и щедрых клиентов. Одурманивала пылью, заставляла выпить зелье, вызывающее яркие грезы и на целые сутки дарящее ощущение блаженства. Оставляла этих бедолаг в комнате до полуночи, а потом, бережно поддерживая под руку, выпроваживала, благо они не сопротивлялись. Разумеется, перед этим забирала плату за удовольствие, потому что «радость грез» городская ведьма отдавала не бесплатно. Интерес ко мне это подогрело еще больше, у трактирщика, которому я предложила долю, вскоре добавилось клиентов, настойчивости у них было не занимать, но я вела себя осторожно. И обрабатывала только тех, в ком была абсолютно уверена или кто уже побывал в моих «объятиях» и вернулся, чтобы получить очередную дозу наслаждения.

Разумеется, таких было мало – в этой части города богачи не появлялись. А завсегдатаи даже пари начали заключать, кто и за сколько сможет меня уговорить. Я не возражала и время от времени давала им повод позубоскалить. Но в последние месяцы по понятным причинам сюда почти не заглядывала, так что успех Йержа был сразу замечен, и парню даже поаплодировали, вогнав бедного целителя в еще большую краску.

Закрыв за ним дверь, я спокойно повернула ключ и опустила его в карман.

– О чем ты хотел поговорить?

– У нас появилась проблема, – все-таки взял себя в руки Йерж и, придвинув к себе стул, решительно на него уселся.

Я тоже присела, но на краешек широкой, аккуратно заправленной и очень скрипучей постели.

– Какая? Клиенты отказываются покупать зелья? Или Васька в последний раз не те травы приволок?

– Нет, с этим как раз все в порядке. У нас стали болеть студенты, Хель. И мы не можем понять, в чем дело.

– А почему ты ко мне с этими глупостями пришел? – удивилась я, начав ритмично раскачиваться на постели и вызывая этим жуткий скрип.

Йерж поморщился. Потом снова порозовел. А затем поджал губы и отвернулся.

– Мне кажется, ты имеешь к этому какое-то отношение. В УННУНе заболели почти все бесы, причем так, что были вынуждены обратиться к целителям. А затем одна небезызвестная тебе вампирша – да так, что я, если честно, уже не знаю, что делать.

Мне стало интересно. Йерж, насколько я знала, практиковался в нашей университетской лечебнице, куда частенько приводили студентов после лабораторок и всевозможных практик, в том числе и по ядам. А еще он, как многие старшекурсники, подрабатывал в единственной городской лечебнице, где всегда не хватало целителей. Так что понятно, откуда он прознал про непонятную болезнь.

Но меня интересует другое.

– Та-а-к... И почему же ты считаешь, что это я виновата?

– Ты у нас самый крупный специалист по гадостям, да и бесов на дух не переносишь. Насчет вампиров не уверен, но кое-кто проболтался на днях, что вы крупно поцапались с Асакой, поэтому я и пришел, – насупился Йерж и вдруг пристально на меня посмотрел: – Скажи мне, Хель, это ты их прокляла?

– Чего?! – От возмущения я чуть не сбилась с ритма. – Йерж, ты спятил?

Он нахмурился.

– Ну, может, не прокляла, а благословила...

– Да иди ты, – чуть не сплюнула я. – Если бы у меня была возможность кого-то проклясть, от бесов бы даже шерсти горелой не осталось, а если бы я могла нормально благословить, они бы передохли все до одного.

– Значит, не ты? – недоверчиво переспросил приятель.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – честно призналась я. – Но не буду изображать, что скорблю или хоть как-то озабочена состоянием твоих пациентов. Напротив, готова поверить даже в кару небесную, лишь бы этим поганцам, включая эту озабоченную вампиршу, воздалось по заслугам. А что за симптомы?

– Да в том-то и дело, что с виду ничего серьезного. Ни язв, ни гноя, ни уродующего воспаления. Обычная сыпь, которая то есть, то нет,

но от которой мы не можем никого избавить.

Я разочарованно вздохнула.

– И ты из-за такой мелочи всполошился?

– Конечно, – хмуро посмотрел на меня целитель. – Она может быть заразной.

– Так вот почему я этих прохвостов уже который день не вижу, – запоздало сообразила я. – И вампириша больше на глаза не лезет со своими претензиями. Я-то решила сперва – прониклась, ан нет, всего лишь приболела, дура клыкастая. И поэтому вы заперли ее в изоляторе.

– Что вы с ней не поделили? – тут же насторожился Йерж.

Я, пожав плечами, без утайки все рассказала.

– А с бесами?

Я хмыкнула и рассказала тоже. После этого старшекурсник надолго умолк и тоже принялся раскачиваться на стуле, добавляя к моему оглушительному скрипу более слабое, но такое же размеренное вдумчивое поскрипывание.

– И все-таки я считаю, что это – ты, – наконец изрек он, когда мне надоело раскачиваться. – Больше ни у кого не было возможности это сделать.

Я фыркнула.

– А другие причины вы не рассматриваете?

– Другие причины мы уже исключили, – скептически посмотрел на меня целитель. – Это не совсем болезнь, возбудителя мы не выявили. И она не магического происхождения – следов воздействия магией нет. А из немагических воздействий есть только две причины, способные так влиять на темных, и я тебе о них уже рассказал.

– Йерж, неужто ты думаешь, что я стала бы признаваться бесам, что умею благословлять? Или открыла эту тайну какой-то малознакомой вампирше с приятелями?

– Ее приятели не пострадали, – хмуро отозвался целитель. – По крайней мере, в городскую лечебницу с подобными жалобами никто не обращался.

– Может, они прячутся в подвалах, а то и вообще ничего не заметили?

– Сыпь нельзя не заметить, Хель, она сопровождается сильным зудом. И он так резко усиливается к утру, будто бедолаг каждую ночь пожирают огромные и вечно голодные клопы.

Я замерла.

– Как ты сказал? К-клопы?!

– Да, – виновато развел руками старшекурсник. – Мы сразу все

проверили, включая матрацы и постельное белье, но клопов нигде нет, хотя следы на коже показывают обратное. Короче, я не знаю, что делать.

Я с каменным выражением лица поднялась и подошла к единственному крохотному окошку, за которым царила непроглядная тьма. Плечи мои непроизвольно начали подрагивать, а из груди так и рвался упорный кашель, который я все никак не могла остановить.

– Хель, с тобой все в порядке? – обеспокоенно приподнялся Йерж, когда я склонилась к подоконнику и сдавленно хрюкнула.

Я из последних сил кивнула.

– Ты что, подавилась? Может, тебе воды принести?

Из моего горла вырвался сдавленный всхлип, а рукой я изобразила нечто неопределенное, потому что не знала, что еще сделать, чтобы он помолчал. После чего порылась в карманах и протянула ему ключ от двери, страстно желая, чтобы приятель куда-нибудь вышел, пока меня не перестанет трясти.

Йерж, машинально забрав ключ, вздрогнул, когда увидел мое побагровевшее лицо, отчаянно слезящиеся глаза, в которых стояла мольба пополам с непередаваемой мукой. Встряхнул меня за плечи, постучал по спине, но положительной реакции не добился и, заметавшись по крохотной комнатухе, все-таки вылетел за дверь, торопливо прогрохотав сапогами по ступенькам.

Я, не выдержав, медленно сползла по стене и только там, сидя на давно не мытом полу, тихо, обессиленно всхлипнула.

– Демоны Преисподней... Так вот где они наконец вылезли! А мы их уже потеряли... Ну кто мог подумать, что блаженные – то есть благословенные Васькины блохи окажутся такими умными?

Выпроводить Йержа и убедить его, что все в порядке, оказалось нелегко, но я все-таки справилась с этой сложной задачей. А затем и сама упорхнула в окно, сдавленно посмеиваясь и болтаясь в воздухе, как пьяная фея. Настроение было чудесным, свое тайное оружие я целителю так и не сдала, а теперь возвращалась в УННУН кратчайшей дорогой, погрузившись в радужные мечты относительно того, как смогу использовать своих новоявленных союзничков.

Надо же, блохи!

Я снова хрюкнула, опасаясь оглашать затихший Город злорадно-демоническим смехом. Меня мотнуло в сторону, но я тут же выровнялась и поднялась повыше, чтобы не искушать патрули, провоцируя их на стрельбу по неопознанному крупногабаритному объекту.

Мне, как верной супруге, надо еще мужу на глаза сегодня показаться, а ему вряд ли понравится, если я опоздаю. Он и без того в последнее время взбудораженный – то взрывается из-за пустяков, то, напротив, неоправданно щедр. На днях «Полный справочник древних рун» откуда-то принес, зная, что он мне нужен. А потом раздраженно рычал, придираясь к каждому слову, хотя я ничем не провинилась. Причем рычал он сердито, долго, утомительно. Задержал меня совсем. И затих только тогда, когда я оплела его хвост своим, подтянула поближе, а затем для верности придавила самый кончик босой ступней. После чего отбросила за спину волосы и разрешила им спеленать раздраженно шевелящиеся пряди супруга, которые уже давненько царапали мои бедра словно в попытке укусить.

От подобной наглости Князюшка так растерялся, что даже дал мне спокойно дочитать главу. А я, когда настало время уходить, не без труда распутала наши волосы, отметив про себя, что в следующий раз надо будет «привязаться» к мужу сразу, чтобы не отвлекал от учебного процесса.

Вчера я эту задумку успешно осуществила, и результат оказался обнадеживающим: драгоценный супруг, едва прижав меня к стене, озадаченно замер, даже не закончив стандартное «приветствие». Он удивленно обзрел наши черно-белые пряди, уже заплетшиеся в множество косичек, а потом медленно меня отпустил и в задумчивости пролежал до самого утра, настороженно к чему-то прислушиваясь и внимательно следя за тем, как я перелистываю страницы.

Мне понравилась его растерянность. И молчаливое присутствие, не требовавшее выполнения каких-либо обязательств, тоже. Поэтому перед уходом я без напоминаний одарила демона благодарным поцелуем и с улыбкой растаяла, откровенно наслаждаясь неопишным выражением его лица...

Задумавшись над своим следующим шагом, я так увлеклась, что не сразу услышала раздавшийся снизу тихий щелчок. И опасно промедлила, не разобравшись с ходом, чем мне грозил последовавший за ним свист. Поэтому слишком поздно метнулась в сторону. Слишком медленно увернулась. И сдавленно охнула, когда что-то с огромной силой ударило меня в спину.

Удар был настолько силен, что у меня помутилось в голове. Кажется, я даже потеряла сознание – всего на миг, но этого оказалось достаточно, чтобы крылья утратили упругость и обвисли двумя бесполезными тряпками. А затем меня спеленала какая-то невидимая сила, тугими канатами опутала грудь, и я камнем ухнула вниз, прямо на черные крыши,

успев перед этим охнуть:

– Не может быть...

Упала я с таким шумом, что, если бы район не был столь безлюден, местные жители повскакивали бы с постелей, с ужасом ожидая конца света. К счастью, падала не головой вниз, а боком, поэтому ударилась не насмерть. Но от удара о крышу и после, когда провалилась вниз старая черепица и мне пришлось падать уже на чердак, проламывая телом трухлявые доски, сознание я все-таки потеряла. Причем, видимо, надолго, потому что уже не помню, куда именно и как приземлилась и кто и куда меня потом тащил.

В себя я пришла от боли – лежа на земле, с ног до головы опутанная какой-то сетью. Безумно болело правое плечо, спина и правый бок, пальцы на этой же руке не двигались. Руки жестоко заломлены назад и связаны чуть выше локтей. Ноги спутаны, да так, что не сдвинуться с места. Какие-то веревки давят на грудь. Во рту солоно. Все тело ломит. А еще, судя по тому, как саднит скула и как медленно по ней стекает что-то горячее, я здорово ободрала себе лицо.

Едва попробовав пошевелиться, я чуть не взвыла – похоже, сломала плечо при падении. Но, что самое ужасное, у меня не получалось призвать вторую ипостась – сетка оказалась с вплетениями серебряных нитей, которые мешали поменять облик. И не только оборотням.

– Очнулас-сь? – прошипели у меня над головой, а затем какая-то тварь рывком вздернула мою голову. – Хорош-шо, вовремя... Как раз успеешь увидеть свою с-смерть...

В первый момент я по-настоящему испугалась – неужто муженек все-таки отыскал?! Но потом подумала – нет, ему не было нужды лишний раз причинять мне боль. Я бы и так сделала все, что он прикажет – ну или почти все, – по крайней мере, все последние недели я тщательно его в этом убеждала.

Но голос был не его. Другой, более высокий. А выступившее из темноты лицо и вовсе заставило меня дернуться.

– Асака... Ой, какая ты красивая!

– Нравлюсь? – прошипела вампирша, на лице которой виднелись следы от множества блошиных укусов. Как прыщи, только помельче, но на ее белоснежной коже любая красная точка смотрелась вызывающе. – Тебе будет намного хуже. И очень скоро. Гидес, у тебя все готово?

– Почти, – слышался откуда-то со стороны злорадный голосок беса. – Сейчас пару линий закончу... и мне нужна ее кровь. Добудешь?

Вампирша ухмыльнулась.

– Без проблем.

После чего чиркнула меня по щеке отросшими прямо на глазах когтями. Затем сжала больное плечо, отчего у меня во второй раз за день потемнело в глазах, и как сквозь толстое стекло до меня донеслось ее довольное:

– Столько хватит?

Что там ответил бес, я уже не расслышала – проклятая ведьма так стиснула сломанную кость, что я чуть не потеряла сознание. Снова попробовала перекинуться, но сеть держала крепко, и на каждую попытку начинала так жечь кожу, что вскоре по поляне (а мы, судя по шелесту листьев и мощному травяному аромату, находились где-то за чертой Города) потек сладковатый запах горелого мяса.

– Ловчие сети для демонов – наше изобретение, – чуть погодя снова вернулась Асака и, едва приблизившись, больно пнула меня по бедру. – Можешь не стараться – на суккуб это тоже действует. Призвать вторую ипостась ты не сможешь – серебро не даст. Крылья твои я сломала, поэтому улететь тебе тоже не светит. Так что лежи тихо, тварь, иначе я изуродую тебя снова.

– Не трогай, – снова раздался неподалеку ненавистный голосок беса. – Хозяин не велел ее портить.

– Мне плевать! Я хочу убить дрянь, что свела с ума моего брата!

– Хочешь встать на пути Темного Князя? – как-то негромко, но очень весомо осведомился бес. – Думаешь, он не найдет способа до тебя добраться, если ты испортишь ему новую игрушку? Ты для него – тля. Мельче даже, чем пыль под его ногами. Поэтому, если не хочешь неприятностей для себя и клана, – отойди. Мой хозяин не знает пощады.

Вампирша, что-то невнятно прошипев, неохотно отступила, а я устало обмякла.

Вот и все. Видимо, я где-то совершила ошибку. Чего-то не учла. Ведь Князь не мог... не должен был ничего понять! Я так долго и старательно заметала следы, что найти их попросту невозможно, как мне казалось раньше. Никто не должен был запомнить меня в лицо. Я почти не пользовалась настоящим именем. Но тогда как? Как он сумел? И откуда узнал, где именно я могла спрятаться?

От мысли, что скоро я увижу супруга во плоти, по телу прошла невольная дрожь.

Князь не простит мне обмана, брачных браслетов, побега, той долгой ночи, когда я сумела дать постоянный облик своей темной ипостаси. Не простит и ночей, потраченных на меня без пользы. Я нанесла ему

смертельное оскорбление, вынудив совершить брачный обряд. И оскорбила повторно, не позволив довести его до логического конца.

Он никогда не забудет этого унижения. И даже если не убьет, очень скоро я захочу умереть сама. Но буду лишь мучиться, томясь в приготовленной специально для меня клетке до тех пор, пока он наконец меня не сломает.

Что самое ужасное, я даже не могу понять, где именно прокололась! Что я упустила из виду? А еще не знаю, какое отношение ко всему этому имеют бес и вампирша, и это злит гораздо больше, чем сознание собственного промаха.

Впрочем, с бесом понятно – козлоногие уродцы с начала времен выполняли роль посыльных и шпионов для высших. Идеальные слуги – трусливые, но преданные, послушные и готовые ползать на коленях перед тем, кто сломит их волю. Гидеса, видимо, Князь сломал давно – бес появился в Мире годом раньше, чем я. Но бывших слуг не бывает, поэтому, даже оказавшись в УННУНе, Гидес продолжал ему служить. Разнюхивал, выведывал, следил. И, возможно, нашел способ послать весточку в Преисподнюю. Или же хозяин сам его нашел. А пышущая злобой вампирша просто под руку подвернулась – никто, кроме нее, не сумел бы так ловко швырнуть в меня ловчую сеть.

Интересно, что они хотят сделать, если в Мир не способна пройти чистокровная темная сущность? Порталы тут не работают, покинуть Мир самостоятельно эта парочка тоже не сможет – заклятие Жабы не позволит. Князь сюда не пролезет, и я, соответственно, тоже не уйду. Разве что они заставят меня снова поклясться Тьмой?

Поморщившись, я чуть приподняла голову, но тут бес радостно воскликнул:

– Готово! Давай ее сюда.

Меня обхватили со спины и рывком вздернули на ноги, не обратив внимания на мое злобное шипение. Судя по всему, это был один из сопровождавших Асаку вампиров. Больше просто некому – бесам мой вес в одиночку не поднять. Затем этот гаденыш крепко схватился за больное плечо, заставив меня с хрипом рухнуть на колени, после чего просто-напросто поволок за собой, не глядя на мое искажившееся лицо и брызнувшие из глаз слезы.

Кто именно волок, как и куда, я уже не понимала. Мне было настолько плохо, что я бы взывала в голос, если бы могла себе это позволить. Серебряная сеть больно впивалась в тело, обмякшие крылья, сломанные у самого основания, волочились сзади рваными тряпками, в плечо словно

когти впиявили – острые, длинные, а затем рывками проворачивали внутри, заставляя почти терять сознание от боли.

Когда меня швырнули на землю, я была уже на грани того, чтобы порадовать вампиршу своим болезненным стоном. Но когти с моего плеча наконец исчезли. И спину перестало ломить от нестерпимой боли. Так что через некоторое время я все-таки смогла отдышаться и, приподняв голову, посмотреть на тех, кому удалось меня пленить.

Гидес стоял шагах в десяти, гаденько ухмыляясь и потирая перепачканные в крови ладони. На поясе у него висел короткий изогнутый нож, подозрительно смахивающий на ритуальный. Маленькие глазки блестели торжеством и предвкушением скорой мести, а длинный хвост – жаль, я его тогда не отрезала – размеренно ходил из стороны в сторону, выдавая нешуточное волнение.

За его спиной пугливо жались к деревьям еще двое бесов, то и дело кидающих на меня быстрые тревожные взгляды. Я запомнила их морды до последней черточки, чтобы, когда освобожусь, больше не оставлять этих уродов в живых.

Чуть в стороне молчаливо ожидали приказа двое вампиров, которых я видела раньше. Рисьера с ними не было – значит, он пока еще поживет. Асака... Асака стояла ко мне ближе всех, а заметив мой интерес, медленно поднесла к лицу окровавленные пальцы и демонстративно их облизала.

На моих губах мелькнула и пропала змеиная усмешка.

– Ты будешь умирать страшно, – тихо сказала я и, сделав над собой усилие, с трудом встала. Меня шатало, по сломанному плечу обильно текла кровь, но я смотрела только на вампиршу, чей окровавленный рот тоже растянулся в жутковатой улыбке.

– Ты будешь первой, тварь. Князь тебя уничтожит.

– Посмотрим, – прошептала я, на мгновение прикрывая глаза, а затем решительно подняла голову и огляделась.

То, что я увидела, мне очень не понравилось. Но вместе с тем я была вынуждена признать, что действительно грубо просчиталась – у Князя все-таки имелся один надежный способ выдернуть меня отсюда. Причем всю, целиком, а не только темную ипостась. Способ, простой до отвращения и завязанный на такой древней магии, что с ней даже Мир не мог поспорить. Вокруг меня был нарисован большой и невероятно сложный круг призыва. Тот самый. Демонический. Напоенный моей собственной кровью и уже начавший потихоньку светиться неприятными багровыми огнями – такими же, как и вплавленный в рукоять ритуального ножа Гидеса кроваво-красный камень перемещения.

Вообще-то такую, как я, призвать в обычный круг невозможно – Свет удержит меня, даже если призвателем окажется сам Князь или Темная Герцогиня. Чтобы перебороть мой Свет, нужно два круга, исходный, который только что закончил бес, и принимающий – на той стороне, где меня, вероятно, с нетерпением поджидал драгоценный супруг. Более того, для ритуала требовалась моя кровь, не темной половины, а именно моя, цельная, и тоже – с обеих сторон. Но, судя по гнусной роже Гидеса и торжествующей ухмылке вампирши, Князь сумел как-то решить этот вопрос. И теперь оставалось лишь ждать, когда ритуал подойдет к своему логическому завершению, потому что нарушить его, находясь внутри круга, было невозможно.

Я вскинула голову, стараясь выглядеть невозмутимой, но получилось все равно жалко. Просить и умолять кого-либо не было смысла, да и не стала бы я унижаться. А вот сделать напоследок какую-нибудь гадость...

Я почти ласково посмотрела на злорадствующего Гидеса и, глядя ему в глаза, четко проговорила:

– Благословляю тебя, бес, на долгую и счастливую жизнь.

Тот только ухмыльнулся, а вампиры изволили негромко рассмеяться.

– Что ты там шепчешь, Хель? – заржал бес, тыкая в меня окровавленным пальцем. – Громче! Я не слышу! Скажи так, чтобы мы все смогли услышать, как ты умоляешь нас не делать этого!

– Благословляю, – с такой же ласковой улыбкой посмотрела я на вампиров. – И вас тоже, особенно тебя, Асака. Зря ты пила мою кровь...

Они все еще смеялись, когда вокруг меня ярко полыхнули линии демонического круга. Смеялись, когда меня изломало дикой болью, раскладывая на крохотные, не крупнее пылинки, кусочки. Но, уже истаивая в первородном, обжигающем пламене Преисподней, я почувствовала, как шевельнулся во мне придавленный магией ритуала Свет, и с наслаждением услышала истошный, полный ужаса и бесконечной боли визг вампирши, которому вторил быстро нарастающий рев попавших под мое благословение темных.

Глава 19

Ритуал призыва – совершенно мерзопакостная вещь. В первую очередь потому, что во время него не теряешь сознание. А чувствовать, как тебя сперва раздирают на мелкие кусочки, потом с силой швыряют в бездну, после чего заново собирают в единое целое, – то еще удовольствие. Я его испытала в полной мере, поэтому заранее сочувствую проклявшей Шмуля демонице, которую мы тоже когда-нибудь призовем.

Зрение, к сожалению, вернулось не сразу, поэтому я не разглядела, кто меня поднял с пола и, гулко топая тяжелыми сапожищами, куда-то поволок. И не расслышала, что именно этот некто бухтел, волоча меня на твердокаменном плече. А вот тому, что меня опять заковали в цепи, не удивилась, хотя на сырой подвал, признаться, сегодня не рассчитывала. Но, видимо, муженек решил больше не предоставлять мне гостевые покои. Или посчитал, что в ухаживаниях уже нет необходимости и он распрекрасно добьется моего согласия другими способами. Одно хорошо: я почти не опоздала на свидание и у него окажется на одну претензию меньше, чем могло бы быть.

Но зачем меня было швырять прямо на пол? Князюшка что, подарил кому-то привилегию надо мной издеваться? Может, конечно, тюремщик его близкий друг, но тогда где дыба? И почему он всего лишь сковал мне ноги вместо того, чтобы пришить к стене, как раньше?

Когда за продолжающим невнятно бурчать провожатым с лязгом захлопнулась дверь, я немедленно села, дожидаясь, когда глаза снова начнут видеть, а в ушах исчезнет утомительный гул. А когда полностью пришла в себя, внимательно огляделась.

Ну, что сказать... Гостеприимство супруга поражало: от щедрот его демонической души мне выделили целую одиночную, лишенную окон камеру без всяких удобств. Ни топчана, ни грязного матраца, даже дырявого ведра в углу и того не было! Зато железная дверь, напротив, была. Мощная даже с виду. Головой с разбегу точно не пробьешь. Стены каменные, влажные, местами украшенные плесенью веселой зелененькой расцветки. Света нет. Воды нет, ну, кроме той, что сочилась прямо из стен. Пол мокрый – на коленях стоять неудобно – и отвратительно липкий, поэтому сидеть на нем резко расхотелось.

Так, а что со мной?

На первый взгляд ничего страшного – правое крыло сломано

у основания, левое надорвано посередине... Увы, крылья у демонов регенерируют хуже всего, так что это – самое уязвимое наше место. Мелкие царапины и ссадины – пустяки, через несколько минут затянутся. Плечо почти зажило, кость срослась, однако боль никуда не делась – последствия встречи с вампирами будут аукаться моему потрепанному организму еще несколько часов.

Закрыв глаза, я привычно скользнула в легкий транс. Мое тело – мое оружие, это правда. Но даже драгоценный муж не знает, что оно послушно мне полностью. Все мои реакции, любые действия, каждый отклик происходят лишь тогда, когда я этого хочу. Маменькины змеюки почти восемь лет вбивали в меня хлыстами эту нелегкую науку, но мне лишь сегодня по-настоящему понадобились эти знания.

Избавиться от боли оказалось несложно, но, памятуя о визите мужа, имело смысл не превращаться в бесчувственную деревяшку, а всего лишь изменить ощущения. Пусть боль превратится в наслаждение, а наслаждение – в боль. Не думаю, что Князюшка продолжит свои грубоватые ухаживания – скорее всего, меня ожидает долгая и полная приятного разнообразия ночь. С применением колюще-режущих предметов, зубов, когтей, а может, и еще чего-нибудь столь же возбуждающего. Муженек у меня такой затейник, а со злости его изобретательность наверняка будет зашкаливать. Он ведь в подвал меня кинул не затем, чтобы красиво соблазнять, правда? Значит, будет больно. А боль, как он и сказал, бывает разной, вот только вряд ли он сможет чему-то меня научить.

Поднявшись с пола уже в темной ипостаси, я глубоко вздохнула и, звякнув цепями, расправила плечи. А затем провела ладонью по животу и не удержалась от усмешки: я не лгала мужу, когда говорила, что мне запрещено убивать темных, но «забыла» упомянуть, что, во-первых, темные должны быть чистокровными; во-вторых, я не могу их убить чистым Светом; и в-третьих, этого нельзя делать до совершеннолетия, которое наступит через каких-то полгода. Однако Асака не оказалась бы в УННУНе, если бы была чистокровной темной, да и обычных бесов сюда бы не взяли. Так что я почти не рисковала. Зато вампирше не повезло – глотать кровь, в которой есть Свет, было с ее стороны неосмотрительно. И когда я ее благословила...

Я сжала когти и злобно рассмеялась, вспоминая предсмертный визг и ударившую в последний момент по глазам яркую вспышку.

Да, мой Свет изначально слабее, чем у ангелов, но он так долго находился рядом с Тьмой, так отчаянно боролся за право обладания моей

душой, что научился черпать силы даже у извечного врага. И теперь, коснувшись темного, он не гас, как у пернатых, а наоборот – лишь набирал силу, рывками увеличивая свою мощь и убивая до тех пор, пока была жива моя светлая ипостась или пока рядом оставались те, кто его подпитывал.

Личиана об этом, кажется, догадалась, когда я уничтожила ее зомби, включая тех, кто еще не выкопался. А вот Асака не знала. И приятели ее ничего не заподозрили, иначе умчались бы оттуда с такой скоростью, которую только могли развить их не-мертвые тела.

Зато теперь я могу не беспокоиться, что кто-то узнает о моих способностях, на той поляне остался лишь пепел – жирный, черный и, как это обычно бывает после благословения, источающий легкий аромат земляники.

За моей спиной с почти неслышным хлопком открылся портал.

– Странно, что ты смеешься, – вкрадчиво произнес появившийся в подвале демон. – Обычно в этих камерах плачут.

Мой смех как отрезало. В груди что-то тревожно екнуло, а руки разом похолодели. Но понадобилось еще несколько секунд, чтобы до моего разума добралась ошеломительная мысль, что это *не тот* голос, который я хотела услышать. И *не тот* демон, которого я ждала.

Все еще не веря, быстро обернулась, с некоторой долей растерянности рассматривая покрытую чешуей серую кожу, порванные на кончиках крылья, украшающие торс многочисленные шрамы и бездонные черные глаза, в которых светилось предвкушение. Да, пришедший по мою душу гость был Темным Князем, могущественным и свирепым... но это был *не мой* Князь! Чужак! Тот самый, которому муженек отказался меня продавать!

– Удивлена? – довольно улыбнулся «сосед», когда на моих ослабевших ногах тихонько звякнули кандалы. – Но я тоже не ожидал тебя увидеть, да еще в таком виде и во владениях давнего соперника. Приятно наконец познакомиться лично, Хельриана Арей Нар Шармиэль. Или ты предпочитаешь называться Нор Валлара?

Я пригнула голову и оскалилась.

– Меня вполне устраивает имя отца.

– Отчего же так? – почти ласково прошептал демон, одним движением скользнув ближе и уставившись на меня в упор. Торжествуя, с какой-то мстительной радостью, от которой мне стало не по себе. – Говорят, твоя хитроумная матушка много сил потратила на поиски младшей дочери, бесследно исчезнувшей из Преисподней пять лет назад.

– Она лишила меня родового имени.

– Ничего подобного. – Когтистая рука почти не больно ухватила меня за подбородок. Отшатнуться я не могла – цепи и так натянулись до предела, поэтому пришлось терпеть и с недоверием всматриваться в лицо державшего меня демона. А он улыбался. По-прежнему улыбался, вот только глаза оставались холодными и пустыми. – Конечно, Темная Герцогиня была в ярости, когда ты вылетела из Академии демонов со скандалом. И, как говорят, планировала жестоко тебя наказать за опозоренное имя рода. Но стоило ее ищейкам тебя потерять, как вся эта бравада закончилась, и в Преисподней начались такие активные поиски, какие, наверное, даже я не устраивал, когда из домена пытался сбежать утративший мое доверие старший сын.

Я поморщилась: без скандала вылететь у меня не получилось – громкое матушкино имя послужило бесплатным пропуском в это престижное заведение, но из-за него же оттуда оказалось невозможно уйти. Меня держали вопреки всему – скверному характеру, демонстративно проявляемой лени, отвратительной успеваемости... Пришлось воспользоваться любовными чарами, испортить жизнь преподавателям, довести их до состояния открытой войны друг с другом. И только волевым решением ректора, продержавшегося чуть дольше остальных, меня наконец вышибли на улицу. Больше я таких ошибок не совершала и в дальнейшем представлялась исключительно отцовским именем, но след, как выяснилось, остался. И, возможно, не единственный.

Я подняла на демона спокойный взгляд.

– Как вы меня узнали?

Да, как, если я все время меняла маски?

Темный Князь пробежался когтями по моему сломанному крылу.

– Это оказалось нетрудно – стоило лишь увидеть твои крылья, как все встало на свои места, – у твоей бабки, Шоты, были точно такие же. И пусть у нынешней Герцогини крыльев нет, пусть она проявила осторожность, и долгие годы считалось, что их нет и у ее дочерей, пусть со времени правления Шоты прошло очень много времени, но я не забыл твою хитроумную бабку. И отлично помню, кто и почему стал причиной ее смерти. Я уверен, что такое наследство могло достаться тебе только от нее. И ты – единственная из трех дочерей Шармиэль, кто почти не присутствовал на официальных приемах и до кого не смогли добраться мои, да и ничьи другие слуги.

Подумав о продажных инкубах, которых при дворе Герцогини толпилось более чем достаточно, я мысленно выругалась, а он усмехнулся.

– Твои крылья слишком приметны, Хельриана... или, может, мне звать

тебя просто Хель?

Я угрюмо промолчала, а он неожиданно снова улыбнулся.

– Поначалу я решил, что ты – новая игрушка моего недоверчивого соседа. Потом посчитал, что ты просто купила себе надежное убежище. Но затем я подумал: а что ты могла предложить Темному Князю в качестве платы? Что могло его заставить помогать тебе? Он глубоко презирает вашу расу и настолько стоек в своих убеждениях, что не принял ни одного приглашения на ваши знаменитые балы. У него весьма натянутые отношения с твоей матерью, и он не интересуется суккубами как женщинами. Выходит, было что-то, ради чего он решил окончательно испортить отношения с Герцогиней?

Демон когтем приподнял мой подбородок.

– Но самое интересное выяснилось, когда мне донесли, что он упорно кого-то ищет, Хельриана. Не поднимая шума и, что самое удивительное, безуспешно. Я перехватил одну из его ищеек и знаешь, очень удивился, обнаружив, что он ищет... тебя. А потом понял, что меня так смутило в прошлую встречу, – твоя ипостась. – Его губы раздвинулись в нехорошей усмешке. – Твоя прекрасная темная ипостась, которая не пожелала меняться при моем приближении.

У меня похолодела спина.

Демон, это что же такое творится? Неужто он в курсе?

– Суккубы – слабая раса, – прошептал Князь, склонившись к самому моему уху и обдав его жарким дыханием. – Пожалуй, самая слабая в Преисподней. Но вы сумели приспособиться, используя для выживания самые низменные и легко подчиняемые мужские инстинкты. Выбирая себе покровителей из числа сильнейших, вы век за веком поднимались с самого дна, искусно играя на чужих желаниях. Слабейшие, ничтожные, но на редкость целеустремленные, вас слишком долго не принимали всерьез. Напрасно позволяли вам оставаться в тени и плести интриги за чужими спинами. Тысячелетия кропотливого труда. Века безграничного терпения. Манипулирование. Предательство. Обман. Войны, которые начинались не вами, но ради вас. Благодаря им вы в конце концов сумели подняться к вершинам власти. И только через нас, Князей, вам перешагнуть не удалось. Вам, которых даже шлюхами назвать язык не поворачивается – это было бы оскорбительно... для шлюх. Как ни прискорбно, но на сегодняшний день герцогство Суккубское – одно из сильнейших в Преисподней, однако даже сейчас вы ничуть не изменились. Вы с готовностью бросаете слабого ради сильного и уходите от сильного, чтобы вскоре отдаться сильнейшему. Предательство – вот ваша суть.

Потребность в покровителе у вас в крови – на этом зиждется выживание вашей расы. И чем сильнее покровитель, тем быстрее и легче вы под него ложитесь. Но тогда почему же, Хельриана, почему ты не пожелала меняться, когда мы впервые увиделись? Ведь я сильнее твоего прежнего покровителя...

– Вы в этом уверены?

На моем горле тут же сжались мужские пальцы.

– Мне невыгодна война с соседом. Пока. Но почему-то в прошлую встречу ты, испугавшись меня, совершенно не боялась *его*. И не пожелала сменить покровителя, хотя для суккубы это было бы естественно. Мне захотелось выяснить, чем же мой сосед тебя так привлек, что ты предпочла *его* мне. И что есть такого ценного *в тебе*, раз он объявил столь щедрую награду после твоего побега. Узнав, что ты нужна ему живой, я бросил клич во все миры и по всем учебным заведениям, где ты еще не была, поднял всех своих шпионов, вплоть до тех, о которых уже давно забыл. И, как видишь, маленькая моя суккуба, я тебя все-таки нашел. И теперь жажду получить ответы на свои вопросы.

Меня немного отпустило. Значит, про браслеты он не просек. Решил, что я сбежала, и поэтому меня так активно ищут. Прекрасно. Значит, убивать меня он не будет... пока не узнает, для чего я ему в действительности нужна.

– Выходит, Гидес служит вам? – осведомилась я, стараясь не выдать охватившей меня дрожи.

Пальцы на моем горле слегка ослабили хватку.

– Служил. Бес-двоедушник^[2], проданный в услужение своей собственной матерью. Жаль, что этот безмозглый кретин умудрился сдохнуть именно тогда, когда стал особенно нужен. Твоя работа?

Я скривилась. Вот уж не знала, что отцом Гидеса был настоящий двоедушник. И даже не предполагала, что помесь бесовки и полудемона будет жизнеспособна. А жаль. Иначе я бы не рискнула показать этому уроду свою вторую ипостась.

– Маменька учила меня не оставлять за спиной живых врагов. Откуда вы взяли мою кровь?

– Это было нетрудно, – неожиданно усмехнулся Князь, и мне под подбородок снова уперся острый коготь. – При дворе всегда найдутся желающие укоротить очередь на наследование и выкрасть пару мензурок из тайника Герцогини.

Я поморщилась: ничуть не сомневалась, что маменька запаслась нашей с сестрами кровушкой – очень уж она предусмотрительна.

И наверняка не раз пыталась воспользоваться кругом призыва, когда я исчезла. Вот только, в отличие от Князя, у нее не оказалось шпионов в УННУНе, поэтому вернуть меня у нее не получилось. Да и муженек, хвала пернатым, не додумался поранить меня в первую встречу, иначе сидеть бы мне сейчас в другом подвале и страдать не в пример больше.

Остальное более-менее понятно. Ворованной мензурки демону как раз хватило на принимающий круг, а Гидес свою пару капель взял в УННУНе. Вампирам щедро заплатили за помощь – или пообещали заплатить, а потом избавились бы от них как от ненужных свидетелей. О том, как бесы получали приказы, тоже гадать не приходится – хозяин просто призвал Гидеса, когда в том возникла необходимость. А поскольку все рабы дают хозяину клятву Тьмой, да еще и на крови, то даже особенное расположение УННУНа не стало для Князя препятствием. После этого достаточно было назвать двоедушнику мое настоящее имя и описать крылья, чтобы Гидес обо всем догадался. А затем подождать, пока кто-то выкрадет из маменькиного тайника заветную мензурку, и провести несложный ритуал.

– Задумалась о будущем, Хель? – снова наклонился ко мне демон и выхватил из-за спины длинную белую прядку, явно намереваясь ее оборвать. Та тут же уколола его острым кончиком, умудрившись рассечь кожу до крови.

Я злорадно хмыкнула, а Князь ожидаемо осерчал. После чего наотмашь ударил меня по лицу и, схватив за волосы и заставив запрокинуть назад голову, прошипел:

– Считаешь, это смешно?!

Как раз закончив просчитывать варианты, я с готовностью рассмеялась, позволяя пышной шевелюре свободно рассыпаться по мокрому полу. А затем представила, как мои волосы выстреливают вперед десятками рук, обвиняют его обнаженный торс и с силой впиваются в спину. Стараясь особенно глубоко погрузиться в не защищенное чешуей место между лопатками. Так сладко, так больно... до самой кости, чтобы провернуться там острым жалом и вырвать кусок окровавленной плоти вместе с кожей.

От подлого удара демон выгнулся, взыв так, что у меня заложило уши. Инстинктивно шарахнулся назад, но сделал только хуже – мои волосы, обзаведясь на кончиках завитками, подозрительно похожими на крючья, вонзились настолько глубоко, что располосовали ему не только кожу и мышцы, но и тонкие перепонки на крыльях, мгновенно превратив их в лоскуты. Особенно внизу, у самого основания, где у высших была

самая плохая регенерация.

– Ты-ы-ы!.. – взревел Темный Князь, обнаружив, что летать он больше не сможет, и едва не задохнулся от бешенства. – Убью!

Я радостно ощерилась и вошла в транс полностью.

Давай-давай, родной. Я знаю твои слабые места, у меня было достаточно времени, чтобы изучить их все до единого. А сейчас ты стал еще немного слабее, демон. Как раз настолько, чтобы больше ничем не превосходить одного моего знакомого Князя.

Из глотки демона вырвался нечленораздельный рык, а затем по моей груди полоснули острые когти. И еще раз, и еще...

Я невольно отступила на шаг.

Нет, боли не было, как и обещали двое инкубов. Ничего не было, кроме треска раздираемой плоти и острого, ни с чем не сравнимого запаха свежей крови, которым хотелось упиваться до тех пор, пока бьется сердце. К счастью, регенерация сработала как надо – раны заживали почти сразу, поэтому Князь мог полосовать меня когтями до полного озверения. И он охотно это делал, не думая ни о чем другом. И пока не отдавая себе отчета в том, что нанесенные им раны заживают почти мгновенно.

Кровь была везде – на мне, на яростно взревевшем демоне, даже на потолке и двери, за которой наверняка кто-то был. Но я все еще стояла. Живая. Не издавшая ни стоны, ни звука, ни всхлипа. Только шаталась под шквалом ударов и отстраненно рассматривала перекосившуюся морду демона, который раз за разом заносил руку, чтобы в очередной раз изуродовать мне грудь.

Перехватив безумный взгляд Князя, я широко улыбнулась и весело ему подмигнула. А когда увидела нацеленный в мою грудь раздвоенный хвост, удовлетворенно кивнула. Вовремя! Все же моя выдержка далеко не беспредельна, да и резервы организма не бесконечны.

Интересно, одного удара ему хватит?

В знакомой комнате почти ничего не изменилось, за исключением растерзанного на мелкие лоскуты ковра, витающего повсюду пуха и жестоко разломанной кровати, над которой возвышался тяжело дышащий муженек с дико горящими глазами.

– Здравствуй, Княже, – облегченно выдохнула я и тут же огорченно поникла, поняв, что даже человеческая ипостась не удержала его от безумия. – Прости, я задержалась и не смогла тебя предупредить.

Он обернулся так быстро, что я, если бы могла сейчас по-настоящему бояться, отшатнулась бы. Но сердце все же екнуло, когда по мне буквально

хлестнули бешеным взглядом, и я невольно отступила на шаг, когда супруг прыгнул навстречу, а внезапно отросшие когти остановились на волосок от моего забрызганного кровью лица.

– Прости, – раскаянно прошептала я, когда Князь замер, обшаривая меня злым взглядом и одновременно втягивая ноздрями поплывший по комнате дурманящий аромат. – Ты ждал меня, а я такая копуша...

Увы. С этой стороны я выдержку мужа не проверяла – времени не хватило. Но лучше бы ему поторопиться с принятием решения: мои раны быстро затягиваются, и новых больше нет, а это значит, что «сосед» уже обуздал свою ярость. Скоро догадается, зачем я его разозлила, и после этого я уже никогда сюда не попаду.

– Что с тобой? – наконец хмуро осведомился супруг, когда от ран не осталось и следа.

Я сокрушенно развела руками.

– Пытают...

– Кто? – сухо осведомился Князь.

– Соседушка твой, больной на всю головушку. Боюсь, он нашел меня первым.

– Что?!

В глазах демона за клубилась Тьма.

– Я же велел тебе быть осторожной! – прорычал он, никак не отреагировав на мой плачевный вид и на то, что остатки одежды, от которой к тому времени остались одни лоскуты, соскользнули с меня сами собой. За исключением рукавов, которые так и болтались на запястьях.

Я виновато вздохнула.

– Прости, Княже.

– Ты обещала вести себя тихо! – снова рыкнул он и осекся, когда увидел мое бедро, на котором прямо у него на глазах расцвели пять алых полос от невидимых когтей.

Я проследила за его взглядом и с досадой цокнула языком.

– Гляди-ка, коллега твой все не успокоится. Буйный он и совсем неграмотный – кто же так далеко от сосудов бьет?

Следом за бедром кровавым украшением обзавелся живот, затем грудь и левая щека.

– Точно буйный, – решила я, слизнув с губы капельку крови. – Ты с ним поосторожней, Княже. С таким ненормальным дела иметь нельзя. Куда это годится – чуть что, сразу на людей кидается. На цепь его надо, на цепь, как собаку бешеную...

Еще одна полоса издевательски медленно поползла по правой руке от плеча до самых пальцев. Я задумчиво повертела пострадавшей конечностью, рана на которой тут же закрылась, и так же задумчиво изрекла:

– Ну вот, еще и невежа. Кто же так девушку будит?

А когда еще три полосы прочертили кожу прямо над лобком, после чего вокруг меня начала клубиться самая настоящая Тьма, я подняла голову и возмущенно посмотрела на резко помрачневшего муженька.

– Княже, он еще и мертволюб? Я там без чувств, понимаешь, лежу, а его на игрища потянуло? Муж мой, с кем ты спорные земли делить надумал? Он же извращенец!

– Ты что, совсем боли не чувствуешь? – наконец хрипло рыкнул его темнейшество, недобро сузив глаза.

– Нет. Я в трансе.

– Что? – после секундной паузы переспросил он.

Я отмахнулась.

– Не волнуйся, Княже. Я сейчас вообще ничего не чувствую. Меня в свое время столько пытали, что я теперь даже смерть свою не почувствую, пока не станет слишком... Ой! – Я осеклась и, торопливо отступив от подозрительно закаменевшего мужа, пробормотала: – А вот об этом тебе знать совсем необязательно.

Демон так же тихо зарычал, уставившись на меня налитыми кровью глазами, и я попятилась еще дальше, молитвенно складывая на груди руки.

– Не сердись, Княже, я ведь пришла! Я не нарушила слово! За то, что опоздала, ты меня потом накажешь – если успеешь, конечно. – Я покосилась на свои руки, которые уже успела оплести Тьма, сделав их полупрозрачными. А потом вздрогнула, когда Князь одним прыжком оказался рядом, вскинула голову и, заглянув в совершенно безумные глаза, взмолилась: – Не злись, пожалуйста! Я вернусь! Сейчас разозлю этого дурака посильнее, и сразу к тебе! Крылья я ему уже испортила, но у него же еще хвост остался. А если до хвоста не дотянусь, то хотя бы палец откушу. Или в глаз дам – у него пока оба на месте, непорядок. Или еще что-нибудь придумаю и тут же вернусь к тебе. Хоть на минуточку! На мгновение!

– Где ты?! – рявкнул его темнейшество, встряхнув меня так, что аж зубы клацнули.

– Н-не знаю! Он меня через круг призвал.

– Демонический?!

Я хотела съязвить – а через какой же еще? – но не успела: что-то

с огромной силой выдернуло меня из объятий разъяренного супруга и, утопив в бездонном черном колодце, с размаху вышвырнуло обратно в реальность...

– Приш-шла в себя? – прошипел Темный Князь, едва я открыла глаза и осознала, что лежу без движения на холодном полу, в луже собственной крови да еще и без одежды. А этот... нехороший демон стоит, опершись на колено, держит меня за глотку и с мрачным торжеством заглядывает в лицо. – Хорошая была попытка, не спору. Да жаль, регенерация подвела.

Увидев прямо перед собой перекошенную морду с оскаленной пастью, я непритворно отшатнулась.

– Изыди, сила нечистая!

И размашисто его перекрестила, как это делают, если Марти не наврал, в некоторых немагических мирах. Демон от неожиданности отпрянул, но от резкого движения его колено поехало на липкому полу, отчего Князь пошатнулся и едва не ткнулся носом мне в грудь. После чего раздраженно выпрямился и уже сверху зло бросил:

– Вставай!

– Дайте руку, я травмированная! – нагло потребовала я, даже не думая шевелиться.

Вместо ответа демон пнул меня под ребра, но я успела перекатиться и встать, да еще и глумливо ухмыльнулась, когда Князь опять потерял равновесие, поскользнувшись на застывающей крови.

– Ты будешь умирать долго, – одарив меня бешеным взглядом, пообещал Князь и сделал что-то непонятное, отчего меня согнуло дугой и припечатало к ближайшей стене, приковав к ней невидимыми цепями. Только почему-то не вертикально, а наискось, будто демона отчего-то переклинило. – Больше я ошибок не совершу – легкой смерти ты не получишь.

Я расстроено обвисла.

– Жаль, что у вас теперь крыльев нет, а то я бы оспорила ваше опрометчивое заявление.

Как у него хватило сил сдержаться, ума не приложу. Но вместо того, чтобы оторвать мне голову, демон лишь вдавил меня в стену до хруста, а когда я смогла наконец вдохнуть, ухватил за волосы и одним движением обрубил их на уровне шеи.

Я с сожалением посмотрела на бессильно обвисшие в его руке пряди. Жалко, красивые были... Мм, а почему голова так чешется? И с чего это милый Князюшка с такой яростью на меня смотрит?! А-а, это волосы опять

отросли – чистенькие, беленькие, гладенькие, прямо загляденье. Да еще недвусмысленно поползли к чужим сапогам с явным намерением порвать их на лоскутки. Умнички мои, вернемся домой, я вас расцелую!

Отшвырнув в сторону первую порцию прядей, Князь мстительно обрезал и втоптал в грязь вторую. Но, увидев, с какой скоростью растет третья и с каким искренним любопытством я наблюдаю за этим процессом, сплюнул, крутнулся на месте... и, грохнув дверью, выскочил в коридор, прошипев напоследок:

– Сейчас инструмент доставят, и мы продолжим!

– Буду ждать с нетерпением! – крикнула я вслед и, услышав, как где-то неподалеку со злостью грохнула вторая дверь, с облегченным вздохом обвисла. Довела я наконец Князюшку. Молодец. Так довела, что он сбежал, побоявшись пристукнуть меня раньше времени. Сейчас он отдышится, злобу на ком-нибудь сорвет, а потом снова в гости пожалует. И будет у нас с ним до-олгий, обстоятельный, вдумчивый разговор ни о чем, в котором он попытается убедить меня ответить на вопросы.

И я отвечу. Когда-нибудь. Если, конечно, муженек не поторопится. А пока надо постараться уснуть – времени у нас обоих осталось в обрез.

Глава 20

Уснуть мне, к сожалению, не дали. Как только я закрыла глаза и расслабилась, дверь с новым лязгом распахнулась, и кто-то грузный, громко топая ногами, бесцеремонно вошел в камеру. Потом что-то грохнуло, заставив меня болезненно поморщиться, зазвенели какие-то железки, а затем совсем близко раздалось чье-то громкое сопение, вынудившее меня неохотно приоткрыть один глаз.

– Ептырь-моптырь... – вырвалось у меня невольное при виде огромного, заплывшего жиром тролля в коротком кожаном фартуке на голое тело, стоявшего ко мне спиной и сверкающего зеленым пупырчатым задом. – Ты б хоть оделся, сексуальный ты наш!

Троль недовольно всхрипнул и что-то буркнул себе под нос, но голый зад так и продолжал маячить перед моими глазами. Видимо, стыда, как и одежды, тюремщик сроду не знал, потому что, раскладывая невидимые мне инструменты, то и дело наклонялся над столиком, заставляя меня сдавленно кашлять. А потом и вовсе уронил одну железку на пол, после чего неуклюже встал на карачки, вовсю издеваясь над моим чувством прекрасного.

К счастью, возился он недолго и вскоре снова поднялся на ноги, так что преждевременная смерть от удушья мне грозить перестала. Но при этом длинные завязки фартука, повязанные кокетливым бантиком над самыми ягодицами, чуть распустились, а их свободные концы словно нарочно скользнули между красующимися зрелым целлюлитом половинками, едва не вызывая у меня сердечный приступ.

– Господи, дай мне сил выдержать это испытание, – шепотом взмолилась я, когда ягодицы тролля намертво зажали завязки, а бантик на его спине стал медленно и неумолимо развязываться. – На что угодно соглашусь, лишь бы он не поворачивался!

Троль наконец услышал и с недовольной мордой обернулся. Маленькие красные глазки с подозрением сощурились, уродливая морда скривилась, а затем он все-таки повернулся весь и, уперев руки в боки, грозно рыкнул:

– Хр-р-р!

В обморок я не упала по двум причинам: потому что все еще висела пришпиленная к стене и потому что спереди фартук оказался достаточно длинным, чтобы прикрыть самое страшное. Моя светлая половина такой

целомудренности, правда, не оценила и торопливо сбежала на самые задворки сознания, а темная скорчилась на стене и, не выдержав, все-таки сдавленно всхлипнула.

– Хр-р! – с ноткой недоверия повторил тролль, подозрительно рассматривая трясущуюся меня.

Я икнула.

– П-прости... эт-то я от страха... ик...

– Хр-р?!

– Честно-честно, от страха... щас описаюсь.

Тролль нахмурился, грозно подвигал бровями, но потом счел мои кривляния убедительными и снова отвернулся. А после моего всхлипа все-таки почувствовал неладное, нащупал толстыми пальцами предательски распутившиеся завязки, рванул со всей силы, выдирая их из собственной... словом, оттуда... но, видимо, перестарался, потому что сдавленно охнул и аж перекосялся.

Мне стало совсем плохо, когда проклятые завязки с сочным чмоком наконец высвободились из... половинок, а тролль остервенело почесался... да, снова там. После чего преспокойно завязал фартук, не заметив, как при виде подозрительно потемневших кожаных лоскутков у меня закатились глаза.

К счастью, это издевательство вскоре прекратилось. Тролль решил поменять диспозицию и, обойдя столик, встал ко мне лицом, чтобы иметь возможность следить за не подающей признаки жизни пленницей. Я после этого тут же ожила, а затем присмотрелась повнимательнее к столику и заинтересованно подалась вперед.

– Ух ты! А что это ты там раскладываешь?

При виде щедрой россыпи всевозможных ножей, пил, отполированных до блеска гвоздей и клещей, сваленных в кучу, мои глаза блеснули азартом.

– Ого! Демонический пыточный набор номер четыре! Полная версия!

Тролль на мгновение оторвал взгляд от инструмента и с сомнением покосился на заерзавшую меня.

– Это же какой раритет! – благоговейно прошептала я, пожирая глазами лежащий сверху жутковатого вида нож с обсидиановой ручкой. – И наверняка сделанный по индивидуальному заказу. Он же магический! Правда, да? Правда? Ну скажи!

Под моим умоляющим взглядом тюремщик опешил.

– Скажи... – заныла я, дергаясь в путах, как припадочная. – Ну пожалуйста. Я такого в жизни еще не видела! Меня пытали чем попроще!

– Хр? – Левая бровь тролля удивленно приподнялась.

– Самым деше-о-овым, – с обидой протянула я. – И но-о-овым... А на этом кровь еще не везде обсохла. И ты – намного страшнее и жутче, чем те два полудурошных инкуба, которые пытались научить меня наслаждаться болью.

Бровь тролля взлетела еще выше.

– Ты страшный! – горячо подтвердила я, радостно ему улыбнувшись. – Хозяин правильно тебя выбрал, чтобы меня напугать, – я уже дрожу, визжу и падаю от восторга. Такая честь, такая честь... Ты же самый лучший, да? По глазам вижу! Ну скажи, лучший?

Здоровенная зеленая образина гордо надулась и, ткнув себя в грудь толстым пальцем, важно хрюкнула:

– Хр!

– Ути-ути, мой славный, – умилилась я и, окинув жарким взглядом гору железок на столе, снова взмолилась: – А ты мне их покажешь? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Покажи, пока никто не мешает, а то я в процессе разглядеть не успею, а мне так хочется! Целых пять лет об этом мечтала. Меня ведь с того времени больше никто и нигде... а ты – такой жуткий! Такой замечательно кошмарный! Дай насладиться, а?!

Троль непонимающе нахмурился, а я невероятным усилием выпростала из пут левую руку и дрожащим от волнения пальцем ткнула в обсидиановую рукоятку.

– Покажи узор!

Он медленно взялся за нож и раскрыл ладонь так, чтобы я могла видеть черный камень с небольшими вкраплениями и не до конца очищенное от бурых пятен лезвие, которое совсем недавно побывало в работе.

– Какое чудо! – прошептала я, едва не прослезившись.

А троль, удовлетворившись моим видом, положил нож на специально освобожденное место, так же медленно взялся за следующий и с любопытством уставился на мое восторженное лицо.

– О-о-о, мама моя суккубская... Какая сталь! – простонала я, страстно извиваясь в путах. – А как она, наверное, режет... у-у-у...

Троль расплылся в понимающей улыбке и уже охотно показал мне третий нож, четвертый... Я с готовностью ахала, охала и невнятно мычала, закатывая глаза и не скрывая обуревавших меня чувств. Но когда он, разошедшись, небрежно отложил ножи и взялся за клещи, тут же востепенелась и гаркнула:

– Стой! Туда нельзя! Не по регламенту!

Троль вздрогнул и едва не выронил инструмент от неожиданности. А я порывисто качнулась вперед и сердито зашипела:

– Этот нож должен быть пятым справа, а не слева! Знаешь, что с тобой хозяин сделает, когда поймет, что ты ошибся?

Моего беспортошного тюремщика прошиб холодный пот. Испуганно оглядев усеянный инструментами столик, он аж посерел от мысли, что мог прогневить своего Князя, которому пришлось бы тянуться за нужным ножом в непривычное место. Молниеносно переложил нож на нужное место, а затем воровато оглянулся и украдкой вытер мокрый лоб. После чего посмотрел на меня с такой признательностью, что я успокаивающе улыбнулась и снова обвисла.

– Не бойсь, не сдам. Ты давай дальше показывай – там наверняка много еще интересного. Хочу все посмотреть.

Тюремщик – или все-таки палач? – окончательно успокоился и уже с большим энтузиазмом продемонстрировал мне любимые игрушки. Каждую повертел в руках, с довольным видом погладил, поурчал, заботливо протер чистой тряпочкой, за что я его отдельно поблагодарила – нечего мне под кожу всякую заразу заносить. Затем аккуратно разложил на столике, сгруппировав по выполняемым ими функциям. А когда дошел до жутковатого вида кусачек, я снова встrepенулась.

– А это для чего?

Троль продемонстрировал мне свою лапищу и звучно щелкнул кусачками возле большого пальца.

– А-а-а... А вон то?

Он поднял такого же жутковатого вида пилу и изобразил, как отпиливает себе руку.

– А вон та спица... О, посеребренная! – со знающим видом присвистнула я. – Вот это точно круто! Мне такая в прошлый раз не досталась! А куда ее втыкают?

Троль на мгновение задумался, после чего пожал плечами.

– Куда угодно, значит, – поняла я. – Отлично. Жаль, что она такая маленькая – я б ее предложила в самом конце использовать – один удар под подбородок, и все, прощайте, мучения жертвы.

– Хр-р! – возмущенно вскинул голову троль.

– А что такого? Все хорошее когда-нибудь кончается. Такой добивающий удар получится, что просто загляденье!

– Хрр-р! Хр! Хр-р-р!

– Чего? – недоуменно переспросила я. – Думаешь, я не заслужу такую честь?

Троль яростно замотал головой и что-то изобразил руками. Но когда я растерянно моргнула, нетерпеливо подхватил спицу и, приложив к своей щеке так, чтобы нижний кончик оказался вровень с подбородком, а верхний смотрел на затылок, снова начал активно жестикулировать.

– Не получится, говоришь? – задумчиво протянула я. – Слишком короткая? А ты примерь... вдруг ошибся?

Троль негодуяще фыркнул и, со скрипом отодвинув столик, шагнул ко мне, сжимая спицу в зеленой лапке. Я с готовностью повернула голову, чтобы он мог приложить спицу, нетерпеливо поерзала, пока он копался, а когда троль отступил на шаг и торжествуя показал мне фигуру из трех пальцев, расстроено обвисла. Но вскоре снова встрепенулась и радостно брякнула:

– Зато через глазницу точно хватит!

Палач придирчиво оглядел мою довольную физиономию и задумался. Потом почесал через фартук пузо, подошел, опять приложил инструмент и все-таки неохотно кивнул.

Я гордо вздернула подбородок.

– Вот! Это у хозяина твоего голова такая большая, что до жизненно важных центров не дотянешься. И вообще, его по-другому убивать надо – для спицы хоть какие-то мозги надо иметь, а у него там одна сплошная кость.

– Ш-ш-то?! – тихо прошипели из коридора, дверь в который осталась открытой настежь, и в камере возник взбешенный Князь. Причем в человеческом, столь же неприятном, как и демонический, облике. И точно так же изобилующий шрамами, от одного вида которых становилось тошно. – Ш-што ты сказала?!

Троль, суматошно развернувшись, выронил спицу и рухнул на колени, когда его буквально проткнул полубезумный взгляд хозяина, а я радостно помахала лапкой.

– И снова здравствуйте, несдержанный вы наш! Отдохнули? Покушали? На горшок сходили? – поинтересовалась участливо, пока палач торопливо отползал в ближайший угол. – И это правильно. Дополнительное очищение способствует нормальной работе организма. Как настроение, Князюшка? Я гляжу, вы крылышки спрятали? Разумно. Я же могу и исцеленные снова порвать...

Он свирепо выдохнул и метнулся в мою сторону, растопыривая когти. После чего сжал мое горло до хруста и с наслаждением прошипел:

– Вот теперь я тебя точно убью!

– Обожди. – Ровный, нечеловечески бесстрастный голос, раздавшийся у входа, лечебным бальзамом пролился на мою душу, приготовившуюся к очередному посещению гостевых покоев. – Ты обещал не торопиться, сосед. Я еще не решил, нужна ли мне такая собственность.

Я скосила глаза, но за крылом взбешенного демона разглядеть что-либо не представлялось возможным. Однако голос... этот замечательно равнодушный голос я узнала бы из тысячи!

– Доброго дня, Княже! – просипела я из последних сил, хотя в глазах уже потемнело. – Простите, что не могу вас встретить как обычно, на коленях. Но, клянусь Тьмой, мне помешали обстоятельства непреодолимой силы...

– Я благодарен тебе, сосед, за поимку беглянки, – словно не услышал муж. – Позволь, я накажу ее сам.

Мое горло сдавили еще сильнее, в ухо жарко дохнули, но я из чистого упрямства посмотрела в прищуренные глаза душащего меня демона и прохрипела:

– До чего же здорово сознавать, что я опаснее высшего демона: мне вы еще ни разу спину не подставляли.

И чуть не охнула от неожиданности, когда меня так же резко отпустили.

Серокожий, отпрянув назад и в сторону, развернулся так резко, что даже ползающему неподалеку троллю показалось, что это было сделано излишне поспешно. Он даже уши прижал к головке и тихо, просительно заскулил, жалея, что стал свидетелем оплошности хозяина. «Мой» Князь сделал вид, что не понял причины заминки, а я не преминула вякнуть:

– Боится – значит уважает.

После этого на меня посмотрели все: серокожий – просто убийственно, палач, все еще стоящий в углу на карачках, – с явным сомнением в моих умственных способностях, а Князюшка – очень и очень многообещающе. Настолько, что я испытала бы страх, если бы вообще могла его чувствовать. Кстати, муженек тоже был в человеческом облике. Дань уважения хозяину дома, надо думать. Или он присоединиться надумал?

Молчание несколько затянулось. Одетые в одинаково черные камзолы и похожие, словно братья, Князя застыли друг напротив друга в напряженных позах. Троль снова испуганно уткнулся носом в стену и начал потихоньку долбиться в нее лбом. А я, поочередно оглядев всех действующих лиц, с укором заметила:

– Может, зелененького отпустим? Зачем ему, болезному, полы фартуком подметать? Все равно опять испачкаете.

Серокожий зыркнул на побелевшего от ужаса тролля и знаком велел ему убираться. Тот, не поднимаясь с колен, мелко-мелко затряс головой и торопливо пополз к выходу, светя пред светлыми... то есть темными очами повелителей голой задницей и тем богатством, что болталось ниже. По дороге он даже умудрился обогнуть лежащую на полу дверь, а затем с облегченным вздохом скрылся в коридоре, откуда вскоре донесся быстро удаляющийся топот, а за ним – гулкий удар и шум упавшего тела.

– В поворот не вписался, – глубокомысленно заметила я, когда у демонов беспокойно дрогнули кончики ушей. – Какой впечатлительный мальчик.

Князюшка одарил меня откровенно хмурым взглядом, а я растянула окровавленные губы в кривой усмешке.

– Что, хороша?

Его взгляд опустилсЯ ниже, пройдясь по алым брызгам на моей коже, ненадолго задержался на бедрах, где виднелись совсем свежие нитки шрамов. Вернулся к моему безмятежному лицу. Неуловимо потемнел. И только после этого дорогой муж соизволил разлепить губы:

– Больно дерзка стала. Наказание свое заслужила.

– Ты считаешь? – неожиданно вкрадчиво осведомился серокожий, не меняя позы. – Тогда, полагаю, не будешь возражать, если эта дерзкая козявка умрет?

– Нет, – спокойно отозвался муженек, еще раз пройдясь по мне взглядом профессионального палача. – Я убью ее сам.

Хозяин недовольно рыкнул.

– Если помнишь, сосед, ты – на моей территории.

– Да. – Бесстрастный взгляд Князя вернулся к угрожающе приподнявшему руки соседу. – Но меня она оскорбила больше, поэтому, Тьмой клянусь – суккуба умрет от моей руки.

При виде сгустившегося вокруг мужа черного облака, молчаливо подтвердившего данную во всеуслышание клятву, мои внутренности скрутило в тугой узел. Вот теперь шансов у меня действительно никаких: Князь пообещал – Князь сделает. Сама Тьма не позволит ему отказаться от слова. Я напрасно надеялась, что собственнические чувства заставят его побороться за мою жизнь, Князюшка слишком зол, чтобы простить мою оплошность. Утешает одно: серокожему больше ничего не светит в нелегком деле моего медленного умерщвления, и хотя бы за это муженьку большое нечеловеческое спасибо.

Подняв на мужа твердый взгляд, я нашла в себе силы дерзко улыбнуться.

– Умереть от вашей руки – огромная честь, мой Князь. Надеюсь, вы доставите даме удовольствие и не кончите слишком рано?

Супруг растянул губы в недоброй усмешке.

– Не сомневайся, ты будешь мучиться долго. Я подарю тебе очень много неповторимых и незабываемых ночей.

Я сделала вид, что вот-вот ему поклонюсь.

– Благодарю, Княже. Вы так добры...

– Тебе не кажется, что ты забываешься? – прошипел серокожий, предупреждающе посмотрев на «моего» Князя. – Может, стоит напомнить, что это моя пленница?

– Пленница твоя, – согласился муженек, делая крохотный шагжок по направлению ко мне. – Но убивать ее все равно буду я. Я сказал.

Это так, клятва Тьмой для Преисподней священна. И как бы ни хотел серокожий узнать цвет моих внутренностей, уважать равного себе он был обязан. И во избежание кровавой резни должен был уступить. Таков закон. А «мой» Князь, несмотря на то что владел всего лишь вторым по величине доменом, ему действительно ровня, иначе не разговаривали бы они сейчас. Не разошлись бы миром еще тогда, у горячего озера. И не делили бы меня, как два голодных кошака – жирную крысу, вместо того чтобы уже рвать друг другу глотки.

– К счастью, у каждой клятвы есть обратная сторона, – неожиданно усмехнулся хозяин домена и как-то нехорошо прищурился. – А это значит, что, если ты не сдержишь слово...

Я вскинула голову, когда высший демон, наплевав на все законы, рывком сменил ипостась.

– ...То умрешь сам! И меня это полностью устраивает!

Муженек, почти не отстав, тоже обратился и растянул губы в злой усмешке.

– Уверен, что это хорошая идея, сосед?

– Более чем! Вовремя повод нашелся! – хрипло расхохотался серокожий и, плотно прижав к спине изуродованные крылья, одним прыжком метнулся в мою сторону.

Конечно, убить меня намного проще, чем готового к атаке соперника. Я даже пошевелиться толком не могла, не то что оказать достойное сопротивление. Да и что я сделаю Темному Князю? Вот именно. Только повернуться могу, подставляя горло, чтобы ему было удобнее.

Собственно, если бы не супруг, вовремя осознавший предательство

«соседа», на этом бы все и закончилось. Но, к счастью, муж посчитал позорным умирать из-за меня, поэтому не только заступил серокожему дорогу, но и атаковал сам. Они ведь давние враги. Первый и второй домены. Наисильнейший и второй по силе демоны, чье молчаливое соперничество за обладание Преисподней уже вошло в легенды. Само собой, эта многовековая вражда не могла длиться до бесконечности, а взаимная ненависть не могла тихонько тлеть, не найдя однажды выхода. Просто, пока не было повода, они терпели неудобное соседство. При этом муженек достаточно владел собой, чтобы держать границы неприкосновенными, а серокожий был достаточно осторожен, чтобы десятилетиями копить силы и ждать, пока его преимущество станет безоговорочным.

Я вздрогнула и зажмурилась, когда мимо меня пронесся стремительный вихрь из переплетенных тел, обдав порывом сильного ветра и осыпав мелкой каменной крошкой. Раздался грохот опрокинутого столика и звяканье раскатившихся по полу пыточных инструментов. Затем по камням проскрежетали, высекая искры, чьи-то острые когти. Кто-то жутко взвыл, захрипел, забулькал. Через мгновение, едва меня не оглушив, взревел еще один голос. Жаль, не понимаю, кто из них кто... После чего во все стороны полетели клочья волос, какие-то ошметки, горячие брызги и не пойми что еще, словно демоны рвали друг друга на части, окончательно утратив разум.

Эх, Княже... А я-то надеялась, что ты тихо-мирно заберешь меня отсюда, после чего зверски пристукнешь в родных подземельях, напоследок помучив от души. Приготовилась, понимаешь, ко всему. Даже в транс глубокий вошла, чтобы не разочаровывать тебя жалобными воплями. А твой сосед посчитал, что дешевле будет решить все проблемы одним махом... Козел!

Как жаль, что добытое мной преимущество оказалось бесполезным – в тесной камере ты не можешь взлететь. А значит, вы опять равны, и я напрасно терпела прикосновения чужих когтей, дожидаясь момента, когда смогу атаковать.

Княже... ох, Княже... Ну почему ты не убил его раньше?

Я с тоской посмотрела на мечущихся по камере демонов и, поняв, что, вопреки всему, переживаю за мужа, горестно вздохнула.

Прости, мой Князь, но я ничем не могу тебе помочь, я слаба как воин и еще слабее как суккуба. Конечно, в случае победы ты обязательно отыграешься на мне, но я предпочту принять смерть от твоей руки. Ведь ты, в отличие от этого уroda, чуточку более человечен. И будешь

наказывать меня, а не глумиться. Мстить за нанесенное оскорбление, а не упиваться моей болью. Да, ты будешь жесток со мной и обязательно сдержишь данное Тьме слово, но при этом ты будешь честен. А эта тварь банально порвет меня на куски и медленно, глядя прямо в глаза, станет пожирать мою окровавленную плоть, до последнего растягивая удовольствие...

Неожиданно возле моей головы просвистел крупный каменный осколок, заставив дернуться от боли в пораненной щеке.

– Убей ее! – глухо прорычал неразличимый в серо-белом вихре местный Князь. – Убей, идиот! Быстрее!

Я вздрогнула, когда увидела в заметно расширившемся дверном проеме массивную тушу тролля. Вот те на! Очнулся, голубчик! И уже тянется зелеными лапищами к одному из валяющихся на полу камней, при этом как-то недобро поглядывая на меня. Понимает, гад, что, убив меня, убьет и чужого Князя. Вот же выкидыш врыдлы! Опустит камень! Опустит, кому гово... Нет! Только не в голову, поганка ты лысая! Мне же челку опять разлохматит!

При виде несущегося мне прямо в лицо обломка я вжалась в стену, инстинктивно закрываясь левой рукой.

Крак!

Меня обсыпало целым водопадом осколков, но, к счастью, среди них не оказалось ни одного крупнее моего кулака.

Уф! Неужто пронесло?

Я осторожно приоткрыла один глаз и едва успела увидеть, как в кружащемся неподалеку вихре исчезает длинный, раздвоенный на конце хвост. А затем мрачно уставилась на наклонившегося за новым обломком тролля и, сощутив глаза, четко и внятно бросила:

– Чтоб тебе что-нибудь тяжелое на голову прилетело!

Троль прищурился, взвешивая на ладони камешек побольше, замахнулся и... удивленно хрюкнул, когда с потолка отвалился нехилый кусок плиты, с размаху шарахнув гада по темечку. Я злорадно улыбнулась, когда жабеныш, сведя глаза в кучку, бесформенной грудой осел на пол, и мстительно хохотнула, когда остатки потолка, не выдержав сдвоенного напора разъяренных Князей, рухнули вниз полностью и с облегченным вздохом похоронили незадачливого тролля под собой.

Увы, победу я праздновала рано, серокожий быстро сообразил, что лишился единственного сторонника. А может, отголоски прокатившейся по подземелью дрожи привлекли его внимание? Как бы то ни было, рычащий и хрипящий вихрь внезапно распался, и передо мной

во всей красе предстали два тяжело дышащих демона, которые сверлили друг друга напряженными взглядами.

Я с радостью подметила на груди «серого» глубокие раны и не без злорадства констатировала, что его крылья окончательно превратились в лохмотья. Муж хорошо постарался, чтобы «сосед» больше никогда не взлетел, да и на могучем теле соперника успел оставить немало кровавых отметин. Хотя и сам, к сожалению, не остался невредимым – его левый бок был располосован вдоль и поперек, словно серокожий пытался выцарапать оттуда живое сердце. На левой щеке и плече тоже виднелись глубокие раны, из которых медленно и неохотно сочились темные, почти черные капли. Одно крыло он подвернул, пряча от врага уязвимую перепонку, а второе, судя по всему, оказалось сломано. Иначе зачем бы супруг так неудобно выставил его в сторону.

При виде израненного Князя у меня сжалось сердце. Он, конечно, ни в чьей жалости не нуждался, но и я с собой ничего поделать не могла. Какой-никакой, но все-таки он *мой* муж. И моя единственная надежда уцелеть в этом аду.

– Ты слаб, – злорадно прохрипел серокожий, к моему разочарованию оказавшийся не таким побитым, как мне бы хотелось. – Надо было раздавить тебя раньше, сосед. Жаль, что я поверил слухам и затянул наше противостояние.

На лице «моего» Князя появилась брезгливая гримаса.

– Твоя слава оказалась преувеличена, Асад. Не думал, что ты так легко поведешься на провокацию.

Серокожий свирепо рыкнул, а я затаила дыхание.

Ого! Узнать имя высшего демона – значит, отыскать хотя бы одну его слабость. С помощью имени их можно призвать в демонический круг. Заманить в ловушку. Отомстить, наконец. Не зря чистокровные демоны так тщательно скрывают эту тайну. Мр-р-р! Спасибо тебе, супруг, за щедрый подарок. Если выживу, обязательно им воспользуюсь.

– А ты самонадеян, братец, – усмехнулся вдруг серокожий, кинув на меня насмешливый взгляд. – Надеешься, твоя подстилка сможет воспользоваться этим знанием?

Я прищурилась. Братец? Оч-чень интересно... И чего еще я не знаю о своем супруге?

– Зря... – На ладони Асада мгновенно созрел приличного размера сгусток, похожий на стеклянный шар, внутри которого клубилась самая настоящая Тьма. – На этот раз тебе не выжить. Я не совершаю ошибок дважды.

Муж настороженно пригнулся, когда шар засветился недобрыми фиолетовыми огнями. Я, правда, не знала, что это такое, а вот супруг, по-видимому, был в курсе. Недаром у него так сверкнули глаза. И не зря охрип голос, когда во второй ладони Асада появился еще один такой же сгусток.

– Абсолютная Тьма...

– Не ожидал? – усмехнулся серокожий, взвесив на ладонях угрожающе потрескивающие сгустки. – Люблю преподносить сюрпризы. Попробуешь поймать, братец?

Я ожидала, что он размахнется, замешкается хоть на мгновение, которое позволило бы мужу увернуться от непонятного снаряда, однако шары сорвались с рук демона сами по себе. И, что самое плохое, только один из них предназначался Князю. Тогда как второй, презрев все законы физики и описав сложную траекторию вокруг хозяина, целеустремленно рванул в мою сторону. Причем с такой скоростью, что я даже охнуть не успела.

По глазам ударила фиолетовая вспышка, и я инстинктивно зажмурилась, еще успев подумать, что так даже лучше. Один миг – и я уже в блаженном ничто, где меня ни один Темный Князь больше не достанет...

Однако закончилось ожидание почему-то не болью, на смену которой приходит долгожданная и приятная темнота, а мерзким чавкающим звуком, запахом паленой кожи, сдавленным рыком, раздавшимся подозрительно близко, и сильным ударом в плечо, от которого моя правая рука отнялась до самых пальцев.

– Так вот оно что! – неожиданно расхохотался Асад, заставив меня вздрогнуть всем телом. – Ха-ха! Ты попался, братец! Суккуба для тебя не игрушка, она – твоя женщина. Вот почему ты ко мне пришел! И вот почему защищаешь – ее метка на самом деле брачная, хотя ты почти сумел это скрыть. И, признаю, едва не заставил меня поверить, что готов отдать жену за бесценнок.

Я распахнула глаза, недоуменно уставившись на мужа, а потом судорожно сглотнула.

Княже...

Он стоял, пригнув голову и упрямо загораживая меня собой. Мой несгибаемый, несговорчивый, жестокий и непримиримый демон, зачем-то решивший выбрать меньшее из зол. Признавший меня, но затем попытавшийся скрыть свою ошибку. Заслонивший меня своими крыльями, не давая увидеть, что творится вокруг. И впервые подставивший беззащитную спину в надежде... на что? Что я пойму? Не предам? Не стану всаживать отравленный нож, воспользовавшись его минутной

слабостью?

По затылку мужа все еще стекала кровь, пачкая бессильно поникшие пряди его восхитительных длинных волос. На загривке обильно кровоточили несколько глубоких ран, две из которых тянулись вплоть до самых лопаток. Основание правого крыла действительно оказалось сломано, и прорвавшие кожу кости выглядели жутко. Но я как замороженная смотрела на них, слишком медленно сознавая, что именно сегодня сделал мой демонический муж. И какую цену он заплатил, чтобы я могла прожить хотя бы одну лишнюю минуту.

Мы, суккубы, странные создания. И, вопреки расхожему мнению, не всегда выбираем в покровители лучших. Мы ценим силу, это правда. Но вместе с ней мы ищем в своих избранниках и нечто другое. Гораздо более важное, чем сила или власть. Да, мы благосклонно смотрим на вороха подаренных нам мехов. Любовно перебираем преподнесенные драгоценности. Купаемся в роскоши и капризничаем, когда нутром чувствуем, что нам это позволено. Но по-настоящему мы ценим не тряпки и бриллианты, а поступки. Те самые редкие, подчас бесценные вещи, которые свидетельствуют о готовности мужчины не просто пойти навстречу, а пожертвовать чем-то, что ему дорого. И чем больше жертва, на которую он идет, тем охотнее сдаются наши бастионы. Чем важнее то, от чего он готов отказаться, тем быстрее мы отвечаем. Искренне стремимся стать к нему ближе. Прощаем за все. Благодарно обнимаем, молча говоря, что он не напрасно лишает себя чего-то привычного. И предлагаем взамен все, что у нас есть. Точно так же, как и он готов отдать все, чем владеет.

Наше стремление получить от мужчины такую жертву или хотя бы намек на нее настолько велико, что даже самая холодная и неприступная суккуба дрогнет, если таинственный незнакомец швырнет ей под ноги свою гордость. Даже выбравшая себе покровителя демоника замрет на мгновение, сожалея, что не может ответить тому, кто оценил ее столь высоко. И лишь последняя дура рискнет растоптать этот щедрый дар или посмеет унижить открывшегося ей мужчину, наивно полагая, что именно в этом заключается ее истинная власть.

Таких дур у нас в герцогстве презирают; те, кто не ценят своих мужчин, недостойны того, чтобы их защищали. Однако я оценила – до боли в стиснутых зубах и исцарапанных в кровь ладонях, – действительно оценила невероятный поступок Князя. И в этот момент в моей душе что-то дрогнуло, заставило дернуться ему навстречу и сделать то, чего я бы никогда не сделала при других обстоятельствах.

– Даже касание Абсолютной Тьмы смертельно, – насмешливо заметил

Асад, когда я вытянула дрожащую руку, пытаюсь дотронуться до своего Князя. – Твоя бабка Шота так хотела узнать тайну этого заклатья, что не погнушалась даже залезть в мою постель.

Моя рука на миг замерла над алебастровой кожей.

– ...Но она слишком поздно узнала, что это заклятие передается одним-единственным способом: от убийцы к убийце. И, к своему огромному сожалению, так и не сумела его изучить.

Я сжала зубы и, подтянувшись еще на волосок, приложила когтистую ладонь к изуродованной спине супруга, по которой начали расползаться фиолетовые разводы.

– Это заклинание придется изучить тебе, Княже, – прошептала я, когда мой демон вздрогнул и, не веря происходящему, вскинул голову. – Прости, муж мой, что я так поздно сообразила. Доверься мне и прости, пожалуйста. За все.

– Ри-и... – ощутимо напрягся супруг, когда я надавила на основание его крыльев. – Что ты делаешь?

– Светом тебя... *проклинаяю!* – выдохнула я и крепко зажмурилась, чтобы раньше времени не ослепнуть.

Глава 21

Может ли Свет стать Тьмой?

Способна ли ненависть стать любовью?

Никогда над этим не задумывалась, но совершенно точно знаю одно: когда у тебя есть цель, выдержать можно многое. Точнее, выдержать можно абсолютно все, если, конечно, ты выбрал день своей смерти и твердо решил следовать этому выбору до конца.

Согласна, призывать Свет, пребывая в темной ипостаси, – весьма необычный и крайне болезненный способ самоубийства. Но, к сожалению, единственный подходящий для истинно светлого проклятия, накладываемого на высшего демона.

Я не зря читала маменькины старые книги. И не напрасно интересовалась именно проклятиями; об этом мало кто знал, но отцовский дар подарил мне не только красивые крылья. Благодаря ему я, как урожденная темная, могла стать совершенно особенным проклятийником. Тем самым. Редчайшим. Желанным для любого обитателя Преисподней. Ибо по-настоящему усилить высшего демона способен лишь носитель истинного Света. И только если как следует его проклянет.

К сожалению, ангелы не умеют проклинать. Проклясть для них означает потерять Свет, поэтому они, попав в ловушку, предпочитают умереть, но не отдать и крупницы своей благодати. Впрочем, как утверждают книги, даже если бы кто-то из них и рискнул, это неминуемо привело бы к развоплощению, поэтому настоящие светлые проклятия доступны лишь полукровкам. Таким, как я, – носителям одновременно и Света, и Тьмы. Считается, что Тьма должна уберечь нас от очищения, а Свет спасет от влияния Тьмы. Но это только на бумаге все складно написано, тогда как в действительности... Думаю, даже маменька не знала, что получится в результате ее авантюры.

Самое сложное, как она говорила, это проклинать любя, а не ненавидеть благословляя. Правда, я только сейчас поняла, что светлое проклятие – это совсем не то же самое, что темное благословение. На уровне каких-то глубинных чувств ощутила разницу, поэтому-то и не сменила ипостась.

Наверное, когда из меня хлынул Свет, мужу стало больно, вернее, очень больно заживо гореть, стоя под потоком моей силы. Но он не издал ни звука, когда его коснулось полноценное очищение. Не отшатнулся, хотя

на его месте это было бы естественно. Только задышал совсем тяжело и зашатался, как в сильную бурю. А вот что больно стало Асаду, я прекрасно расслышала, поскольку, в отличие от супруга, не собиралась его беречь, поэтому далеко не весь живущий во мне Свет обратила во Тьму и влила огромными толчками в окаменевшего мужа.

Того, что разлетелось по камере, оказалось достаточно, чтобы спалить серокожему плоть почти до костей и заставить позабыть, для чего он заманил в это подземелье давнего врага.

Мне тоже было больно, несмотря на транс. Но, как и муж, я сдерживала рвущийся наружу крик и надеялась, что не погибну до того, как весь свой Свет передам ему.

Это не благородство. Отнюдь. И даже не геройская попытка сохранить свою шкуру. Это – моя месть убитшему Шоту и едва не убитому меня демону. А также единственная и последняя благодарность трижды сохранившему мне жизнь мужчине, который, сам того не зная, именно сегодня – здесь, сейчас – заставил пересмотреть мое отношение к нему.

Я не хочу знать, что с ним будет дальше. И меня не заботит мысль о том, что, возможно, в Преисподней вскоре появится первый за много тысячелетий настоящий Повелитель. Тот, чью власть безоговорочно примут остальные Князья. Тот, кого будет бояться даже Темная Герцогиня. Действительно сильнейший. Могущественный настолько, что, даже объединившись, владельцам остальных доменов будет очень сложно его одолеть.

Мой Свет усилит его пропорционально уровню имеющейся у него силы. Его, второго по мощи – вернее, уже первого среди Темных Князей. Кем он после этого станет? И много ли крови прольется, когда он начнет захватывать княжества одно за другим?

Мне действительно все равно.

Для меня эта история закончилась, потому что моя темная ипостась беззащитна перед Светом. А его здесь так много, что она неминуемо погибнет, ведь полукровки с одной ипостасью не живут.

Прости меня, Княже, снова: я не сдержу своего обещания. И не увижу твоего триумфа, потому что отныне и навсегда ты станешь от меня свободным – мой муж, мой повелитель и господин, которого я никогда не признаю...

Я не стала открывать глаза, чтобы не видеть, как сморщивается кожа на моей левой руке, и как облетают с нее остатки плоти. Не желала смотреть, как струящийся с пальцев Свет за считанные мгновения превращается в черные клубы, без остатка впитывающиеся в тело демона.

Мне было достаточно услышать тихий щелчок раскрывшихся на его запястьях браслетов, ощутить, как из-под скрюченных, обгоревших до костей пальцев исчезает невидимая опора, и различить сквозь шум в ушах долгий, медленно затихающий крик разрываемого на части серокожего, бальзамом пролившийся на мою израненную душу.

Возможно, если бы маменька не наложила на меня своего заклятия, у меня бы появились шансы уцелеть. Возможно даже, если бы это заклятие не было направлено на смерть, Князюшка нашел бы способ вернуть меня к жизни. Однако Темная Герцогиня всегда была предусмотрительна и осторожна. И она предпочла остаться без дочери, чем лишиться того, к чему так долго шла вся наша раса.

Что случилось потом, я не знаю и знать не хочу. Явившаяся на зов Тьма обняла меня так нежно, что мне не захотелось просыпаться. Такая уютная, теплая, родная... Как же мне ее не хватало, когда внутри горел этот проклятый Свет! К счастью, я вытравила его из себя до последней капли. Поняла, каково это – жить без боли и страха. А теперь устало улыбалась, охотно подставляя обезображенное лицо ее осторожным пальцам и радуясь, что еще целую вечность не смогу по-настоящему заплакать.

– Ри-и... – тихо позвала Тьма, целуя мои сожженные губы. – Будь со мной, Ри-и-и... останься...

Я хотела ответить, что больше никуда от нее не денусь, но не смогла – все-таки упала. И, кажется, наконец умерла, успев напоследок ощутить, как меня бережно подхватили чьи-то сильные руки.

Раньше я думала, что смерть – это покой, безмятежность и одиночество.

Однако Тьма почему-то лишила меня нормального посмертия и не захотела дарить долгожданное забвение. Вместо прохладного уюта вечной ночи вокруг меня бурлил холодный океан силы. Вместо дружеского приветствия в ушах стоял дикий гул, а откуда-то издалека то и дело доносился чей-то раздраженный рык, идущий, казалось, со всех сторон.

В довершение всего меня лишили одиночества. И почему-то не дали покоя, потому что какая-то тварь обжигаяще горячим щупальцем вцепилась в мою талию, настойчиво утягивая на глубину, а кто-то другой еще более настойчиво тащил вверх, в буквальном смысле разрывая меня пополам.

Невидимый монстр, прячущийся в глубинах океана, недовольно ворчал и, кажется, оказался еще и ядовитым – кожу на животе разъедало, словно кислотой. И это было больно. Настолько, что я несколько раз

порывалась закричать, проклиная все на свете, но вместо этого лишь наглоталась воды, закашлялась и непременно пошла бы на дно, если бы сильная рука не цапнула меня за шкурку, а чей-то злой и сорванный голос не рывкнул прямо в ухо:

– Борись! Не вечно же мне тебя держать?!

Я снова ушла под воду с головой и вяло подумала, что лучше пусть он меня бросит. Все равно с глубинным монстром ему не тягаться. Зараза слишком крепко держит, присоски на щупальце пробуравились в самое нутро, а яд уже гуляет по телу – вон как кожа огнем горит, даром что я не должна ничего чувствовать.

– Шевелись! – гаркнул все тот же хриплый голос, снова выдергивая меня из воды за волосы. Жаль, глаза сожжены – не вижу лица грубияна. – Ну же!

Я с сожалением вспомнила, что руки у меня тоже не двигаются, и опять провалилась вниз.

«Не могу, – отстраненно подумала, когда невидимый спаситель вытащил меня наверх в третий раз. – Да и не хочу. Я свое уже отборолась».

– Ку-уда? – прошипел он, кажется, в самое ухо. – Сбежать надумала?!

«Вот именно. Надоели мне все. Отдохнуть хочу».

– Ты выживешь, – зло пообещал он, ловко перехватывая меня за вторую руку. – А если нет, я заставлю!

Я поежилась, ощутив, как сдавило щупальце, буквально вырывая меня из кольца мужских рук, и неуверенно шевельнулась.

Кто он такой? Ангел? Демон? Назначенный уходящей душе провожатый, что должен показать дорогу к возрождению?

– Пей, – требовательно велел незнакомец, и моих обожженных губ коснулось что-то теплое и живое. – У тебя мало времени.

Я растеряннo замерла, не замечая, что снова потихоньку погружаюсь, а он раздраженно рыкнул:

– Пей! Живо!

И надавил сильнее.

Пить я еще не могла, но рот все-таки открыла и едва не захлебнулась, когда внутрь хлынула соленая, обжигающе горячая влага. Кровь... я узнаю ее вкус всегда... даруемую ею силу ни с чем невозможно перепутать. Но что же ты делаешь, дурак? Разве ты не в курсе, в кого я превращусь, если выживу? А может, напротив, ты знаешь обо мне слишком много?

В последний момент я все-таки попыталась отвернуться, но чужая рука властно ухватила за волосы и не позволила пролить ни капли драгоценной влаги. Я невольно сглотнула, ощущая, как горячим комком

растекается по жилам чужая сила. Затем сглотнула снова, еще и еще... и холод из тела начал наконец уходить. Чужое щупальце, терзавшее мою кожу, неохотно разжалось. Меня больше не тянуло на глубину, но легче от этого не стало.

– Только попробуй! – пригрозил чужак, когда я выгнулась и попыталась отрыгнуть то, что выпила. – Не смей, иначе...

«Что? – задыхаясь, подумала я, упрямо сплевывая с губ соленое. – Убьешь? Ха-ха! Очень смешно!»

– А мне – нет, Ри! – свирепо выдохнул он, и у меня все перевернулось внутри от неожиданной догадки. – Ты принадлежишь мне! И я верну тебя обратно!..

В себя я приходила долго, мучительно и невероятно тяжело. Затягивающая сознание воронка из сменяющих друг друга кошмаров никак не хотела отпускать. Мне постоянно снилось, что я тону в холодном океане боли. То судорожно хватаюсь за чью-то крепкую руку, то снова срываюсь и насмерть замерзаю во льдах. То зову кого-то по имени, пытаюсь отыскать посреди окружившей меня пустоты хоть кого-то живого. То задыхаюсь от боли, заживо сгорая в своем собственном огне. Затем просыпаюсь в незнакомой комнате, не в силах понять, где сон, а где реальность. Раз за разом пытаюсь встать, но лишь с хриплым стоном падаю на алые, словно пропитанные кровью простыни. Завидев неясное движение, вскидываюсь, чтобы оттолкнуть тянущуюся ко мне из темноты когтистую руку. Беззвучно рычу и проклиная на все лады свой незаконченный транс. Но чаще всего умираю от жажды, не смея при этом глотать льющуюся сверху воду, каждый миг опасаясь, что вместо нее полетится теплая, восхитительно вкусная кровь, которая убьет меня окончательно...

Сколько это длилось, я не знаю. Казалось, кошмары будут терзать меня до бесконечности. По одному и тому же кругу, где один правдоподобный до омерзения сон тут же сменяется другим.

Но в один прекрасный момент я все же очнулась. И, обнаружив себя на смутно знакомом ложе, застеленном алыми шелками, с ужасом убедилась, что череда безумных снов превратилась в не менее кошмарную реальность.

При виде багряно-черных стен и двух проплешин на знакомом до отвращения ковре мне сразу захотелось куда-нибудь исчезнуть, а еще лучше – снова умереть, лишь бы не видеть это кроваво-красное великолепие и не озираясь в панике, одновременно сознавая, что бежать из этой ловушки некуда.

Где-то на задворках сознания мелькнула и пропала мысль, что это тоже может быть сном, но боль в обгоревших пальцах, осторожно прикоснувшихся к шелку, оказалась настоящей. Как разметавшиеся по плечам, успевшие отрасти почти до бедер волосы, мое почти восстановившееся, абсолютно нагое тело и покрытая черными струпьями кожа, которая очищалась прямо на глазах.

Рывком поднявшись с постели, я невольно ухватила за столбик кровати, чтобы не упасть, и с трудом отдышалась. Живая... Как это ни чудовищно звучит, я все-таки живая. Почти невредимая, если не считать изматывающей слабости. И отлично знающая, кому обязана этим бесполезным чудом.

Нет, я прекрасно помню, что именно и почему сделала, как сознаю причину, по которой удостоилась невероятного доверия собственного мужа. Но мои мотивы – это мои мотивы. Во-первых, я не надеялась выжить; во-вторых, мне представился великолепный шанс отомстить; а в-третьих, «мой» Князь, как ни крути, был на тот момент единственно верным выбором.

Не серокожего же Светом усиливать?

Но при этом я не верю, что супруг явился к Асаду исключительно ради меня. Князь слишком умен, осмотрителен и рационален, чтобы размякнуть от мимолетных привязанностей или совершать необдуманные поступки. Какими бы мыслями Князь тогда ни руководствовался, он в первую очередь демон. И для него я, увы, всего-навсего добыча. Да, довольно важная, местами интересная, вполне возможно, даже желанная... а после недавнего откровения так вообще бесценная. Не зря же он меня вернул?

Если бы я не изучала его так долго, может, я бы и решила, что была спасена, потому что это для него что-то значило. Понадеялась бы, что из наших отношений со временем можно вырастить нечто стоящее, и даже попыталась бы что-то изменить. Но увы – демон есть демон. Все, что он делает, он делает исключительно ради себя. И лишь тогда, когда это приносит ощутимую пользу – лично для него, для домена, для какого-то дела. Все остальное – мишура, маска, не более чем удобная ипостась, которая иногда бывает очень похожа на человеческую.

Князь сказал: я принадлежу ему, и, к сожалению, это действительно так. Я для него – просто собственность, у которой нет права голоса, которая не должна ему возражать и которая обязана подчиняться всегда и во всем. Да, ему приятно на меня смотреть. Ему безумно нравится мой запах. Он обожает ко мне прикасаться, как любит это делать истинный ценитель, в руки которого попала по-настоящему редкая и необычная вещь. Какое-то

время он будет беречь эту вещь, как берегут неожиданно дорогой подарок. Любоваться, когда никто не видит, рассеянно поглаживать и даже защищать, если кто-то надумает посягнуть на святое. Но это будет длиться лишь до тех пор, пока ему не надоест.

Когда же у него возникнут дела, он совершенно спокойно запрет меня в камере и так же спокойно уйдет, потому что не должен отчитываться перед вещью. Он не поделится со мной своими мыслями. Не спросит моего мнения. Не расскажет, что его гложет. Он будет приходить лишь тогда, когда ему нужно. С удовольствием мною пользоваться, а затем запирает снова, не допуская даже мысли, что в этом есть что-то неправильное.

А если однажды любимая вещь перестанет его восхищать, он с легкостью забросит ее в дальний угол и забудет на несколько лет. Потом, возможно, вспомнит, если бросит в ту сторону случайный взгляд, ненадолго достанет, подивившись тому, что когда-то считал *это* важным. А затем или с досадой выкинет, или подарит кому-то в знак «дружбы и добрых намерений», довольный тем, что удачно сбавил соседу ставшую ненужной игрушку.

Эх, зря я понадеялась на маменькино проклятие! Если бы я просто померла, проблем бы не возникло. Князь, получив свое, забыл бы обо всем и успокоился. Брачные оковы были бы разрушены. Темное герцогство бы не пострадало. Я бы благополучно отомстила и покоилась с миром под развалинами чужого замка, зная не зная, насколько быстро муженек сократит поголовье высших демонов в Преисподней...

А теперь что?

Князь осознал мою истинную ценность. Более того, скоро он обязательно потребует, чтобы я прокляла его еще пару-тройку раз. Однако быстро поймет, что это невозможно. Расстроится, само собой. Захочет убедиться, что это действительно так. В процессе наверняка обнаружит, что я перед ним совершенно беззащитна, и вот тогда я пожалею, что вообще ввязалась в эту затею.

Если мне повезет, и я сумею убедить мужа в своей полезности, то уцелею после первой брачной ночи, которая обещает быть бурной и насыщенной. А затем, возможно, получу в свое распоряжение гостевые покои, окруженные целой сетью охранных заклятий. Свет из меня, само собой, выщедят до капли, чтобы не вздумала использовать не по назначению. А когда Князюшка получит все, что хотел, то примет меры, чтобы любимая игрушка не досталась кому-то еще.

Разумеется, из покоев меня никуда не выпустят – супруг весьма дорожит собственной жизнью, поэтому ни семьи, ни друзей я больше

не увижу. Собственно, я вообще никого и ничего не увижу, кроме того, что позволит мне муж. Целой и невредимой я ему, наверное, не понадобится, но Свет ведь можно накапливать и без крыльев. Так что Князь ничего не потеряет, если немного подправит мой внешний вид, тем более что скоро будет иметь на это полное право.

Возможность воздействовать на него во второй раз я даже не рассматриваю – Князь больше не допустит ошибки и все время будет на чеку. Сражаться с ним в открытую мне не удастся. Собственно, я даже не знаю, смогу ли вообще ему противостоять, потому что понятия не имею, во что его превратила. Если вторая ипостась демона усилилась настолько, насколько должна была, то вспышек его ярости я могу не пережить.

По достоинству оценив открывающиеся перспективы, я медленно повернулась вокруг своей оси, помня об излюбленной игре мужа – подкрадываться из самых неожиданных мест. А убедившись, что комната действительно пуста, рывком сдернула с постели покрывало и, закутавшись в него до бровей, растянула губы в жутковатой усмешке.

Зря, Княже... зря ты не посадил рядом со мной соглядатая. И напрасно оставил мне свободными руки. Боюсь, ты просчитался и подарил мне второй шанс, которым я, даже находясь на грани истощения, не премину воспользоваться. Прямо сейчас, пока ты не вспомнил, каким образом я покинула свою клетку в прошлый раз.

Вскинув над головой дрожащие от слабости руки, я тут же их опустила, в последний момент сообразив, что призывать благословение на темную ипостась не стоит. Пришлось потратить еще несколько секунд, чтобы вернуть себе человеческий облик, нацарапать на стене несколько прощальных слов, после чего облегченно выдохнуть и раствориться в сиянии истинного Света. Совершенно точно зная, что его не хватит на возвращение, но твердо веря, что лучше помереть в двух шагах от родного дома, чем до самой смерти томиться в плену у сильнейшего демона Преисподней.

Света, к счастью, хватило. И на то, чтобы вернуться в УННУН. И даже на то, чтобы добраться до собственной комнаты. Но на самом пороге ноги у меня все-таки подкосились, и в нашу с Улькой комнату я не вошла, а ввалилась, предварительно убедившись, что никто не увидит моего позора.

– Хелька!

Сидящая за столом баньши, обернувшись на скрип открываемой двери, охнула и вскочила на ноги. Но, как водится, зацепилась подолом

и рухнула на пол вместе с опрокинувшимся стулом, на котором только что сидела.

Грохот раздался такой, что я поморщилась. Интересно, кто ее поднимать будет? У меня сил осталось только на моргание.

Я озабоченно взглянула на растянувшуюся в двух шагах подругу.

– Привет, Уль... Ничего себе не отшибла?

– Не-э-эт... – ошалело потрясла головой баньши. Но потом протерла глаза и с воплем: «Хель!» – поползла обниматься.

– Стой! Не надо! – попыталась отпрянуть я, но Улька, налетев с ходу, так стиснула мои ребра, что у меня потемнело в глазах.

– От... пус... ти... ненормальная! Убьешь же... Темный Князь не смог, а ты... у тебя сейчас точно получится.

– Хелька-а-а-а! – счастливо завизжала баньши. – А-а-а! Ты опять из Преисподней вернула-а-ась!

Я сдавленно охнула, но уши зажать было нечем – руки упирались в плоскую Улькину грудь, тщетно пытаюсь отодвинуть подальше наше горластое чудовище. А эта блаженная заверещала так, что стекла и зеркала в комнате опасно задребезжали, грозя вот-вот разлететься на куски.

– Хелька-а-а! Наконец-то! – Меня звучно чмокнули в обе щеки, одарили сияющим взглядом, а затем опять взвизгнули прямо в ухо: – Ур-р-ра!

– Что такое? Уль, ты чего орешь... Ух ты!

В закрытое окно, все-таки разнеся его на части, вихрем влетело что-то мелкое, сиреневое и возбужденно жужжащее.

– Хелька!

Я стряхнула с себя осколки, с мученическим видом посмотрела на ринувшегося в нашу сторону Шмуля, надеясь, что он спасет меня от орущей во всю глотку Ульки. Но фей явно понял меня неправильно, потому что, бесцеремонно отпихнув баньши, вцепился в меня с такой силой, что я не выдержала и глухо застонала.

– Боже... за какие грехи?

– Да быть того не может! – гулким эхом отозвался в коридоре радостный рев Васьки. – Марти, ты уверен?

– Слышишь, Улька визжит? – рассудительно заметил Зырян, и голоса стали быстро приближаться. – Значит, точно вернулась... Хеля, к вам можно?

– Нет! – хрипло каркнула я, стараясь избавиться от активно душившего меня фея.

Но парни не услышали и, как обычно, с ноги распахнули дверь.

Та с пронзительным визгом повернулась на плохо смазанных петлях и, снеся с меня неосторожно подставившегося Шмуля, с сочным шмяком впечатала его в стену. Улька, воспользовавшись ситуацией, тут же ринулась обниматься снова, но, поскольку сидела прямо на проходе, попалась под ноги оборотню, и тот, споткнувшись, растянулся тоже. Разумеется, на мне, потому что я просто не успела уползти с траектории падения грузного Васькиного тела.

– О-о-о... – прохрипела я, запоздало понимая: вот кто на самом деле желает моей смерти!

– Да! – радостно воскликнул влетевший следом за оборотнем Мартин и, запнувшись за Васькину ногу, грохнулся сверху. – Ой! Хеля! Ты тут!

На меня умильно взглянули два огромных голубых глаза, выглядывающие из-под золотистых кудряшек.

– Я так рад тебя видеть!

– Я то... же... – из последних сил прошептала я, кидая полный муки взгляд на осторожно заглянувшего в комнату оракула. – Зырян, спасай меня!

– И меня, – простонал из-за двери сползший на пол фей.

Зырян, к сожалению, спешить не любил, поэтому радостно подпрыгивающего на спине Васьки ангела снял далеко не сразу. Сперва с любопытством оглядел образовавшуюся на полу куча-малу. Неделикатно оттащил в сторону что-то невнятно бормочущую себе под нос баньши. Деловито поднял за шкурку ползущего в непонятном направлении и полностью дезориентированного фея. И только заметив мое опасно побагровевшее лицо, наконец додумался до чего-то важного... Но вместо того чтобы подать руку, наклонился и звучно хлопнул меня по плечу.

– С возвращением, подруга!

Я уже была готова кого-нибудь убить, но тут у Васьки наконец проснулась совесть. Этот бугай с кряхтением приподнялся и, перехватив мой красноречивый взгляд, поспешил выпрямиться. При этом опершись широкой ладонью на мой живот и неосторожно от него оттолкнувшись.

Я жалобно выдохнула и уже открыла было рот, чтобы высказать все, что я думаю по поводу «горячей» встречи, которая едва меня не добила, но тут подошел Марти и просто поцеловал меня в щеку. После чего все мое возмущение как ветром сдуло, и я, вместо того чтобы выругаться, лишь устало села и раздраженно подпернула сползающее с плеч, еще дымящееся покрывало.

– Я лучше тут посижу, целее буду. И да – всем привет. Простите, что задержалась.

– Тебя не было пять дней! – с упреком воскликнула баньши, подползая ближе и вцепляясь в мою руку.

– Да, – поддакнул плюхнувшийся по другую сторону от меня Васька. – Хель, где ты пропадала?

– Мы беспокоились, – тихо подтвердил ангел, а Зырян тяжело вздохнул.

– Прости, что не успели. Мое видение, как всегда, запоздало, и я... то есть мы... не сразу поняли, что тебя похитили. А когда стало ясно, что Гидес задумал активировать призыв, то помчались со всех ног, но застали лишь пепел и гаснущий круг, от которого не было никакого толка.

– Нас допрашивали, – шмыгнула носом Улька. – Всех в универе наизнанку вывернули, кто мог тебя видеть или знал Гидеса лично. А бесы и сейчас под замком сидят – директриса больно разозлилась, что кто-то посмел использовать у нее под носом магию крови.

Я тяжело вздохнула.

– Вы не виноваты. Это я не поняла, что Гидес оказался двоедушником, иначе фиг бы показала ему вторую ипостась. Надеюсь, из тех уродов никто не уцелел?

– Можешь не сомневаться, – кровожадно оскалился Васька. – Когда мы пришли, от вампиров остались лишь три горстки праха, а от бесов и того меньше. Только Гидесу повезло – он стоял далеко от эпицентра. Но я так спешил, так спешил, что споткнулся и случайно разнес его обгоревшую голову... так что у бесов больше нет жоака. Да и сами они здорово потеряли в численности. Директриса, говорят, одного живьем заглотила, когда выясняла, что они сделали с перспективной ученицей.

Я против воли фыркнула.

– Да прям, какие у меня могут быть перспективы?

Оборотень радостно осклабился.

– Понятия не имею! Но Жаба отправила старейшине рода Асхар официальное письмо с разъяснениями причины смерти его приемной дочери и горстку праха на опознание. А также слепок с воспоминаний нашего Зыряна, подтверждающий, что вампиры втроем напали на ученика младших курсов, нарушив тем самым с дюжину своих и не меньше наших законов. Говорят, старейшина прибудет сюда лично, чтобы провести расследование, но директриса уже во всеуслышание объявила, что смерть Асаки и помогавших ей бесов всецело лежит на совести последних.

Я скривилась.

– Очень умно. Бесам мстить никто не станет – они и так отверженные.

Низшая каста, о которую вампиры не станут марать руки. А предъявлять претензии хозяину Гидеса бессмысленно – он уже мертв.

– Но старейшина-то об этом не знает! – брякнул Васька, прямо-таки лучась непонятым удовлетворением. Однако тут же осекся, заметив, что прямо у двери появилось овальное окно телепорта. После чего торопливо отполз под прикрытия стола и уже оттуда шепотом добавил: – Зато, кажется, ее пупырчатость узнала о твоём возвращении...

– Хельриана Арей Нор Валлара! – подтверждая его слова, рывкнули из портала. – Немедленно ко мне в кабинет!

Я со стоном закатила глаза.

– Демон! Даже в себя прийти не дадут...

– Сейчас же! – прошипела госпожа Девелар, и мне ничего не оставалось, как подчиниться.

– Удачи, – прошептала Улька, мудро отползая поближе к оборотню. Мартин лишь ободряюще сжал мою руку, словно говоря, что беды со мной там не случится, Шмуль недовольно пробормотал что-то насчет комаров и вездесущих земноводных, а Зырян с какой-то мрачной торжественностью кивнул.

– Иди, Хель. Я за тобой пригляжу.

Я внимательно посмотрела ему в глаза, ставшие похожими на два бельма, но спросить о причинах столь резкого прогресса с даром не успела. Невесть откуда поднявшийся ветер с такой силой наподдал мне пониже спины, что я ласточкой влетела в пригласительно распахнутый портал и, запутавшись в покрывале, едва не растянулась на траве в кабинете директрисы.

Портал тут же схлопнулся, отсекая меня от друзей, но я не особенно расстроилась – раз Зырян окунулся в прозрение, значит, ребята узнают все до последнего слова. Причем, в отличие от прошлого раза, оракул вошел в транс почти мгновенно. Наверное, книга-артефакт наконец сработала.

Поддернув скользкое покрывало, я с достоинством выпрямилась и, отыскав глазами свободный пенек, тут же на него уселась, демонстративно выставив вперед голые ноги.

– Звали, госпожа Девелар?

При виде такой наглости у сидящей за столом огромной ящерицы нехорошо сверкнули глаза.

– Х-хельриана... – прошипела она, буравя меня тяжелым взглядом. – С-соблаговолите объяс-снить, что с-с вами произош-шло? Кажется, мы договорились, что обо всех проблемах вы будете мне докладывать заранее, не так ли?

Я сделала честное лицо.

– Видите ли, мадам, я, если вы помните, демоница. А когда демона призывают, обычно это происходит неожиданно и... как бы поточнее сказать... внезапно. То есть без предупреждения. И, само собой, в самый неподходящий момент. Поэтому, вероятно, имеет смысл задать ваш вопрос тем, кто организовал мой уход из УННУНа. То есть бесам, которые уже давненько имели на меня зуб, о чем вам, как мне показалось, и без напоминаний прекрасно известно. Заранее прошу прощения, если это не так, и вы все же успели забыть о наших маленьких разногласиях с представителями этой расы, но я никак не предполагала вплоть до момента похищения, что эта помесь врыдлы и гиены вообще до такого до...

– Довольно! – рывкнула Старая Жаба и, протянув лапу, выудила из-под стола тоненькую папку с вложенными листочками. После чего швырнула ее через весь стол и снова прошипела: – Меня не интересуют ваши семейные дела, пока они не несут угрозу моему заведению и ученикам. Мне все равно, кто из демонов поставил на вас брачную метку. Но я должна знать, что происходит во вверенном мне учреждении, потому что за каждого из вас, самоуверенных и тщеславных детенышей, я несу ответственность!

Хм, вообще-то демонические метки ставятся в качестве предупреждения: «Не тронь, мое». Они могут быть именными или обезличенными, брачными или просто обозначающими, что добыча кому-то принадлежит. Увидеть их может любой, кто умеет читать ауры. Но, если верить Асаду, муженек свою метку скрыл, причем я даже догадываюсь, в какой момент это произошло, однако директриса почему-то в курсе. Вероятно, за это надо поблагодарить Личиану: магия живых на мертвых не действует, так что уловка мужа здесь не сработала. А умертвие, числясь преподавателем, обязано докладывать директрисе обо всяких несуразностях.

Ладно, с этим понятно. Но к чему вдруг Жаба заговорила о семье?

Я настороженно воззрилась на драконицу.

– Простите, я, наверное, ослышалась... Перед кем вы несете ответственность?

– Перед собой! – рыкнула Жаба, по-настоящему разозлившись. Да так рыкнула, что в кабинете стены заходили ходуном, а пенек подо мной опасно зашатался. – И перед родителями, оставившими своих непутевых отпрысков на мое попечение!

Я насторожилась еще больше.

– Про каких родителей вы говорите, госпожа Девелар?

– И про ваших в том числе!

– Мм... насколько мне известно, вопрос о поступлении в УННУН не решается на семейных советах.

– Так и есть, – слегка успокоилась Жаба. – Наше заведение принимает детей без предварительного согласования с родителями. Но сообщить родственникам о судьбе их чада – если, конечно, родственники имеются, – мы обязаны. Это прописано в законе.

У меня что-то екнуло в груди.

– Простите, у меня, наверное, что-то с памятью или с головой... В каком еще законе?

– Общем для всех миров, Хельриана. И обязательном к исполнению даже здесь. Неужели вы думаете, университету позволили бы существовать, если бы мы не соблюдали определенных условий?

Меня как подушкой по голове шарахнули. Тяжелой такой, с камнями под наволочкой. Мать моя бескрылая! Это что же получается... Жабенция втихаря сливает информацию о нас родственникам? А маман меня не искала, потому что все это время знала, где я нахожусь?

– Успокойтесь! – рыкнула драконида, когда я злобно зашипела и, испортив алый шелк, процапарала отросшими когтями внушительные дорожки на подлокотнике «кресла». – Информация о студентах сообщается только двум ближайшим родственникам. Как правило, родителям. Если их нет, то просто – ближайшим. За исключением случаев, когда разглашение информации способно принести ученику больше вреда, чем пользы.

Я утробно заурчала:

– Почему же об этом не спросили меня, госпожа Девелар? Почему не заинтересовались, что для меня безопасно, а что нет?

Ящерица мигнула и холодно велела:

– Не смейте повышать на меня голос, Хельриана. Конкретно о вас нам не пришлось никому сообщать – полгода назад Темная Герцогиня сама отправила сюда запрос. И настоятельно рекомендовала задержать вас в этих стенах до совершеннолетия.

– А почему я узнаю об этом только сейчас?! – ошетибилась я, запоздало почувствовав, как удлинились клыки.

– Таково было пожелание архангела Валлара.

– Кого? – Я против воли вздрогнула, а мои зубы вернулись к нормальным размерам.

Госпожа Девелар не глядя подтолкнула папку ближе.

– Читайте. Здесь собрано все, что известно о вас и ваших способностях. Если и после этого вы сочтете, что имеет смысл что-то

скрывать, – скрывайте. Но в таком случае мне придется вас отчислить, поскольку я не имею права рисковать жизнями учеников. Инструкции на этот счет у меня довольно четкие.

Я нахмурилась.

– Что за инструкции?

– Составленные вашими родителями. *Обоими*, если вас это интересует, – с нажимом добавила ящерица. – Мы всегда просим у родственников краткую справку по новичкам, чтобы знать, чего от вас ожидать.

И вот тогда я окончательно растерялась.

Нет, о том, что отец участвует в моей судьбе, я знала. Как и то, по какой причине нам запрещено видеться. Для архангела темная дочь – все равно что клеймо на безупречно чистой репутации. Его не поняли бы на Небе и никогда не приняли бы в Преисподней. Однако это не мешало папочке незримо присутствовать в моей жизни и регулярно напоминать, что я не одна.

Стайка разноцветных бабочек, внезапно закружившихся над кроватью, возникшая из пустоты и тут же растаявшая в воздухе записка со словами: «С новым утром, солнышко!»... Складывающиеся в хитрую улыбку светлячки, случайно залетевшие в окно... Его волшебство всегда было узнаваемым и прекрасным. Отец никогда обо мне не забывал – отношение к детям у светлых намного лучше, чем в Преисподней. И не важно, что дитя получилось темнее ночи. Но тем более дико было услышать от Старой Жабы, что именно с подачи отца меня не только зачислили, но и способны исключить из УННУНа.

Выпростав из-под покрывала руку и открыв папку, я бегло просмотрела сухие строчки отчета. Увы, директриса не лгала – все самое главное она обо мне действительно знала. Кто мать, кто отец, мои врожденные способности к Свету и такая же врожденная предрасположенность к Тьме... Вся родословная, начиная с прапрапра... и еще много раз прабабки. Все мои прошлые «заслуги». Длинный список посещаемых мной учебных заведений и причины, по которым я их преждевременно покинула. Моя успеваемость в универе. Даже замужество, хотя и с более поздней датой – ну точно, Личиана сдала!

Видимо, Жаба лично вносила новые сведения, по мере необходимости. Правда, о благословениях и проклятиях там не было ни единого слова, однако имеющаяся в конце приписка, выведенная твердой рукой маменьки, заставила меня вздрогнуть.

«Умна. Расчетлива. Осторожна. Уровень силы как суккубы – низкий.

Опыт реального применения – отсутствует. Обучение – не завершено. Уровень угрозы для разумных светлых до достижения совершеннолетия – средний. Уровень угрозы для разумных темных – незначительный»...

Ну, спасибо тебе, мамочка!

«Ожидаемый уровень после совершеннолетия – предположительно очень высокий. При угрозе жизни – ее или кого-то из учеников по ее вине – незамедлительно отправить в Преисподнюю обоих!»

И чуть ниже каллиграфическим почерком было добавлено:

«Отправить максимально бережно и осторожно. Желательно с привлечением чистокровных существ – у девочки с одинаковой вероятностью возможен спонтанный выброс сил как Света, так и Тьмы».

Безошибочно узнав почерк, я ошеломленно моргнула: отец!

– Просьба архангела Валлара о принятии вас в УННУН была рассмотрена положительно, – сухо сообщила госпожа Девелар. – Небо посчитало, что университет обеспечит вам необходимую защиту и научит управлять обеими своими ипостасями. Ваша мать узнала о зачислении позже. И совершенно без нашего участия.

– Представляю, как она взбесилась, – растерянно пробормотала я, раз за разом перечитывая вторую приписку. – Особенно если выяснила, что именно отец помог мне сюда попасть и почти полтора года молчал о том, где я нахожусь. Надеюсь, он еще жив?

Жаба отвернулась.

– Реакция вашей матери на зачисление мне неизвестна. Но сведений о гибели архангела Валлара к нам не поступало. О замужестве ваши родители тоже не знают... и не узнают без вашего на то согласия. Разглашать подробности личной жизни студентов меня никто не уполномочивал. Вы приняли решение, Хельриана?

Я, колебавшись, кивнула.

– Да, госпожа Девелар.

– Что вы можете рассказать о своем похищении?

Я уселась поудобнее и деловито осведомилась:

– Что именно вас интересует?

Глава 22

Разговор у нас затянулся часа на два, и за это время я успела рассказать директрисе почти обо всем, начиная с того дурацкого спора и заканчивая способом моего возвращения в УННУН. Врать в особо деликатных моментах не пришлось – Старая Жаба совершенно не интересовалась интимными подробностями и не настаивала, чтобы я поминутно расписала, чем занималась, когда муженек призывал мою темную ипостась. Ей было достаточно краткого изложения событий и того факта, что я не лгала.

Правда, известие о личности моего супруга заставило директрису недовольно поморщиться. Весть о преждевременной кончине Асада откровенно обеспокоила – грядущий переворот в Преисподней обещал быть скорым и весьма кровавым. Описание моего «чудесного» спасения Жаба, напротив, восприняла довольно равнодушно. А вот при упоминании Гидеса и его способностей кончики ее клыков непроизвольно удлинлись, а из горла вырвался раздраженный рык:

– Ш-шр-р-рах!

Стены кабинета снова дрогнули, а по полу прошла беспокойная рябь.

– Ну зачем же так нервничать? – пробормотала я, на всякий случай отодвигаясь вместе с пеньком. – Подумаешь, шпион Темного Князя... Было бы гораздо хуже, если бы вы о нем не узнали.

– Университет не должен становиться полем боя между Небом и Преисподней! – отчеканила госпожа Девелар, царапая когтями стол. – Это – важнейшее условие его существования. И если оно нарушается, кто-то будет наказан!

– Надеюсь, не я? – кашлянула я, осторожно подтягивая под себя ноги. Отдавит еще, поди потом докажи, что случайно. – Смею напомнить, что я – пострадавшая сторона.

– Зачем вам вообще понадобилось спорить? Да еще на замужество? Хельриана, вам же не пятнадцать лет! Вы что, не сознавали последствий?!

Я потупилась.

– Дык мухоморовка же... у меня тогда в голове шумело...

– Я вам дам мухоморовку! – окончательно взбеленилась директриса. – Леших на безалкогольную диету посажу! На полгода, не меньше! И никакие оправдания, что самогон полезен для растущего деревянного организма, не помогут. Остальным будет грозить немедленное исключение из университета за распитие спиртных напитков в общежитии. Слышите?

Немедленное!

Я забеспокоилась.

– Надеюсь, прошлые грехи учитываться не будут?

– Нет! – чуть тише рыкнула Жаба, перестав портить любимый стол. – Но я стану внимательно следить за вами. И при малейшем подозрении... при самом крохотном намеке на нарушение любых правил... отправлю обратно в Преисподнюю, Хельриана. Причем со всей вашей группой, включая ангела. Вам понятно?

Я невольно вздрогнула: Мартина – в ад? Да еще и пред хищные очи моей жестокосердной матушки?!

– Вам не придется этого делать, мадам Девелар. Даю слово: больше никакой мухоморовки на территории университета.

Дракониды сощурила желтые глаза.

– Вы уверены, что у Темного Князя больше нет на вас прав, Хельриана?

– Даже в Преисподней брак – это не рабство, – несколько успокоилась я. – Избавиться от него можно, если один из супругов добровольно откажется от другого. К сожалению, демоны не отпускают свою добычу, так что разводов у них не бывает. Однако у полукровок чувство собственности развито гораздо слабее, поэтому я смогла.

– Вы разорвали только привязку тел, – снова нахмурилась Старая Жаба и взглядом указала на мои запястья, где все еще виднелся причудливый узор. – Но привязка душ по-прежнему сохранилась.

– Да, – согласилась я. – Князь всегда будет знать, жива я или мертва, была ли ему верна или же сподобилась на измену. Однако повлиять на меня он больше не сможет.

Старая Жаба сердито фыркнула.

– Это не спасет, если он до вас доберется.

– Надеюсь, в ближайшее время этого не произойдет, – ровно отозвалась я. – А за оставшиеся три года привязка душ ослабнет настолько, что ее можно будет снять и без согласия второго супруга. Есть один непростой ритуал, который мне в этом поможет. Для него нужно время и... деньги. Очень много денег, но я найду, где их заработать.

В глазах директрисы появилось оценивающее выражение.

– Мне не нравится ваша осведомленность в данном вопросе, Хельриана...

Я позволила себе усмехнуться.

– Меня хорошо учили в свое время. И не только тому, как сводить мужчин с ума. А когда твою душу рвут на части два высших демона, один

из которых безумен, а второй Тьмой поклялся меня убить, думать вообще приходится очень быстро.

Подробностей схватки между Князьями я ей не рассказывала – сделала вид, что мало запомнила, потому как была в трансе. А вот о проклятии умолчала умышленно. Раз уж в отчете про это ничего не говорилось, значит, Жаба тоже не знает. Или делает вид, что не знает.

Директриса ненадолго прикрыла веки, а затем одарила меня еще одним задумчивым взглядом.

– Ваш муж сможет вас призвать?

– Без моего согласия – только темную ипостась. Ненадолго.

– В том подземелье осталось немало вашей крови.

– Да, но у Князя здесь нет слуг, – возразила я. – Иначе он нашел бы меня первым.

– Тоже верно, – вынужденно признала директриса. – Других двоедушников на территории университета не обнаружено. И никто из студентов не имеет меток подчинения в ауре. Однако даже нарушенная брачная связь может сработать сродни кругу призыва.

– Не исключено, – после недолгого колебания согласилась я. – Но я планировала использовать «зелье мертвеца», о котором узнала от мадам Личианы.

Старая Жаба неожиданно улыбнулась. Нехорошо так, во все сто-надцать острейших зубов, при виде которых даже у меня по спине побежал предательский холодок.

– Старое умертвие, как всегда, в курсе событий... Да и кто сможет почувствовать обреченного на смерть лучше нее?

– Почему вы считаете, что я обречена? – насторожилась я.

– Потому что демоны предпочитают или безраздельно владеть, или уничтожать то, что считают своей собственностью, – продолжая щериться, сообщила директриса. – А с того момента, как Князь перестал быть вашим мужем, ваша брачная метка стала меткой смерти. Правда, ее принадлежность нельзя определить – он даже сейчас пожелал остаться инкогнито. Однако то, что вас обрек на гибель высший демон, просматривается четко.

Я безразлично пожала плечами.

– Ну и пусть. Зато слабые не посмеют меня тронуть, а сильные сто раз подумают, прежде чем рискнут перехватить добычу высшего. Так что при любом раскладе я останусь в выигрыше. Только надо побыстрее закончить работу с «зельем мертвеца».

– Сколько на это уйдет времени? – деловито осведомилась Старая

Жаба.

– Около недели. И было бы хорошо, если бы вы позволили мне не посещать в эти дни занятия.

Директриса снова прищурилась.

– А вам известно, как действует это зелье? И какие у него побочные эффекты?

– Если бы не это, я бы не стала вас ни о чем просить, – вынужденно призналась я. Угу, и откровенничать бы тоже не рискнула. Просто выхода другого не было, прогулы в таком количестве, да еще без объяснений, мне бы не простили. – Согласитесь, получится скверно, если в самый неподходящий момент моя сила выйдет из-под контроля и из-за этого кто-то пострадает. А мадам Личиана обещала позаботиться, чтобы этого не произошло.

Старая Жаба выразительно скривилась.

– А может, лучше сразу отправить вас домой? Меньше проблем – меньше угроза.

Я сделала невинное лицо.

– Зачем лишний раз тревожить покой моей многоуважаемой матушки? Если Герцогиня узнает о похищении, то может посчитать, что УННУН не справляется с возложенной на него задачей и она зря доверила вам свое непослушное, но все же любимое... местами... чадо. Такого же мнения наверняка будет придерживаться и отец. Как считаете, к его голосу прислушаются, если Небо сочтет необходимым организовать здесь проверку?

Морда Старой Жабы окаменела, но я сделала вид, что не заметила. Раз уж директриса сама признала, что несет за нас ответственность, значит, универ не так независим, как я считала. Перед кем она прогибается – неясно, но из недавней оговорки можно предположить, что у матушки есть некие рычаги воздействия на старую ящерицу. К тому же у маман, если верить Зыряну, еще остались на меня какие-то планы, а она ужасно не любит, если ее планам что-то угрожает. Да и папуля у меня не промах. Вряд ли госпоже Девелар захочется испортить с ним отношения.

Я бестрепетно встретила ледяной взгляд директрисы, в котором отчетливо засветилась угроза.

– У вас есть ровно неделя, чтобы привести себя в порядок, – сухо заявила мадам Девелар, полностью подтвердив мои подозрения. – После этого вы или возвращаетесь к занятиям на общих основаниях, или я отправлю подробный отчет в герцогство, где указываю все детали, включая побег (а я склонна расценивать ваше первое исчезновение именно так)

и последующее возвращение в УННУН с использованием Света. А также перечень всех ваших прегрешений, в том числе применение несанкционированных благословений.

Вот же... жаба!

Я с трудом удержалась, чтобы не выругаться.

Если маменька узнает, что я раскрылась перед посторонними и показала светлую ипостась демону, не сломав при этом его волю, обратно в УННУН я уже не вернусь. Вернее, меня туда больше не примут, поскольку побег – одно из немногих прегрешений, за которые следовало незамедлительное исключение. А после этого меня опять запрут на тысячу замков, окружат решетками, после чего, скорее всего, мое обучение продолжится. А если информация о моем появлении в Преисподней дойдет до Князя...

Интересно, маменьке по-прежнему дорого ее герцогство? Рискнет ли она открыто противостоять сильнейшему демону нашего мира, когда тот заявит на меня свои права?

– Благодарю, недели мне хватит, – так же сухо ответила я, поднимаясь с пенька. – Теперь я могу идти?

– Конечно, – квакнула Старая Жаба, удовлетворенно откидываясь в кресле. А я в самом мрачном настроении покинула кабинет, уже зная, что тащиться к Личиане мне придется не завтра, а сегодня ночью. Если, конечно, я хочу уложиться в срок и навсегда избавиться от Темного Князя.

– Ну, здравствуй, тюрьма, – пробормотала я, настороженно оглядывая гостевые покои. – Давненько мы с тобой не виделись... и, надеюсь, больше никогда не увидимся. По крайней мере, скучать по тебе я точно не буду.

За время моего отсутствия обстановка в комнате изменилась. На свежевыкрашенных стенах появилась причудливая роспись узоров, в одном углу обнаружился письменный стол с аккуратнo сложенными на углу книгами, в другом притягивало взгляд массивное кожаное кресло, на спинку которого кто-то небрежно набросил бежевый плед. Ковер на полу сменил цвет с зеленого на бордовый и обзавелся совершенно новым рисунком. А на одной из стен появились сразу две широкие двери, ведущие непонятно куда. Но, что самое удивительное, возле них меня никто не ждал. Не встречал злобным рыком и не пытался сграбастать в объятия, как обычно.

Хм... Неужто Князюшка не расстроился, когда я исчезла, оставив нацарапанную на стене записку: «Прости, мне пора»? Не ярился, что я отсутствовала целую неделю? И не жаждал моего возвращения, чтобы

высказать накопившиеся претензии?

– Княже! – настороженно позвала я, медленно повернувшись вокруг оси. – Княже, ау-у! Я вернулась!

Комната отозвалась гробовой тишиной.

Что ж, придется ждать. Когда-то я неосторожно пообещала, что не покину мужа без предупреждения, и теперь, чтобы не гневить Тьму, должна лично сообщить ему о том, что больше никогда не приду.

Скажите, самоубийство? Согласна, задумка выглядит не очень. Но я надеялась, что наш разговор закончится хотя бы нейтрально. В конце концов, за жизнь я расплатилась жизнью, а за свободу – собственной силой. Темный Князь, как мне кажется, должен это понимать.

На этот раз хлопок телепорта я услышала вовремя. И даже повернулась не слишком поспешно, чтобы не выдать охватившего меня волнения. Я ожидала яростного рыка, торжествующего воя, стремительного прыжка и даже смертельного удара, способного разорвать меня пополам... Чего угодно, но только не того, что Князь замрет возле стены и, вместо того чтобы с ходу выразить «радость» от моего появления, примется буравить меня тяжелым, абсолютно непроницаемым взглядом.

Он снова явился в человеческой ипостаси, и это был скверный признак: супруг использовал этот облик, когда был ко всему безразличен или когда в нем клокотало звериное бешенство, которое он хотел на время придержать. Ни то, ни другое не сулило мне ничего хорошего, но, вместо того чтобы отступить и, пробормотав положенные для соблюдения клятвы слова, поспешно удрать, я лишь тяжело вздохнула и, опустив крылья, тихо сказала:

– Здравствуй.

Князь не ответил, продолжая молча изучать меня лишенными белков глазами. Отстраненный, полностью от меня закрытый, абсолютно непредсказуемый и именно этим по-настоящему страшный.

– Прости, что меня долго не было, – еще тише уронила я, незаметно изучая его бесстрастное лицо. – Мне нужна была эта неделя. От нее зависела моя жизнь.

– Ты изменилась, – наконец разлепил губы демон, по-прежнему не делая попыток подойти.

– Я уже говорила: моя внешность бывает разной, Княже.

– Я говорю не об этом.

Хм. Было бы странно, если бы он не заметил. Моя темная ипостась ведет себя не так, как настоящая я. Она более мягкая, податливая, гибкая, сговорчивая. Она – как сама Тьма, изменчивая и пластичная. Но близость

Света меняет ее кардинально. Рядом с ним Тьма все время готова к бою и становится опасной, как растревоженная змея.

Впрочем, о внешности я не просто так заговорила. Не знаю, что виновато больше – кровь демона или обещанные побочные эффекты, но я действительно изменилась. Не скажу, что это выглядело ужасно, но оказаться в промежуточном облике я не пожелала бы никому. Белые волосы до пят и неестественно бледная кожа, раскосые глаза без белков на обычном человеческом лице, изящные кисти и короткие когти на длинных паучьих пальцах, змеиная чешуя на животе и зачаток хвоста под платьем... «Красавица», чего уж там. Вон даже муж не может взгляд оторвать.

– Что произошло? – сухо осведомился он, и Тьма в его глазах стала более отчетливой. – Почему ты ушла?

Я заколебалась, не зная, с чего начать, и Князь растолковал мою заминку по-своему.

– Ты этого испугалась? – На его руке материализовались два тяжелых и абсолютно белых браслета. – Вот *это* заставило тебя сбежать?

Я прикусила губу. Ну что тебе сказать, дорогой...

– Не смей мне врать, Ри! – глухо рыкнул Князь, и браслеты с похоронным звоном рухнули на пол. – Заклятие я с тебя снял, поэтому у тебя больше нет причин отмалчиваться!

Я подняла на демона недоверчивый взгляд.

Он *что* сделал? Материнское заклинание из меня вылушил? Но как, если оно предусматривало смерть не только для меня, но и для того, кто попытается его уничтожить?

– Говори, – тихо велел муж, ненадолго позволив Тьме окутать его голову целиком. – Я хочу знать все, о чем ты мне не сказала.

Я поежилась, когда его глаза вспыхнули мрачными огнями, и тяжело вздохнула. Но делать нечего – я ведь пришла, чтобы поговорить... в последний раз. У меня не было желания оставлять за спиной могущественного врага. А чтобы этого избежать, придется открыть мужу хотя бы часть правды, которую я умышленно утаила от директрисы.

– Ри-и? – угрожающе прошипел демон, на лице которого проступили на миг и снова пропали змеиные чешуйки.

– Ты прав, – прошептала я, опуская взгляд. – Я действительно многое от тебя утаила.

– Ты ведь не случайно явилась тогда именно в мой замок? – оскалился он. – В день середины весны, когда демоны слабеют, а их темная ипостась наименее активна?

– Прости...

У Князя недобро сузились глаза, а голос стал резким, отрывистым и поистине ледяным.

– Зачем?

– Я же суккуба. И, как любой суккубе, мне нужен был покровитель.

– Им мог стать любой! – зло рыкнул демон, царапнув пол внезапно отросшими когтями на ногах. – В Преисподней двенадцать Темных Князей, примерно равных по силе. Почему ты пришла именно ко мне?

«Потому что ты для меня – наилучший вариант, – невесело подумала я. – И в тот день – как и я, впрочем, – был наиболее сговорчив и меньше всего настроен убивать».

Честно говоря, я давно об этом задумывалась. Еще с тех пор, как матушка пообещала выдать меня замуж за одного из Князей. Поначалу я возненавидела ее за это, но со временем поняла: какими бы ни были намерения матери, лично для меня это – единственный шанс уцелеть. Обрести не просто сильного покровителя, а сильнейшего. Того, кто смог бы не только защитить, но и сохранил бы мою тайну, будучи кровно заинтересованным в том, чтобы я не досталась другому.

Необходимую информацию о Князях и брачном ритуале я собирала годами. Из обширной семейной библиотеки, матушкиных оговорок, осторожных разговоров с развлекавшимися на балах гостями, к которым втайне от маман приходила под чужими личинами. И постепенно в моей голове начал складываться опасный, дерзкий, требующий немалого терпения и осторожности план. Для осуществления которого требовалось лишь найти хорошее убежище и выбрать подходящую жертву.

С убежищем вопросов не возникло – в один прекрасный день УННУН гостеприимно распахнул для меня двери. Гораздо сложнее оказалось подгадать момент для спора и сделать так, чтобы это выглядело естественно. Моя задумка дважды срывалась из-за досадных мелочей, пока наконец я не вытребовала у леших добрую порцию мухоморовки и не сподвигла Шмуля на этот дурацкий спор.

Попасть в нужный замок труда не составило – для этого во время произнесения клятвы надо было лишь страстно захотеть увидеть владельца второго домена. И я захотела. Увидела. А затем привела *очень* весомые аргументы в пользу нашей скоропалительной свадьбы.

Единственное, чего я не предполагала, – это то, что Князь сумеет призвать обратно мою вторую ипостась. По плану я должна была уйти раз и навсегда, поставив мужа в такие условия, чтобы ему стало невыгодно сообщать о нашем договоре. Он даже к Герцогине не рискнул бы явиться

с вопросами, чтобы не выдать своего позора. А без нее у Князя не имелось ни единого шанса на успех. Со временем, перебесившись и остыв, он бы успокоился и отказался от настойчивых поисков, так и не узнав, в чем дело. Или, по крайней мере, свел активность к минимуму. А я, получив брачную метку в ауре, была бы надежно защищена от посягательств как матушки, так и более слабых демонов, пожелавших меня подчинить.

– Почему я, Ри? – угрожающе повторил Князь, видя, что я не тороплюсь с ответом.

– Ты – единственный из высших демонов, кто демонстративно презирал нашу расу, – наконец ответила я. И ничуть не солгала при этом. – Единственный, кто за три сотни лет ни разу не появился в герцогстве и не посетил ни одного бала. Кого никогда не заподозрили бы в связи с суккубой и кто при необходимости сумел бы защитить меня почти от всего...

«К тому же ты – самый молодой из повелителей, который просто не мог видеть мою крылатую прародительницу и не сумел бы связать меня с ней».

У Князя недобро блеснули глаза.

– Если ты искала сильнейшего, почему не пришла к Асаду?

– Асад всегда славился агрессивностью и непредсказуемостью. А ты, хоть и жесток, все же последователен и по большей части справедлив. И с тобой, если верить слухам, можно договориться.

– Зачем же было рисковать с Князем? – презрительно фыркнул демон. – Выбрала бы кого попроще.

Я покачала головой.

– Ты не понимаешь. Когда рождается суккуба, от матери она получает лишь слабенький дар – умение вызывать симпатию, которая чуть-чуть увеличивает ее шансы на выживание, но при этом не спасает ни от жестокости, ни от боли, ни от плена. Когда девочке исполняется двенадцать, этот дар угасает. Именно тогда начинается наше обучение, которое подходит к концу лишь с достижением совершеннолетия. Что за обучение, надеюсь, объяснять не нужно – за него ты нас и презираешь. Но мы не по собственной воле вступаем во взрослую жизнь так рано, если не научимся обольщать и покорять, то не сможем найти достойного покровителя. А значит, безвозвратно потеряем силу и превратимся в обычных беззащитных, не способных ничего противопоставить вам созданий, которых легко уничтожить как расу.

– Вы всегда были слабы, – сухо бросил демон.

– Это правда, – легко согласилась я. – Мы были настолько слабы,

что постоянно нуждались в защите. И тысячелетиями отбирали мужчин, принимая в покровители сильнейших. От низших – к слабым, от слабых – к сильным. Этот путь был труден и долог, но мы сумели его пройти. И быстро осознали, что не всегда нужно быть сильными самим, чтобы выжить, – порой достаточно иметь хорошего защитника.

– Почему для вас важна именно первая жертва?

Ого! Выходит, кое-что он все-таки знает? Интересно, откуда, если Князюшка демонстративно не интересуется суккубами?

Я внимательно посмотрела на мужа.

– Победа над первым самцом пробуждает нашу настоящую силу. Причем чем сильнее и опаснее жертва, тем большую силу мы получаем. Сложность в том, что в первый раз мы можем воспользоваться лишь обычными женскими уловками. Мы должны обольстить мужчину, не имея дара. Со спящей темной ипостасью, которой еще только предстоит проснуться.

На скулах демона снова проступила чешуя.

– Хочешь сказать, ты еще не достигла совершеннолетия? – прошипел он, легко догадавшись обо всем остальном. – И выбрала меня в качестве первой жертвы?

– Это был не мой выбор, Княже. – Я снова покачала головой, не став напоминать, что он сам вынудил меня использовать силу. – Сам факт моего зачатия был тщательно спланирован и мастерски осуществлен моей матерью. Слияние Света и Тьмы... Как считаешь, о чем подумала Темная Герцогиня, когда узнала о моем даре? И для чего вообще был проведен эксперимент со светлым пленником?

Темный Князь нехорошо прищурился.

– К чему ты ведешь?

– Асад сказал о нас правду, – прошептала я, глядя в пылающие Тьмой глаза. – Из всех ступенек, ведущих на вершину власти, суккубы не смогли переступить только через одну, поэтому среди наших покровителей нередко бывали высшие, но никогда не было Князей. Однако такой подарок, как я... Как считаешь, что произошло бы, если бы обо мне стало известно остальным Князьям? И что случилось бы, если бы выяснилось, что любого из них я могу сделать вдвое сильнее?

Демон окинул меня задумчивым взглядом, но с ответом не замедлился:

– Война.

– Да, – снова прошептала я. – Итогом которой стало бы или уничтожение Суккубского герцогства, или...

– Твое замужество – за того, кто смог бы первым надеть на тебя

брачные браслеты. А затем все равно – война, в которой победитель принялся бы истреблять конкурентов.

Я печально улыбнулась.

Ты пропустил одно звено в своих рассуждениях, Княже... Перед войной мой муж приложил бы все усилия, чтобы я возжелала его проклясть. Выжила бы я после этого или нет, уже не важно. Но то, что ты об этом не упомянул, говорит о многом.

К счастью, даже в Преисподней мало кто знает, что светлое проклятие может наложить лишь полукровка. Точнее, это известно только нам, суккубам, на протяжении тысячелетий целеустремленно улучшавших свою породу и достигших на этом поприще немалых успехов. Правда, чтобы заполучить дитя двойной крови, необходимо сначала качественно проклясть кого-то из носителей истинного Света, что, прямо скажем, весьма проблематично. Маменька после такой охоты почти два года прожила как затворница, боясь признаться, что лишилась силы. А могла и вовсе не выжить, особенно если бы папочка заартачился или оказался сильнее. Неудивительно, что за все время существования нашего мира уникальных проклятийников рождалось так мало. Но все они были рождены суккубами от проклятых ими жителей Неба.

Эту тайну мы скрывали долго и очень старательно. Не зря на каждом из тех, кто ею владел, висело смертельное проклятие. Каким именно образом Князь умудрился снять его с меня, я не знаю, но даже сейчас не открою ему всей правды. Потому что точно знаю: если она выплывет наружу, наша раса окажется на грани уничтожения.

– О моем даре не знал никто, кроме матери и Темной Герцогини, – обронила я после минутного молчания. – А мое обучение началось не в двенадцать лет, как у всех, а раньше, намного раньше. Повелительница понимала, что ради обладания мной Князь, не задумываясь, стерли бы тринадцатый домен в порошок, и планировала заключить с вами сделку: мое замужество в обмен на безопасность страны. Моя сила взамен на клятву признать нашу независимость. При этом мать хотела, чтобы я не только породнила нас с Темными Князьями, не просто вышла замуж и стала верной спутницей кому-то из вас. Она предполагала, что я смогу успешно воздействовать на супруга, и однажды...

– Посадишь его на короткий поводок! – моментально вызверился демон. – Сломаешь его волю, а затем приведешь к трону Герцогини, как покорную собачонку!

Я неловко кашлянула.

Хороший был план, это верно. И, что самое интересное, вполне

осуществимый. Он одним махом вывел бы маман на высшие позиции в Преисподней и сделал ее не просто уважаемой демоницей, после такого ее авторитет стал бы непререкаемым. Только представьте: сильнейший Князь с подавленной волей, готовый на все ради новоявленной супруги. Идеальная жертва, великолепнейший ход в тысячелетнем противостоянии мужчин и женщин... О, маменька не зря так круто за меня взялась – великая цель требовала от нее великих свершений. И разумеется, она не придет в восторг, узнав, что я умышленно поломала эту красивую комбинацию.

Из глотки осознавшего всю глубину нашего коварства демона вырвалось леденящее кровь рычание, а я снова опустила глаза.

– Меня готовили к этому всю сознательную жизнь: как с вами говорить, как смотреть, двигаться и даже молчать. Учили подчиняться, уступать, смиряться. Правдиво обманывать и годами жить в фальшивой личине. Мне показали, как управлять своими и чужими эмоциями. Как вызывать любые чувства: от симпатии до влюбленности, от раздражения до ненависти. Я все это умею, Княже. Только не всегда использую. Однажды ты сказал, что мог бы научить меня боли, но у меня уже были толковые учителя. Вернее, у меня были самые лучшие учителя, которых только можно нанять за деньги. Не скажу, что я была прилежней ученицей. Но мне не раз показывали те грани, о которых ты когда-то так воодушевленно говорил. Мое обучение было трудным, Княже, и очень разносторонним. О вас так мало известно, что мать решила на всякий случай научить меня всему и подвергнуть всем прелестям совместной жизни с жестоким и не знающим слова «нет» тираном. По ее задумке, я должна была стать сильнейшей из своих сестер. И самой опасной тварью во вселенной, ведь меня обучали специально, чтобы покорять таких, как ты.

У Князя исказилось лицо, а рык стал таким оглушающим, что я умолкла, продолжая неподвижно стоять, упрямо глядя в пол. Смиренная, покорная, беззащитная – только подходи и бей.

Но он почему-то не ударил. И даже с места не сдвинулся. Лишь волна неистовой, какой-то бешеной ярости рванулась из него на волю, безжалостно круша мебель, покрывая стены и потолок глубокими трещинами и заставляя шататься кровать под тяжелым балдахином.

– Как такое возможно? – бешено взревел Князь, когда совладал с темной ипостасью. – Как ты сумела воздействовать, если я не поддаюсь чарам?

– Я не воздействовала на тебя чарами, Княже, – тихо призналась я. –

Мне не нужно залезать в твою душу, чтобы понять, какой образ ты там хранишь. Мое воздействие проще и одновременно сложнее: я не ломаю защиту своих жертв – я их *чувствую*. Мое тело отзывается на твои прикосновения, поэтому его нельзя обмануть, точно так же как нельзя обмануть себя самого. Да, ты не держишь перед внутренним взором портрет своей Женщины, но твои руки знают, что хотели бы ощутить. Ты не помнишь цвета ее кожи или волос, но твои глаза начинают гореть, когда тебе нравится то, что ты видишь. Твои ноздри всегда трепещут, когда чувствуют родной запах. Твой голос меняется, дыхание учащается, меняется ритм сердца. Все твоё тело, хочешь ты этого или нет, шаг за шагом подсказывает, где и что мне нужно изменить, чтобы выглядеть так, как ты хочешь. И что нужно сделать, чтобы ты и дальше желал ко мне прикоснуться.

Темный Князь глухо зарычал.

– Ты меня обманула!

– Нет, Княже. Я лишь дала тебе то, что ты пожелал. И то, чего тебе не хватало.

– Тогда почему не добила? – рявкнул он, не сдержавшись. – Почему не закончила то, что начала?

Я прикусила губу.

Эх, Княже, если бы ты знал, чего мне стоило остановиться... До чего тяжело было влиять на тебя постепенно вместо того, чтобы сломать в первую ночь! Вопреки матушкиным чаяниям, я не собиралась брать над тобой контроль. Это была лишь самозащита, к которой ты, разъяренный и озлобленный, сам меня принудил.

Но даже тогда я старалась беречь твою мужскую гордость, лелеяла, как самое дорогое, едва наметившиеся чувства. Шаг за шагом менялась, настраиваясь на тебя, как настраивается арфа под чуткими руками мастера. Смирля свой нрав, проявляла покорность, терпеливо дожидаясь, когда схлынет твоя звериная ярость... и делала все, чтобы ты не стал от меня зависим. И не возненавидел после того, как я окончательно уйду.

– Тебя никто не должен был заподозрить, – тихо ответила я, упорно глядя в сторону. – Длительная связь с суккубой заметно меняет мужчин, а мне не хотелось, чтобы об обряде стало кому-то известно. Поэтому наш первый разговор происходил без свидетелей. Поэтому же мне пришлось разозлить Асада – более сильный демон способен разглядеть твою брачную метку, так что его мысли нужно было сосредоточить на чем-то другом. Сейчас о том, что мой муж – Темный Князь, знает лишь несколько разумных, которым я абсолютно доверяю. А о том, что этот Князь – ты,

не знает вообще никто.

Да. Я даже Жабе этого не сказала. Маленькое белое пятнышко в моем рассказе, которое вполне укладывалась в легенду пьяного спора.

– Конечно, это было рискованно, – криво улыбнулась я. – Но ты не причинил бы мне вреда, пока я не совершила бы грубой ошибки. Желание обладать *своей* женщиной достаточно в тебе сильно, чтобы постараться меня уберечь даже от себя самого. Опасны были лишь вспышки твоей злости. Но со временем я нашла безопасные границы и... да, ты правильно догадался – для этого мне пришлось намеренно тебя спровоцировать.

У демона потемнело лицо.

– В первый раз ты тоже... провоцировала?

– Злость быстрее всего разрушает безразличие, – кивнула я. – Когда демон злится, его темная ипостась теряет контроль и становится уязвимой. Для меня. После этого тебя оставалось лишь заинтересовать, предложить небольшой спор и... все. Остальное ты сделал сам.

У Князя дрогнули ноздри, а чешуйки на лице стали более отчетливыми. Затем раздались в стороны плечи, изменился рост, со спины медленно соскользнул на пол длинный плащ, которым он был укутан от подбородка до самых пяток. Я с грустью проводила глазами упавшую одежду, в которой мой преобразившийся супруг более не нуждался. И вынужденно подняла голову, чтобы взглянуть на хищное, покрытое блестящей чешуей лицо высшего демона, полностью перешедшего в свою истинную ипостась.

– Твоя игра и впрямь была опасной, – прошипел он, раздраженно дернув хвостом. – Жаль, что я только сейчас могу оценить ее по-настоящему. Но я ведь мог тогда не остановиться.

Я невесело улыбнулась.

– Все-таки ты очень мало о нас знаешь, Княже... Поверь, любовные чары нужны не только для одурманивания жертв. В первую очередь они необходимы нам самим, потому что только с ними наше притворство становится достоверным. Это была не игра, Княже. Во время охоты все в нас становится настоящим: внутренний жар, желание, страсть... Временно, конечно, но иногда лишь миг отделяет от победы или проигрыша. Так что, если бы ты тогда не ушел, я стала бы твоей навсегда.

– Разве теперь это имеет значение? – поинтересовался демон, брезгливо оттолкнув от себя брачные браслеты. – Ты меня приняла, Ри. Магия это подтверждает. Значит, ты все равно моя. Я выиграл!

Я покачала головой.

– Ты ошибаешься, Княже.

– Ты здесь и полностью в моей власти, – вкрадчиво прошептал он, неумолимо подбираясь ближе. – Твоя клятва недействительна. Что меня остановит?

Я проследила за тем, как его когти тянутся к моей щеке, замерла, когда они застыли в опасной близости от моего лица, и... грустно улыбнулась, когда они беспрепятственно прошли сквозь меня, сумев ухватить лишь воздух.

– Прости, Княже, но ты снова ошибся, – обронила я едва слышно, когда он, недоумевая, отступил.

– Это еще что такое? Почему я не могу до тебя дотронуться?

– Я приняла меры.

– Ты... – Недоумение на лице демона стремительно сменилось тревогой. – Ты не могла умереть... я бы знал! Что ты натворила, женщина? Что с собой сделала?

Я тихонько вздохнула.

– К сожалению, я не могу убить свою темную ипостась, но усыпить ее мне по силам. «Зелье мертвеца»... Прости, но сегодня я приняла последнюю дозу, так что через несколько минут моя вторая половина окончательно уснет и потеряет силу. Меня ты больше не призовешь – вокруг моей постели уже закончили рисовать круг призыва – на крови, разумеется, и это значит, что я больше к тебе не вернусь. Собственно, я пришла только для того, чтобы предупредить об этом. И попросить прощения. За свой обман. За молчание. И за то, что не смогла бы стать тебе достойной супругой.

Князь отшатнулся, вглядываясь в мое бесстрастное лицо, а потом хрипло рыкнул:

– Ты все еще моя жена, Ри!

– Да, – согласилась я, поднимая вверх руку, сквозь которую начал отчетливо просвечивать узор на стене. – К сожалению, от своих браслетов я освободиться не могу. Но твои мне снять удалось. Поэтому, хотя я остаюсь твоей супругой, но ты мне больше не муж. И вскоре сможешь взять в жены кого-то еще.

У демона зло сверкнули глаза.

– Собралась найти себе другого покровителя, женушка? Надумала мне изменить?

– Нет, – спокойно ответила я. – Я – полукровка, Княже. И, в отличие от остальных, покровитель у меня может быть только один.

Князь неумолимо нахмурился.

– Что?

– Моя вторая половина, – пояснила я и кивнула на валяющиеся на полу браслеты. – Она действительно тебя признала, так что в каком-то смысле ты все-таки победил. Но она – это еще не вся я, поэтому мне придется уйти.

Он снова протянул руку, сжал когти, словно хотел меня схватить, но наткнулся на мой взгляд... и медленно отвел ее в сторону.

– Ты боишься меня, Ри?

– Нет, Княже, – качнула головой я. – С тех пор, как я начала тебя понимать, мне больше не страшно.

– Тогда почему ты уходишь?

Я горько рассмеялась.

– Оглянись, Княже! Неужели мне лишь показалось, что под слоем краски здесь повсюду нарисована удерживающая руна «Ха»? Или я ошиблась, посчитав, что под видом узоров на стены и потолок наложены мощные заклинания призыва? Учебник с рунами мы с тобой изучали вместе, и я прекрасно помню, какая руна может быть без последствий начертана на камнях. Ковер, судя по всему, тоже заменили не просто так: ты что-то нацарапал на полу? И, вероятно, кровью, раз для этого потребовалось использовать темные цвета? Да и два соседних помещения появились здесь не случайно.

Демон чуть заметно дернул щекой.

– Я открыл тебе доступ в библиотеку. И переместил ближе купальню, чтобы было удобнее.

– Полагаю, оттуда нет другого выхода?

– Это для твоей же безопасности.

– Не сомневаюсь, – тяжело вздохнула я. – Широкая постель – для большего моего комфорта. Высокие потолки – для того, чтобы я смогла иногда летать. А выхода тут нет просто так, на всякий случай – чтобы я от тебя не сбежала и где-нибудь не поранилась. Нет, Княже. Прости, но я не буду твоей игрушкой. И не хочу провести остаток жизни в каменном гробу, гадая, через сколько времени тебе это надоеет. К тому же я больше не одарю тебя Светом – светлое проклятие накладывается на разумного лишь однажды. Поэтому прощай, мой муж. Я больше тебе не нужна.

– Зачем ты меня прокляла? – хмуро осведомился демон, отступая на шаг.

Я пожала плечами.

– Потому что поняла: Темного Князя может убить лишь другой Темный Князь. А из вас двоих я выбрала тебя. Не потому, что ты сильнее, быстрее или лучше. Просто потому, что ты спас мне жизнь. Мы, суккубы,

редко думаем о сохранении равновесия или всеобщем благе, даже умирая, мы думаем лишь о тех, кто нам близок. И кто был готов спасти нас даже ценой собственной жизни. Таким мужчинам, несмотря на все их недостатки, мы готовы верить. И только им готовы по-настоящему покоряться.

Моя рука стала почти прозрачной, а следом за ней посветлело и начало стремительно истаявать остальное тело.

«Время истекло», – поняла я и в последний раз взглянула на своего бывшего мужа. Князь был мрачен, как грозовая туча. Напряжен, словно готовящийся к прыжку зверь. Наверное, все-таки зол, хотя на этот раз ему лучше удалось скрыть свои чувства. Но попыток остановить меня он больше не делал. Просто стоял и смотрел, как я исчезаю, до последнего не отпуская его взглядом. А когда я почти перестала его различать, наконец пошевелился и негромко бросил:

– Я найду тебя, Ри! И запомни: мое имя Арсур.

Эпилог

– Все хорошо, что хорошо кончается! – торжественно возвестил Шмуль, поднимая полный до краев бокал. – Хелька у нас теперь свободная женщина, Улька с первого раза сдала экзамен по мертвологии, Васька научился оборачиваться, Зырян смог заставить свой дар повиноваться, и все мы, как ни странно, закончили этот год без двоек. Есть повод напиться!

Мы с баньши выразительно переглянулись.

– Двоек, может, ни у кого нет, но чего нам это стоило...

Это правда, второе полугодие далось нам нелегко. Учителя в последнее время как с цепи сорвались, наседавая именно на нашу группу так, как никогда раньше. Постоянные опросы, регулярные контрольные, промежуточные зачеты... Причем условия для пересдачи конкретно нам выдвинули такие зверские, что проще было выучить материал сразу, чем изо дня в день ходить на отработки.

Уверена – это Жабенция отомстила за шантаж и попытку на нее надавить. Пострадали из-за этого все, но ребята, надо отдать должное, ни разу не пожаловались.

Итогом этой полугодовой гонки стали приличные отметки в зачетках. Васька, в поте лица упражняясь в оборотничестве, научился контролировать промежуточный облик и теперь мог изменить любую часть своего тела по желанию. У Ульки после долгих мучений наконец стало что-то получаться по целительству. Мартин теперь мог пользоваться природным даром ангелов перемещаться в пространстве. Зырян стал гораздо чаще предвидеть и теперь мог выдать информацию о каком-то событии примерно за неделю до того, как оно произойдет. Ну а Шмуль постепенно наловчился призывать темную ипостась и набрасывать на себя невидимость, открывшую перед прирожденным вором невероятные возможности.

– Все это – мелочи жизни! – жизнерадостно воскликнул фей и бодро опрокинул в себя содержимое бокала. – Главное, что мы живы и здоровы, а остальное приложится!

В трактире, куда мы завалились отпраздновать завершение сессии, одобрительно загудели. Народу собралось довольно много, и почти все – наши однокурсники, решившие догулять после официального завершения выпускного бала. Рисьяр, правда, явиться не рискнул, да и уцелевшие бесы

из стаи Гидеса куда-то исчезли, но оно и к лучшему – при виде них у меня слишком часто появлялось желание кого-нибудь покалечить.

– За нас! – гаркнул во весь голос Васька, тоже поднимаясь из-за стола. – Пусть сдохнут враги и ликуют друзья! УННУН – это сила! УННУН – это я!

Пользуясь тем, что народ повскакивал со своих мест, чтобы поддержать дружным ревом кричалку, я отставила опустевший бокал и тихонько выскользнула на улицу.

Здесь было посвежее и потише, а прохладный ветерок приятно остужал разгоряченное лицо. Ночь... темнота... С некоторых пор я снова полюбила это время суток. Ведь в темноте так легко скрыть свое неудовольствие и спрятать от других истинные чувства.

Сказать, что я легко пережила конец года – значит здорово погрешить против истины. И дело было даже не в том, что мне, как и всей группе, пришлось вплотную заняться учебой. С потерей второй ипостаси в моей душе образовалась какая-то пустота, которую я никак не могла заполнить. А с уходом от мужа к ней стала примешиваться и тяжелая, почти постоянная, упорная тоска, причину которой я до сих пор не могла найти.

Я не жалела о своем решении – оно было взвешенным, продуманным, обоснованным и логичным. Разум настойчиво твердил, что я сделала единственно верный выбор, но поганка-память никак не хотела успокаиваться и раз за разом заставляла вспоминать мой последний день в Преисподней.

Арсур...

Оказывается, ты тоже коварен, Княже. Исчезнув из моей жизни, ты тем не менее сумел привязать меня еще сильнее, чем раньше. Теперь не проходит ни дня, чтобы я о тебе не вспоминала. И не начинала заново гадать, для чего же ты открыл мне свое имя.

Сначала я решила, что ты банально солгал, надеясь, что я размякну от такого доверия и однажды вернусь. Но потом сообразила, что твой замысел гораздо сложнее и глубже, ведь имя высшего демона – готовая привязка для призыва. И стоит мне только произнести его вслух...

Я зябко передернула плечами и плотнее закуталась в шаль.

Это было подло, мой Князь, – играть на моих сомнениях и использовать извечную женскую слабость, чтобы добиться своего. Все суккубы любопытны по природе. И даже мне нелегко удержаться, чтобы не проверить, правду ли ты сказал или же это действительно был обман. Но, что самое скверное, зная тебя лучше многих, я все равно не могу понять тебя до конца. Мы ведь оба прекрасно понимаем, что имя

демона не обязательно произносить вслух – достаточно написать его на бумаге и продать кому-нибудь за большие деньги, чтобы сделать грандиозную гадость.

Но тогда зачем ты доверил мне эту тайну?

И почему решил, что я не предам?

Я уже полгода ломаю голову над этими вопросами, но до сих пор не могу прийти к какому-либо заключению. Все так сложно, Княже... И мое отношение к тебе тоже... неоднозначное. Не сомневайся, я никогда не забуду, что ты сделал для меня в том подземелье. Как не забуду и того, что ты пытался сделать в начале нашего знакомства.

Это не ненависть... но и не любовь.

Не страх... но и не симпатия.

Быть может, благодарность? А еще – уважение. Восхищение. Преклонение перед твоей силой и сожаление от того, что эта сила столь негибка и непримирима.

Я не знаю, что я чувствую к тебе, Княже. Но мне, как бы странно это ни звучало, временами не хватает твоего присутствия. Например, как сейчас, когда ночной ветер уже ощутимо холодит спину, но рядом нет никого, кто мог бы меня согреть и, властно притянув к себе, уверенно сказать: «Ты – моя, Ри. Вместе со всеми проблемами и недостатками».

Наверное, это все ночь виновата и крепленое вино, которого я явно перебрала. Но, глядя в темноту убегающей вдаль улицы, мне почему-то хочется увидеть там твой страшноватый силуэт. Знать, что ты не забыл меня, Княже. И верить, что ты ищешь меня не только для того, чтобы убить. Верить, что в твоей душе остался хотя бы крохотный огонек признательности за все мои старания. И такой же крохотный, пусть и недолговечный, комочек истинного Света, которым я с тобой однажды поделилась.

– Скучаешь, Хель? – Меня по плечу хлопнула мощная лапища оборотня, а следом где-то неподалеку застрекотали крылышки фея.

– Что грустила, подруга? – Шмуть, снизившись по совершенно невероятной траектории, на удивление точно приземлился на мое плечо и пьяно ухмыльнулся. – Неужто мы так тебе надоели, что ты ушла тосковать на крыльцо?

Я одним щелчком скинула его с плеча и, вовремя ухватив за крыло, решительно ссадила на перила.

– С вами не соскучишься! Особенно с некоторыми.

– Тогда почему ты здесь? – Бесшумно выступившая из темноты Улька внимательно посмотрела на мое бесстрастное лицо, больше похожее

на маску. А Васька, спрятав от посторонних глаз огромные медвежьи когти, незаметно ткнул открывшего рот Зыряна, чтобы тот не вздумал отвечать на не ему заданный вопрос.

Я как можно беззаботнее пожала плечами.

– Да вот, задумалась, на что мы можем потратить целый месяц каникул.

– И на что же... ик!.. – опасно пошатнулся Шмуть, едва не кувырнувшись на землю.

– Только не на пьянство! – возмущенно заявил Мартин, появившись рядом прямо из воздуха и вовремя поддержав друга за рукав. – Ты, когда выпьешь, становишься буйным, а мне надоело вытаскивать твою задницу из неприятностей!

Фей широко улыбнулся и полез обниматься с ангелом.

– Да ладно тебе, зануда... меня же ни разу не засекли!

– Если засекут, поздно будет, – проворчал Васька, наградив фею легким подзатыльником. – Жаба слов на ветер на бросает, если обещала, что отправит нас в Преисподнюю, значит, так и будет.

– А я... ик... ничего не боюсь! Даже в Преисподней! Мне с моим проклятием море по колено! И вообще, я... О-о-о! – У феи вдруг округлились глаза, а из разинутого рта вырвалось какое-то невнятное мычание. – Да это же... ну-у-у...

– Шмуть, ты чего? – тут же забеспокоилась Улька и принялась шарить по карманам в поисках отвязывающего зелья собственного изготовления. Зелье было совсем новым и потому неопробованным, так что Шмуть находился всего в шаге от опасного эксперимента. – погоди, сейчас я тебе помогу.

– Не надо! – моментально протрезвел и даже, кажется, позеленел фей. После чего ловко вывернулся из рук Мартина, торопливо взлетел, пока Улька не успела всунуть ему в зубы пробирку с подозрительным составом. После чего опасливо спрятался у меня за спиной и уже оттуда гордо сообщил:

– А я вспомнил имя демоницы, которая прокляла наш род!

Я удивленно застыла, Зырян озадаченно крикнул, Улька от неожиданности выронила свое зелье, которое, к счастью, Мартин успел подхватить, а Васька с сомнением наморщил нос.

– Врешь ты все! Имя проклятийника самопроизвольно стирается из памяти жертвы, пока не закончится действие проклятия.

– А я все равно вспомнил! – упрямо повторил Шмуть, мудро не высываясь наружу. – Это было в книге написано. В той, артефактной,

которая по нам Тьмой шарахнула. А звали эту демоницу Шармиэль Арей Нар Шота! Вот! И пусть Улька подтвердит, что я ни капельки не вру!

– Не врет, – немедленно подтвердила баньши, лучше всех знакомая с темными заклинаниями.

Оборотень недоверчиво хмыкнул, а я непроизвольно сжала кулаки. Так-так-так, маменька... Оказывается, ты и тут успела наследить? Нет, я, конечно, знала, что ты по молодости лет здорово покуролесила, но чтобы умудриться проклясть целую расу...

– Теперь мы можем ее призвать? – с надеждой посмотрел на меня Шмуль, дергая за рукав. – Хеля, мы ведь сумеем, да?

Мои губы растянулись в недоброй усмешке.

– Конечно. И намного быстрее, чем ты думаешь. Для этого даже трех лет ждать не придется.

– Ур-р-ра!

– Какое «ура»? У меня еще ингредиентов нужных для круга нет, – проворчала баньши, когда фей, издав радостный вопль, сиреновой стрелой взмыл в небо. – Трав редких, крови, заклинаний...

– Ничего, – медленно проговорила я, с предвкушением потирая кулаки. – Какие заклинания использовать, я тебе подскажу. Крови тоже будет в достатке. А что касается трав, то у нас есть целый месяц, чтобы вырастить все необходимое. Как вы относитесь к тому, чтобы навестить Личиану уже сегодня?

На лице Васьки появилось озорное выражение, Мартин с любопытством уставился на невероятные кульбиты ошарашенного фея, баньши принялась озабоченно загибать пальцы, заранее подсчитывая, чего и сколько ей понадобится для ритуала, а оракул, ненадолго расфокусировав взгляд, степенно кивнул.

– Мы с тобой, Хель. Не сомневайся: без нас ты в Преисподней больше не появишься.

СНОСКИ

1

Врыдла – редкое, смертельно ядовитое земноводное, исконный обитатель болот.

Двоедушник – полудемон, имеющий две души, человеческую и демоническую, причем демоническая способна во время сна вселяться в тело животного или птицы и вести самостоятельную жизнь. Ее также можно призвать с помощью ритуала призыва, предварительно добыв подходящее тело.